

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2012 – 12 (246)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2012**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2012. – № 12 (246). – 198 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л.В. Скворцов.</i> Проромы поля современной геополитики	4
<i>Александр Рар.</i> Россия – Европа, но не Запад	62
<i>Айслу Юнусова.</i> Интеграция религиозного и светского образования: Модели, практика, перспективы	71
Международный семинар-совещание представителей стран СНГ, посвященный проблемам подготовки специалистов по истории и культуре традиционных религий	78
<i>Виктор Авксентьев, Борис Аксюмов.</i> Конфликтологические сценарии Юга России в контексте социокультурного развития региона	87
<i>Алексей Малащенко.</i> Новый президент и «старый» Северный Кавказ	96
<i>Адаш Токтосунова.</i> Проблемы и перспективы межрелигиозного и межэтнического диалога в Киргизстане	104
<i>Анатолий Адамишин.</i> Уроки примирения в Таджикистане	115
<i>Александр Шустов.</i> Получат ли США военную базу в Узбекистане?	130
<i>Адиб Халид.</i> Постсоветские судьбы среднеазиатского ислама	135
<i>Марк Катц.</i> Сирия для России как Афганистан для СССР?	159
<i>Анатолий Клименко.</i> Возможные последствия вывода ВС США и НАТО из Афганистана для внутренней и региональной безопасности	167
<i>Борис Долгов.</i> Арабский Магриб и российские интересы	174
<i>Г. Магомедов.</i> Этикет в арабо-исламской культуре	186
Список статей, опубликованных в бюллетене «Россия и мусульманский мир» в 2012 г.	189

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

Л. В. Скворцов,

доктор философских наук, профессор,
заместитель директора ИНИОН РАН

**ПРОДРОМЫ¹ ПОЛЯ
СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ**

*О, Запад есть Запад, Восток есть
Восток, и с мест они не сойдут,*

*Пока не предстанет Небо с Землей
на Страшный Господень суд.*

*Но нет Востока и Запада нет,
что – племя, Родина, род,*

*Если сильный с сильным лицом к лицу
у края Земли встает?*

(Р. Киплинг. Баллада о Востоке
и Западе. Пер. Е. Полонской)

В ходе президентской предвыборной кампании 2012 г. Митт Ромни, критикуя Барака Обаму за его внешнюю политику, назвал Россию геополитическим противником Америки номер один. Это заявление не могло не вызвать широкого общественного резонанса.

Возникает вопрос, что стоит за этим заявлением: личная точка зрения Ромни или же константный взгляд американской политической элиты на Россию?

Очевидна важность правильного ответа на этот вопрос. Если мы имеем дело с константным политическим курсом Америки, то мир снова оказывается, как поэтически выразился Р. Киплинг, «у края Земли».

Конечно, можно игнорировать заявление Митта Ромни, считать его словесным упражнением предвыборной программы, не имеющим реального политического смысла. Но это было бы

¹ Продром (от греч. prodromos) – симптом опасности.

проявлением, свойственным нашей ментальности, *легкомыслия*. Легкомыслие приятно, поскольку оно снимает *озабоченность*. Снятию озабоченности активно способствуют *миражи*, которые формируются информационными центрами и спецслужбами Запада.

А как в этой ситуации ведет себя наша отечественная интеллектуальная «тусовка»? Для нее характерны противоположные эмоциональные реакции.

Фундаментальная наука призвана прояснить *действительную* ситуацию. Поскольку *действительность* ситуации относится к *виртуальной* реальности, то здесь оказывается необходимой *методология гуманитарного знания*.

Необходимо воспроизвести ту геополитическую реальность, которая стоит за заявлением Митта Ромни. Без этого невозможна современная глобальная политическая ориентация.

Итак, существует ли реальная угроза того, что сверхдержава возьмет на вооружение ориентиры геополитики?

1. Сохраняется ли геополитическая цель?

Сегодня мы можем с определенной осторожностью утверждать, что ответ на этот вопрос носит двойственный *характер*: и «да» и «нет».

Заявление Митта Ромни свидетельствует о том, что в США существуют влиятельные политические силы, выступающие за реанимацию геополитики в отношении России, а вместе с тем и политики «холодной войны». Но нельзя сбрасывать со счетов и влияние здравомыслящих политиков, стремящихся увести современный мир от повторения апокалипсиса XX в.

Кто победит в этом принципиальном противостоянии?

Все зависит от результата практической апробации построения поля современной геополитики. Что будет означать «край Земли» – общечеловеческую катастрофу или триумф «самого сильного» и «самого достойного»?

Но что такое «край Земли» в исторической ретроспективе?

Мир встал «у края Земли» во время Второй мировой войны. После нее представлялась невозможной реанимация геополитической цели.

Человечество обрело общую *мудрость*.

Ее образно выразил Р. Киплинг. Камал, следуя духу мятежных племен, крадет гордость английского полковника, принадлежащую ему чистокровную кобылу. Сын полковника, следуя со-

хранению чести рода, преследует конокрада, настигает его, угрожая позвать солдат, сжечь его селение и перебить сородичей.

Можно ли предотвратить конфликт? Следуя приоритету сохранения жизни, сын полковника отказывается от мести и дарит Камалу кобылу отца. Вступает в силу чувство *справедливости*.

Камал в ответ на дар сына полковника посылает своего сына на подаренной кобыле на службу к полковнику. Восток и Запад «сходят со своих мест».

Высшее чувство справедливости *стоит как над корыстной выгодой, так и честью рода и племени*.

Реальность человечества как целого, признание приоритетного смысла его сохранения коренным образом меняют традиционные тренды международной политики.

Но меняют *виртуально*. В реальности продолжает действовать *конкретность частных интересов*. Эта конкретность и была поколеблена катастрофическими жертвами Второй мировой войны.

В итоге возникла ситуация *неопределенности*. Неопределенность характеризовала массовое самосознание России. Эта неопределенность особенно отчетливо проявилась в новую эру, которую можно охарактеризовать как эру после «холодной войны».

Но неопределенность существовала и до этой эры. Она была обусловлена инерцией союзнических отношений в войне с фашизмом, которая сохранялась вплоть до известной речи Уинстона Черчилля в Фултоне, обозначавшей начало «холодной войны».

Черчилль четко поставил вопрос: на чем может основываться послевоенная глобальная политика Запада? И дал на этот вопрос недвусмысленный ответ – на глобальном противостоянии Советскому Союзу и принципам его образа жизни. Иными словами, политика Запада вводилась в геополитическое социально ориентированное русло. Соответственно до распада Советского Союза и системы социалистических стран глобальная ситуация воспринималась как дихотомия противостояния и соревнования двух систем. Отечественная оценка ситуации исходила из теории формационного перехода мира от капитализма к коммунизму, перехода, который должен составлять целую историческую эпоху. В свою очередь западные политологи представили в качестве идеологического основания противостояния коммунизму идею «свободы».

Борьба двух систем – это исходный пункт политического мышления государственных деятелей. Под этим углом зрения ста-

ли рассматриваться как итоги Второй мировой войны, так и открывающиеся перспективы нового глобального противостояния.

Вопрос теперь был не в том, как избежать платы за «шакалий обед» возникшей угрозы Третьей мировой войны, а в том, кому следует за него платить.

В этой связи А.Н. Яковлев писал: «Известно, чем закончилась правовая авантюра для главарей фашизма, Гитлера сожгли, облив бензином, словно тифозную вошь. Остальных повесили. Урок, что называется, нагляден до предела.

Казалось, он мог послужить вполне убедительным предостережением тем, кого бы вновь посетила идея мирового господства. Но в том, однако, и заключается главная особенность класса капиталистов, что он ненасытен в своем стремлении к наживе, деньгам, богатству»¹.

Были ли такие суждения пророческими? Не стремлением ли реанимировать саму идею мирового господства объясняются изыскания, «доказывающие», что Гитлер не был облит бензином и сожжен словно «тифозная вошь», а благополучно перебрался на латиноамериканский континент и прожил там с Евой Браун 17 лет?

Время идет, и оценки меняются, подчас кардинально. Как сказал великий Платон, «время всеильно: порой изменяют немногие годы имя и облик вещей, их естество и судьбу»².

Как бы в этой связи оценил А.Н. Яковлев метаморфозу своих воззрений на класс капиталистов и их роль в международной жизни? Это – особая проблема, требующая специального исследования.

Очевидно, что в основании противостояния двух систем лежали определенные идеологические построения, которые не столько обнажали, сколько маскировали реальность политических отношений. Как понимали эту реальность политики Запада и Советского Союза? Было ли идентичным это понимание?

Можно определенно утверждать, что если идентичность и существовала, то далеко не во всем. Дело в том, что традиционно исходными пунктами *поведения политиков Запада были геополитические идеи, которые не разделялись советскими лидерами.*

¹ А.Н. Яковлев. *Рах Americana. Имперская идеология: Истоки, доктрины.* – М., 1969. – С. 4–5.

² Платон. «Время всеильно...» // *Античная лирика.* – М., 1968. – С. 198.

Нежелание видеть западные ориентиры политики сыграло роковую роль в определении стратегических целей и конечных результатов перестройки, предложенных М.С. Горбачёвым всему миру.

Советские лидеры отказались от коммунистической перспективы и перевели страну на капиталистические рельсы. Началась грандиозная перестройка системы внешней политики. Россия впала в эйфорию ожидания глобального братания с западноевропейскими странами и Соединёнными Штатами Америки. Дорогостоящий оборонительный щит страны стал казаться обременительным; коренным образом изменились отношения с союзниками, входившими в состав социалистического содружества.

Россия, разоружающая сама себя и открывающая свои границы, с улыбкой на устах двинулась в сторону своих бывших идеологических противников. Хотя на Западе мало кто ожидал таких фантастических и удивительных даров, но их встречали с энтузиазмом, под аплодисменты. Произносились красивые речи, устраивались шумные приемы. Реальных шагов по установлению братских отношений нового типа, как ожидали отечественные отцы перестройки и реформ, однако, так и не последовало.

Рассуждения об одновременном роспуске военно-политических союзов НАТО и Варшавского договора «испарились» сразу же, как только исчез Варшавский договор.

Обещания не распространять действие сил НАТО на бывшие сферы влияния Советского Союза также оказались забытыми. В итоге возникающая глобальная ситуация стала оцениваться как победа Запада в «холодной войне» против Советского Союза и его союзников.

Вместо трезвого анализа складывающейся ситуации и теоретического прояснения глубинных мотивов политики Запада главные теоретики перестройки предприняли смехотворные попытки представить этот внешнеполитический процесс как некую «общую победу» Востока и Запада. Это выглядело весьма неубедительно и было похоже на неуклюжую маскировку их профессиональной и политической некомпетентности. Нежелание посмотреть правде в глаза создавало обстановку концептуального тумана, в котором нельзя было ясно видеть ни реалий прошлого, ни проявившихся тенденций внешнеполитического будущего. Закономерно возникает вопрос: возможна ли эффективная политика без ясных теоретических оснований? Конечно, можно и, видимо, нужно произносить взаимно успокаивающие речи, делать эффектные жесты взаимного

доверия. Но ради чего все это? Ради каких целей? Что реально стоит за всем этим?

Очевидно, что без теоретических оснований политики, без объективных критериев определения ее стратегии легко стать жертвой «приглашения на казнь», впасть в иллюзию «совместности» принятия политических решений, тогда как в действительности их принимают за тебя. Это и происходило с внешней политикой России в 90-е годы.

Утрата теоретической и политической самостоятельности влечет за собой утрату влияния и в собственной стране. В идеологическом тумане оживает племя хитроумных политиканов, думающих о том, как извлечь для себя наибольшую выгоду из распродажи интересов страны.

Эта распродажа, как правило, осуществляется за занавесом общегуманистических разглагольствований.

В зарубежном лагере возникает стремление использовать редкий случай. История России показывает, что в ней периодически возникало «смутное время», создающее условия для «элиминации» России как самостоятельного государства и превращения ее в источник обогащения и эксплуатации. Сотворить такое со сверхдержавой казалось возможным, если резко сократить ее население и разделить ее территорию.

В этой связи начинают формироваться «моральные основания» для резкого сокращения российского населения и позиционирования России как «дистопии», т.е. «гнилого места», утрата которого не должна вызывать какого-либо сожаления. Так возникает «гениальная» по своей простоте геополитическая идея, которую должны реализовать сами россияне: чем меньше по размерам и чем слабее в государственном отношении будет Россия, тем ее граждане будут жить «лучше» и «богаче».

Таким образом, западным политикам стало казаться, что за «шакалий обед» не придется платить ни цента.

Что, например, в этой связи пишет Елена Колядина, «журналист» и «писатель»? Она пишет буквально следующее: «Власти любят возмущенно цитировать слова Маргарет Тэтчер, заявившей однажды, что экономически активного населения в СССР достаточно и 15 миллионов. Эта фраза в свое время вызывала возмущение патриотов. Но суровая правда состоит в том, что для работы в нефтегазовой, горнодобывающей и лесной сферах России именно столько народу и хватит. Ну, плюс обслуживающий их персонал и

семьи. А остальные для страны – короеды, не приносящие прибыли»¹.

«Доброжелательные» советы Маргарет Тэтчер встречаются отечественными «писателями» с доверием, поскольку они знают, что большим другом Тэтчер стал лидер перестройки Михаил Сергеевич Горбачёв. Значит ли это, что М.С. Горбачёв мучился, как и Елена Колядина, тем же вопросом: что делать с многомиллионными русскими «короедами», не приносящими прибыль?

Елена Колядина даже не заметила, что это проблема и ее собственной судьбы. Это – свойство некоторых отечественных «интеллектуалов», которые считают, что они всегда находятся вне действия общих правил жизни. Быть может, следует *всех* «короедов» утопить в бочке с водой?..

Идея Маргарет Тэтчер, так активно поддержанная Еленой Колядиной, стала отправным механизмом направленных информационных воздействий. Это – не только концептуальные воздействия, но и воздействия путем *создания событий*, формирующих общественное мнение.

В силу этого может происходить то, что кажется просто невероятным с точки зрения здравого смысла.

Глобальные противники России воспринимаются как «друзья», а история собственной страны как история цивилизационного «врага».

Это новое «видение» глобальной реальности оказывается перед фундаментальным вопросом: почему в результате отречения от конечных целей коммунистического строительства и возврата на рельсы капиталистической эволюции Россия не была принята в «братскую семью» западноевропейских стран и не стала дружеским партнером дяди Сэма в глобальной политике? Распростертые в сторону Запада объятия М.С. Горбачёва и Б.Н. Ельцина на словах горячо приветствовались, но на деле «повисли» в воздухе.

Ответ на этот вопрос был дан политологами, игравшими ключевую роль в формировании внешней политики Запада в отношении России.

К их числу относится и Збигнев Бжезинский, бывший помощник президента США по национальной безопасности. Бжезинский откровенно говорил о том, что основная драма современной борьбы за мировой порядок определялась борьбой за Евразию, т.е.

¹ Елена Колядина. Сколько нам нужно россиян? // Газ. METRO, среда, 11 июля 2012 г., № 55, с. 7.

за территорию, где расположена Россия¹. При этом он исходит из классического постулата, сформулированного еще в начале XX в. британским политологом МакКиндером: тот, кто правит Восточной Европой, владеет сердцем земли; тот, кто правит сердцем земли, владеет мировым островом (Евразией); тот, кто правит мировым островом, владеет миром. Эта позиция объясняет многое. Лидеры перестройки просто не понимали логики глобальной политики, которую осуществлял Запад. В мировой политике во взаимодействии сторон приоритетом является **достижение наибольшей выгоды**. Если это позволяет равновесие сил, то выгода в этом взаимодействии может быть взаимной, и она закрепляется соответствующими юридическими документами. Если равновесие сил нарушается, то создаются условия для получения **односторонней выгоды**. Конечно, это может маскироваться хитроумными словесными упражнениями, но от этого суть дела не меняется.

Когда Россия встала на путь собственного военно-политического, экономического и культурного разоружения и самобичевания, то это, естественно, на Западе было воспринято как приглашение на общую бесплатную «пирушку» за счет российских национальных богатств. Из России за рубеж «потекли» миллиарды.

Аппетит приходит во время еды: как превратить Россию в постоянную «дойную корову» – еще одна гениальная по своей простоте мысль. Она в своей сущности совпадает с концепцией «распила» России, которая возникла в геополитических доктринах Запада начала XX в.

Таким образом, сами лидеры перестройки создали условия для реанимации геополитических концепций, которые по отношению к России, казалось, навсегда ушли в историческое прошлое. И когда в России у кормила власти встали политики, которые расшифровали нехитрую западную шараду и не стали изображать из себя «умников», принимающих на веру словесную дипломатическую эквилибристику, против них началась настоящая информационная война.

Правильное понимание ее смысла и ее целей требует возвращения к ее историческим истокам.

¹ См.: Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. – М., 1999. – С. 11.

2. «Капитализм versus социализм» – дихотомия геополитики XX века

Коренное заблуждение лидеров перестройки заключалось в представлении, будто угрозы новой мировой войны ограничиваются внешнеполитической логикой дихотомии: «капитализм versus социализм». Стремление к войне должно исчезнуть из арсенала Запада, если из дихотомии исчезнет социализм.

Казалось бы, за этим представлением стояла вся история глобального противоборства XX в. И между тем оно содержало в себе заблуждение. Перестройщики смело вступили на внешнеполитическое поле, которое было усеяно скрытыми под дипломатической поверхностью геополитическими минами. Конкретная разработка политических, экономических, информационных и военных шагов в контексте геополитики не может не находиться «за семью печатями». Это – секретная сфера, где формулируются политические цели и стадии их реализации. Скрытность и неожиданность – неперемненные условия успеха в этой области международной жизни.

Вместе с тем информационные механизмы, подготавливающие достижение поставленных целей, и идейное их оформление лежат на поверхности. Эта сфера рассчитана на публичность, на открытое воздействие на мировое общественное мнение. Важно правильно интерпретировать смысл этого воздействия. И здесь во взаимодействие вступают искусство информационного влияния, с одной стороны, и способность информационной контригры – с другой.

Ключевую роль в информационном воздействии современной геополитики играют академические исследования, придающие целям геополитики общечеловеческую видимость, форму объективного «научного» заключения. И поскольку они «обосновывают» и «сопровождают» реализацию геополитических целей, то, естественно, встраиваются в механику геополитики.

В этой связи встает вопрос: как академическая мысль Запада анализирует и оценивает смысл глобальной дихотомии «социализм – капитализм» и как она определяет отношение феномена социализма к геополитике? Интеллектуальные «танки» Запада прекрасно понимали, что феномен социализма затрагивает *смысловые основания* геополитики. Субъект геополитики должен получить ключевое **преимущество** – политическое, экономическое, культурное, идеологическое, – обеспечивающее его господство

над народами мира, в том числе демографическое и физиологическое. Как показал опыт Второй мировой войны, субъект геополитики создает средства и механизмы «регулирования» населения Земли. Эти механизмы предполагают формирование технологии, включающей превращение человеческого тела в «материал» для экспериментирования. При этом имеется в виду использование полученных результатов во «благо» субъекта геополитики. Осмысленная реализация такой геополитики осуществлялась в практике нацизма и японского милитаризма.

Идейные основания социализма элиминируют смысловые основания такой геополитики. Их существование действует подобно бактерициду на мир вредных микроорганизмов: основанием социализма является не доминирование одного геополитического субъекта над другим, а международное *сотрудничество* людей труда, создающих материальные и духовные блага и выигрывающих именно от сотрудничества, а не от господства над другим. Этот смысл и предопределял формирование глобальной волны будущего, которая воспринималась как неизбежность и условие исчезновения мировых войн. Решающая роль Советского Союза в разгроме нацизма и катастрофические последствия двух мировых войн XX столетия создавали особую атмосферу позитивного восприятия интернационалистской социалистической перспективы.

Нарастающая волна социализма вела к сужению сфер влияния мирового капитализма. В периодически публикуемых обзорах общества Джона Бёрча они стали сокращаться как «шагреновая кожа».

В конце XX в. социалистическая система рухнула, а вместе с тем в обратном направлении покатились и глобальная волна. Это движение служило живительной влагой для казалось бы засыхающих и гибнущих корней геополитики.

Феномен обратного движения цивилизационной волны позволяет дать комментарий, благоприятный для капитализма как «конечной цели» истории, глобального явления и, естественно, неблагоприятный для социализма. Такой концептуальный комментарий и дал Френсис Фукуяма¹. Он обращает внимание на, казалось бы, странный феномен: глобальный финансовый кризис, начавшийся в 2008 г., не породил подъема американского левого популизма. Наиболее динамичные популистские движения отно-

¹ См.: Francis Fukuyama. The Future of History // Foreign Affairs, January / February 2012. Vol. 91. Number 1. P. 53–61.

сились к *правому крылу*, цель которого – регулирующие функции государства, способного защитить простых людей от финансовых спекулянтов. Аналогичные тенденции наблюдаются и в Европе, где левые анемичны, а популистские правые партии оказались на подъеме. Опыт выборов президента Франции в 2012 г. несколько корректирует эту европейскую картину. Однако нельзя отрицать реальность глобального кризиса социализма.

Подход Фукуямы интересен тем, что он пытается определить **глубинные исторические истоки** этого кризиса и находит их *в росте численности и влияния среднего класса*. Фукуяма утверждает, что те властные идеи, которые формировали человеческое общество за последние 300 лет, носили *религиозный* характер. Исключение составляет лишь конфуцианство.

Первой секулярной идеологией, имеющей мировой эффект, явился либерализм, возникающий с подъемом торгового, а затем и промышленного среднего класса. К среднему классу Фукуяма относит людей, находящихся между социальной вершиной и дном, имеющих либо реальную собственность, либо бизнес и, по крайней мере, среднее образование.

Политическое влияние среднего класса Фукуяма связывает со славной английской революцией 1688–1689 гг., реализацией фундаментального права защиты частной собственности и деятельностью английского парламента. Нельзя не обратить внимания на тот факт, что в своей начальной стадии английский парламент представлял *меньше 10% населения страны*. Классические либералы, такие как Милль, отмечает Фукуяма, скептически относились к достоинствам демократии. Вплоть до конца XIX в. гарантированное правительством право голоса было ограничено размером собственности и уровнем образования. И это требование, подчеркивает Фукуяма, касалось *всех частей Европы*.

В этой изначальной сущности либерального отношения к демократии, как оказалось, заключалась историческая судьба среднего класса и европейской демократии.

Индустриальный прогресс predetermined рост численности и социального влияния пролетариата, тех трудящихся, на плечах которых держалась промышленность, но которые не имели гарантированного правительством права голоса.

Борьба за всеобщее избирательное право, т.е. за *последовательную* демократию, обрела ключевое значение в утверждении легитимности *социалистического* рабочего движения. Ранние

марксисты, считает Фукуяма, верили в то, что они могут одержать победу *простой численностью*.

Но при этом они стали представлять угрозу для гегемонии как консерваторов, так и традиционных либералов. Господствующие экономически и политически классы не могли допустить прихода к государственному управлению лидеров организованного рабочего движения, ибо это грозило коренным изменением экономического и политического порядка. Всеобщее избирательное право вело к возникновению политического тупика. В этом Фукуяма видит причину отступления от демократии в пользу диктатуры и принятия ориентации на прямой захват власти. Возникновение диктатуры пролетариата как орудия политической победы и строительства нового общества и рождение фашистских диктатур в странах Западной Европы как орудия утверждения гегемонии среднего класса можно считать результатом кризиса всеобщего избирательного права, не давшего реализоваться цивилизационному компромиссу.

Поворот среднего класса от либерализма к тоталитарной воле, мысли и чувствам нации получил обоснование в концептуальных конструкциях фашизма. В этом контексте можно особо выделить работу Джованни Джентиле «Философская основа фашизма» (1928).

Джованни Джентиле исходил из того, что нужное направление политической практике, а значит, и историческому движению можно придать не на путях либеральной демократии, а лишь в том случае, если хаос массового движения будет консолидирован в *воле вождя*: нация и вождь должны составлять единое целое. Соответственно, Джентиле соединял воедино задачу партии и всех инструментов пропаганды и образования для того, чтобы сделать мысль и волю вождя мыслями и волей масс. Сакрализация личной воли вождя – это грандиозная задача, решение которой должно начинаться с малых детей и охватывать *все массы* народа. В результате духовной реконструкции всеобщее избирательное право должно было давать **однозначный результат**.

В XX в. фашизм практически осуществил систему манипулирования массовым поведением путем создания информационных образов, как выражения истин исторической и социальной жизни *нации*. Истина стала совпадать с непосредственным участием в массовых мероприятиях, символизирующих величие нации, а значит, и каждого участвующего в них.

Для потерпевших поражение наций, «униженных и оскорбленных» и вместе с тем имевших великую историю, подлинной терапией духа мог быть образ собственного величия как абсолютной цели истории, а значит, и превосходства над другими народами. Такой образ и стал формироваться на «научной» основе.

Другим ключевым моментом духовной реконструкции была информационная изоляция. Информационная монополия стала эффективным механизмом массового внушения.

Таким образом, мысль и воля вождя могли превращаться в мысли и волю масс, как волю *всей* нации, как исходное условие достижения нацией своей абсолютной выгоды как глобального господства.

Консолидация нации на основе идеи глобального превосходства над «неполноценными» народами в сочетании с технически совершенной милитаризацией общества создает новые условия реализации геополитики. С одной стороны, целью геополитики становится расширение «жизненного пространства» нации, т.е. узконационалистическая цель. Но, с другой стороны, фашизм позиционировал себя в качестве единственно возможной панацеи спасения «культурной» Европы от «варварского» коммунизма. Он, таким образом, заключал в себе космополитическую классовую сущность.

На этом строился стратегический и идеологический расчет главарей фашизма.

Геополитика становится открытой и скрытной, грубой и гибкой, что и должно обеспечить ей конечный исторический успех.

Информационно-идеологическая монополия вождя нации позволяет создавать любой образ геополитического врага номер один в зависимости от целей внешнеполитической стратегии и складывающейся ситуации. Будущий главный враг может быть временно задвинут «в тень», если это целесообразно тактически.

Не случайно Джентиле утверждал, что фашизм – это не религия и даже не политическая теория, а принятие решений и действия в точный момент времени, когда для этого созрели благоприятные условия. В такой трактовке лидер нации обретает *абсолютную свободу* в определении пути достижения абсолютной цели нации при принятии общегосударственных решений. Это ключевое звено доктрины нацизма. В этой связи необходимо обратить внимание на дискуссию, которая развернулась вокруг философских позиций Мартина Хайдеггера. Его подчас представляют в

качестве ключевого идеолога нацизма. Эта точка зрения нашла свое отражение в недавней публикации Эммануила Файе «Хайдеггер: Введение нацизма в философию в свете неопубликованных семинаров 1933–1935 гг.»¹.

Э. Файе полагает, что содержание семинаров позволяет без колебаний утверждать, что Хайдеггер мобилизует свое философское мышление, чтобы не просто интерпретировать, но также и легитимизировать гитлеровское толкование «народной революции» и «народного государства». Получается, что философия Хайдеггера – это философия нацизма.

С этой позицией выражает свое несогласие Флориан Гроссер, сотрудник отдела философии Мюнхенского университета им. Людвига-Максимилиана. Он считает, что вопреки своим надеждам, относящимся к середине 30-х годов, к 1940 г. Хайдеггер пришел к очевидному заключению, что нацизм не способен преодолеть «метафизическую историю» Европы, что позволило ему представить расистское и тоталитарное «мировоззрение» Гитлера как последнюю версию «метафизики субъективности», которая требует глубокого вызова и отвержения².

Отсюда можно сделать вывод, что «преодоление» метафизики Хайдеггером имело скрытый антигитлеровский прицел.

Эта точка зрения не представляется абсурдной. Можно предположить, что Хайдеггер вплотную подошел к пониманию фундаментальной ущербности *метафизики абсолютной выгоды расы*.

Открытость Бытия позволяет выявить совпадение абсолютного с ничто, поскольку именно ничто является абсолютным и конечным «основанием» свободы.

Это значит, что абсолютная выгода мирового господства заключает в себе ловушку фундаментальной неопределенности, что и проявляется исторически в крушении великих империй. Исходя из своего толкования корневых оснований Бытия, питающих ветви метафизики, Хайдеггер мог допускать, что и в основании истории лежит глубинная реальность, которая с неизбежностью разрушает рассудочные планы достижения расового господства.

¹ Emmanuel Faye. Heidegger: The Introduction of Nazism into Philosophy, in Light of the Unpublished seminars of 1933–1935, New Haven / London: Yale University Press, 2009.

² См.: Florian Grosser on Heidegger // European Journal of Philosophy. Vol. 19. Number 4. December 2012. P. 628.

В основе исторической эволюции лежит некая бесконечность Бытия, которая может «открывать себя» в самых неожиданных формах.

Характерно, что Флориан Гроссер подмечает фундаментальное непонимание Файе позиции Хайдеггера. Хайдеггер в своей лекции о Ницше охарактеризовал *моторизацию вермахта* как *метафизический акт*. Файе интерпретировал это суждение как легитимизацию доминирования нацизма. На самом же деле, когда Хайдеггер определяет агрессивный и жестокий экспансионизм Гитлера как «метафизический», это свидетельствует о его разочаровании в реалиях нацизма. Нацизм своей субъективной метафизике пытался придать объективную форму путем использования искусства. Субъективизм в политике обретает видимость культуры: эстетика и преступная политика сливаются в единое целое.

В расистской идейной направленности фашистского искусства и заключалось его коренное отличие от искусства социалистического реализма. Красота внешних парадов, воодушевление, возникающее при видении разрушающей мощи оружия, ощущение реальности свободы при отсутствии нравственных и правовых ограничений рождают *новый тип сознания среднего класса*, совпадающего с *массовым* сознанием. Масса среднего класса может измениться духовно, стать субъективно *не классово* по своему духу, и в этой сущности она превращается в основание фашистской диктатуры, государства-вождя (Fiihrerstaat), гомогенного Народного государства (Volkstaat).

Именно фашизм открывает и создает феномен народа как *«плюрального субъекта»*, как человеческой массы, превращенный в целое стаи, где классовые, профессиональные и иные различия обретают общий вектор социальной, политической и идеологической жизни и подчиняются дирижерским движениям вождя. Означает ли это полную деструкцию свободы, как полагают некоторые критики тоталитаризма? Это – крайне упрощенный, идеологически детерминированный взгляд на реальность.

Прежде всего необходимо ответить на вопрос: как изменяется восприятие свободы, как толкуются ее атрибуты? Разве идентично толкование свободы бизнесмена и наемного работника, профессора университета и вора в законе? Свое толкование свободы давали и идеологи фашизма. *Фашизм – это свобода расистски ориентированного плюрального субъекта*.

Теоретический аспект концепции свободы проясняется в процессе обсуждения темы: «Свобода или Согласие?», которая

была поставлена Муссолини. Он считал, что оба понятия *нераздельны*, одно включает другое. Авторитет государства и свобода граждан образуют непрерывный круг, в котором авторитет предполагает свободу, а свобода – авторитет¹. Речь, таким образом, шла о том, как абсолютный авторитет лидера воспринимается волей массы, которая в свою очередь позиционируется как воля нации, ее свободное выражение. В этом контексте проблема свободы проявляется как проблема *идеологической ориентации лидера нации*.

Абсолютный авторитет лидера несет в себе амбивалентный смысл, поскольку он предполагает и *легитимизацию несвободы*. Лидер становится самодержцем Закона. Закон из абстракции власти превращается в *объективацию воли лидера* как выражения внутренней воли народа. Это значит, что политические движения, противостоящие этой единой воле, «*утрачивают*» *национальный статус*, оказываются вне свободы нации. Для них может быть приготовлен концентрационный лагерь.

Государство для фашизма всегда находится в становлении, оно в его руках. Фашистское государство, утверждал Джентиле, *демократическое* *par excellence*. Оно существует постольку, поскольку граждане позволяют ему существовать – все граждане, а не тот или иной конкретный гражданин. Что же происходит с сознанием среднего класса в этом процессе? Сохраняет ли он свои базисные ценностные установки? Оказывается, в тоталитарном процессе происходит глубинная метаморфоза сознания среднего класса. Казавшиеся незыблемыми социальные и духовные традиции рушатся. И управляет этим разрушением тот, кто овладел информационными механизмами формирования массового сознания. Возникает новый взгляд на реалии общества. Реалии общества могут формироваться информационно наряду с материальными реалиями. При этом они могут становиться доминирующими в своем воздействии на массовое поведение. Этот аспект реалий жизни и стал определяющим в признании фашизма массами как «*истины*» жизни. Этот аспект получил теоретическую трактовку в доктрине фашизма. Для фашизма, утверждал Джентиле, государство является целиком и полностью духовным созданием. Сама нация является творением ума – это не материальная предпосылка и не природное данное. Под влиянием доктрины фашизма средний класс со своим

¹ См.: Giovanni Gentile. The Philosophic Basis of Fascism // Foreign Affairs. January / February 2012. Vol. 91. Number 1. P. 17–18.

ограниченным горизонтом небольшого бизнеса и сохранения частной собственности как основания своей жизни «сублимировался» в ощущение своей власти как глобальной геополитической силы, способной не только к установлению нового порядка в Европе, но и обеспечению своего тысячелетнего господства. Теория и практика марксизма, а вместе с тем все социалистические движения виртуально превращались в «случайное» историческое явление, обреченное на исчезновение. Рабочий класс должен был служить целям мирового господства фашизма. «Призрак коммунизма» переставал бродить по Европе. Он сохранялся лишь на краю Европы, в Евразии. Но и против него уже была подготовлена «очищающая» операция, разработанная в плане «Барбаросса».

Таким образом, интернациональная волна, которую подняла Октябрьская революция 1917 г., должна была исчезнуть. Геополитическая обстановка в мире менялась коренным образом. Средний класс, спасая свой статус и свою собственность, осуществив духовное превращение, отсекся от принципов классического либерализма, гипертрофировав его недемократические элементы. Вместе с тем он поверил в свою миссию господина над всем миром. Он принял геополитическую доктрину расширения жизненного пространства и установления мирового господства арийской расы. Но здесь он вступил в противоречие не только с социализмом, но и реалиями политики англосаксонских стран, сохранявших приверженность философии традиционного либерализма. Фашизм сформировал идеалистическую иллюзию о маргинальном характере социализма и в конечном счете стал ее жертвой. Основные силы фашизма были разгромлены социалистической державой на Восточном фронте, так что армии союзников при форсировании Ла-Манша могли рассчитывать на успешное завершение крайне рискованной и просто невозможной в иных условиях операции с открытием в 1944 г., на завершающей стадии войны, второго фронта в Европе. Главари Рейха увидели возможность спасения в реализации игры на классовых противоречиях участников антифашистской коалиции. Были предприняты попытки уже в ходе войны найти общий язык с политиками Запада, имея в виду объединение усилий фашизма и либерализма для того, чтобы остановить победоносное движение Советской Армии. Но эта игра закончилась провалом. Расизм ударил по нацизму.

Таким образом, мы имеем дело с *реальным философским опытом XX в.* Может ли он быть актуальным для нашего времени?

3. Либеральная демократия как новый мировой порядок: Эрозия иллюзий

В результате распада Советского Союза и социалистического содружества получила широкое хождение идея либеральной демократии как *единственного* в своей смысловой сущности глобального основания нового мирового порядка. Этот виртуальный порядок воспринимался как «вытеснение» и «замещение» концептуального образа глобального коммунизма. Исходным основанием этого представления можно считать неолиберальное истолкование человека как бихевиористически *манипулируемого существа*, применительно к которому можно использовать не универсальные нравственные и социальные принципы, а различные формы имитации свободы и потребительского счастья. Истина бытия толкуется как оставление индивида наедине с самим собой в качестве условия его подлинной свободы. Именно в этом состоянии человек легче всего становится объектом манипулятивных воздействий. Он может становиться *любим*.

Фукуяма верит в глобальный смысл либеральной демократии. При этом он пытается объяснить глобальное утверждение либеральной демократии динамикой влияния среднего класса. Кажется странным, что Фукуяма игнорирует метаморфозы сознания среднего класса в фашистских государствах и, соответственно, не делает из этого опыта каких-либо выводов.

Средний класс в его представлении всегда был и остается «морально чистым» носителем демократии. Соответственно, послевоенные процессы демократизации мира Фукуяма связывает не с разгромом фашизма и распадом колониальных империй, а с успехами мирового экономического развития и увеличения доли среднего класса в общей массе населения различных стран мира. Он исходит из того, что глобальная функция среднего класса состоит в придании устойчивости процессу расширения демократии. Он не видит в этом процессе «подводных течений», изменяющих картину цивилизационной эволюции. Он фиксирует тенденцию, которая сложилась в послевоенный период, тенденцию расширения влияния демократии, и свидетельствует, что начиная с 70-х годов XX в., когда в мире насчитывалось 45 выборных демократий, происходил процесс их нарастающего влияния в мире, так что к концу 90-х годов их численность достигла 120.

Фукуяма не видит опасности реанимации фашизма. Он исходит из того, что «сегодня существует широкий глобальный кон-

сensus относительно легитимности, по крайней мере в принципе либеральной демократии»¹.

Но что может «вызреть» внутри нее? Внешняя форма может маскировать глубинное содержание. Это и показал опыт Веймарской республики. Фукуяма под углом зрения самосознания «образованного класса» рассматривает и оценивает события в странах Восточной Европы, Латинской Америки и так называемую «арабскую весну». «Желание политической свободы и участия – это не культурное своеобразие европейцев и американцев², – пишет он. – Но, видимо, следует более внимательно посмотреть на социальную сущность возникновения “новой демократии”».

Какие плоды, например, приносит «арабская весна»? Что в экономике, социальной сфере, культуре получил народ Ливии в результате гражданской войны, поддержанной военными средствами НАТО? Как концептуально расценивать убийство американского посла в Бенгази теми самыми «свободолюбивыми» инсургентами, которых поддерживала в их борьбе против Каддафи американская администрация? Или каковы результаты выборной демократии в Египте? Об этом почему-то не принято говорить.

В результате механизмов выборной демократии в стране будут править «братья-мусульмане» и представители военной власти. Но причем здесь воля образованного среднего класса? Кто ее представляет в механизмах власти? Новая власть *готова к стратегическому сотрудничеству с Соединенными Штатами Америки*. Как объяснить альянс Соединенных Штатов с *такими* представителями или с теократическими режимами, такими как Саудовская Аравия? Можно ли это считать Союзом демократий? Очевидно, что для объяснения таких феноменов необходим новый теоретический дискурс, соединяющий демократию с принципами шариата и исламской теократии. Очевидно, что в мире происходят глубокие изменения, которые трудно «уложить» в либеральные рамки. Это почувствовал и Фукуяма.

В работе «Происхождение политического порядка: От дочеловеческих времен до Французской революции»³, опубликованной в 2011 г., Фукуяма сделал попытку опереться на *исторический*

¹ Francis Fukuyama. The Future of History // Foreign Affairs, January / February 2012. Vol. 91. Number 1. P. 56.

² См.: Там же.

³ Francis Fukuyama. The origins of Political Order: From Prehuman Times to the French Revolution. Farrar, Straus and Giroux, 2011.

опыт народов, с тем чтобы осуществить коррекцию принципов либеральной демократии и прийти к более объективной и всесторонней концепции оснований политической свободы. Расшифровывая секулярную троицу, сочетающую такие три элемента, обеспечивающие политическую свободу, как упорядоченное и эффективное государство, правление закона и правительство, подотчетное народу, он отмечает, что лишь *немногие нации сохраняют баланс этих трех элементов*.

Майкл Манн, профессор социологии Калифорнийского университета (Лос-Анджелес), считает, что акцент Фукуямы на упорядоченном и эффективном государстве – это очевидное отступление от стандартной либеральной теории, с ее акцентом на свободном рынке и небольшом правительстве как условиях прогресса и свободы¹.

Майкл Манн отмечает и точку зрения Фукуямы на теорию социального контракта как не имеющую отношения к реальности, поскольку не было такого времени, когда существовали изолированные друг от друга индивиды, взаимодействующие через посредство анархического насилия (Гоббс) или в мирном наивном невежестве по отношению друг к другу (Руссо). Но, пожалуй, наиболее заметное отступление от традиционной доктрины состоит в критической переоценке «трагедии общей собственности». Многие теоретики считали, что она мешает экономическому развитию. Эту точку зрения Фукуяма считает мифом. При этом он ссылается на опыт современного Китая.

Более того, он считает, что лучшей формой свободы является соединение традиций Китая, создавшего сильное государство, защищающее граждан от коррупции «тирании племянников», и традиций кастовой системы Индии, защищающей граждан от тирании государства. Сильное государство и сильное общество – это два центра власти, которые способны балансировать и сдерживать друг друга. В действительности оказывается не столь важным, в какой степени государственное устройство страны соответствует принципам традиционного либерализма. Эти принципы могут быть очень растяжимыми. Можно, например, считать, что Британия создала *образцовую* демократию. Но тогда почему демократия должна включать в качестве составного элемента монархию?

¹ См.: Michael Mann. Freedom's Secret Recipe // Foreign Affairs. Vol. 92. N 2. P. 162.

Если образец демократии включает монархию, то Соединенные Штаты Америки нельзя считать образцовой демократией. Главное беспокойство у Фукуямы вызывает тот факт, что развитие современных технологий и глобализация подрывают средний класс, так что лишь меньшинство населения может достигнуть его статуса. Фукуяма вынужден признать, что существует множество причин полагать, что неравенство будет усугубляться, что элиты во всех обществах прежде всего используют доступ к власти для защиты *собственных интересов*. И американские элиты в этом отношении не составляют исключения из общего правила. Наступление экономического кризиса лишний раз подтверждает опасения Фукуямы.

Тенденции обострения кризиса экономики и власти, казалось, должны были бы привести к широкому ренессансу левых взглядов. Однако новый популизм нередко обретает форму правого, а не левого крыла. Характерно в этом отношении возросшее влияние тэтчеризма. Фукуяма дает свою оценку идеям Маргарет Тэтчер, стремившейся реанимировать традиционный капитализм, основанный на преодолении послевоенных доктрин государства всеобщего благоденствия, и этот политический курс должен был бы вызвать активное сопротивление рабочего класса. Но этого не произошло.

Необходимо принимать во внимание то ключевое обстоятельство, что капитализм развивался на основе уверенности в бесконечности естественных ресурсов – энергетических, сырьевых – и относительной климатической и иной естественной стабильности. Это была предпосылка и доктрины коммунизма.

Именно эта исходная предпосылка и стала подвергаться сомнению. Человечество объективно оказалось перед проблемой перехода к *качественно новому типу цивилизационной эволюции*.

Маргарет Тэтчер пыталась найти новые защитные механизмы для традиционного капитализма, представляя их как пути сохранения порядка общественной жизни в Британии. И это определило ее политический успех. Рабочий класс Англии в целом поддержал Маргарет Тэтчер.

Дэвид Морлей, играющий ключевую роль в Бирмингемской школе культурологических исследований, ссылается на Стюарта Холла, который объясняет успех Маргарет Тэтчер в конце 70-х – начале 80-х годов прошлого века *культурным фактором*. Причина этого состояла в том, что «авторитарный популизм» Тэтчер в действительности срезонировал с надеждами на стабильность

англосаксонского рабочего класса Британии, если даже при этом будет обречен на вымирание рабочий класс России.

Большинство электората рабочего класса Британии поддержало стремление Маргарет Тэтчер вернуться к традиционным «викторианским ценностям» и отвержение «либерального прогрессизма». Идеология разделяла общественные классы, и привлечение на свою сторону левого электората требовало специфических духовных и информационных механизмов.

Понимание культурного измерения политики стало критическим¹. В этом контексте Дэвид Морлей дает свою оценку поп-культуры. Он не соглашается с Джеймисоном и Бодрияром, которые считают ее неглубокой, поверхностной, лишенной смысла.

Морлей считает, что подъем тэтчеризма в Британии невозможно понять, игнорируя те битвы, которые происходят на поле поп-культуры².

Поп-культура стала фактором политической стратегии, что отчетливо проявилось даже и в организации открытия и закрытия Олимпийских игр 2012 г. в Лондоне.

Через поп-культуру при всем ее примитивизме плюральный субъект стал воспринимать и одобрять курс консерваторов. Это – курс англосаксонского гегемонизма. Возникает вопрос: на какие традиционные ценности опиралась Маргарет Тэтчер? Это важно понять, чтобы найти объяснение последующего концептуального обоснования перехода к формированию современного поля геополитики.

Сдвиг вправо традиционно левого электората объясняется реанимированной верой в равенство *возможностей как контрапункта равенства доходов*.

Такую реанимацию Фукуяма объясняет тем, что идеи государства благоденствия давно исчерпали себя, а новой повестки дня социал-демократы предложить не могут.

С этим трудно не согласиться. Массы людей уже сейчас ощущают надвигающиеся кризисные явления, и не только в экономике. Глубокий кризис затрагивает демографические, климатические, экологические, энергетические аспекты жизни людей.

¹ См.: Huimin Jin. British Cultural Studies, Active Audiences and Status of Cultural Theory. An Interview with David Morley // Theory, Culture and Society, vol. 28, Number 4, July 2011. – Los Angeles. London. New Delhi. – P. 126.

² См.: Там же. – P. 140.

Проблема пространства жизни становится все более острой и обретает все новые аспекты.

Люди продолжают мыслить по инерции. Они попадают в духовные тупики и оказываются в растерянности при реализации своей «желанной свободы». «Желанная свобода» ведет к разрушению семей, нестандартным формам сексуального поведения, преступной деятельности и даже суициду. Духовный кризис поразил христианскую цивилизацию. Христиане по своей официально признанной вере начинают вести себя антихристиански.

Даже если признать реальность этого духовного кризиса, то предложить выход из него кажется нереальным.

Антихристианские формы поведения пытаются навязать и России, ссылаясь при этом на приоритет свободы, демократические нормы жизни и права человека.

Цивилизация оказывается перед реальной угрозой самораспада именно в формах свободной самореализации людей.

Закономерно возникает вопрос: в каком направлении следовало бы канализировать массовое поведение, и какие механизмы можно считать достаточно эффективными в практическом формировании такого направления? И какие политические силы поведут за собой массы? *Это – проблема культурной гегемонии.* Но как реализуется культурная гегемония в эпоху информационного общества? Признавая продуктивность культурного измерения современной политики, все же сдвиг вправо традиционно левых классовых сил кажется политической случайностью. Ее пытаются объяснить с помощью анекдота, рассказанного Эрнстом Геллнером. Марксисты якобы любят думать, что дух истории совершил ужасную глупость: послание для пробуждения, которое предназначалось *классам*, в силу ужасной почтовой ошибки было доставлено *нациям*. Так родился демон нацизма. Геллнер полагал, что он посмеялся над марксистами. Но этот смех относится и к вере в глобальную силу либеральной установки среднего класса. Куда может вновь направиться послание «пробуждения». Что если в силу «почтовой ошибки» это послание попадет не к либералам, а к новым носителям геополитической и расистской инфекции?

И захочет ли средний класс активно и действительно противостоять этой угрозе или же он вновь осуществит новую духовную сублимацию? Очевидно, что существуют доминирующие влияния на формы массового поведения. Что здесь является определяющим: воздействие объективных социальных обстоятельств, целе-

направленное информационное воздействие, или реальность свободы субъекта в оценках получаемой информации?

Некоторые теоретики видят решение проблемы управления массовым поведением в создании эффективной системы *информационного воздействия*. Опыт показывает, что правильное понимание информации, как *идейного* и вместе с тем *материального* воздействия на сознание человека, позволяет канализировать его поведение в заданном направлении.

Это воздействие представляется настолько эффективным, что позволяет для реализации политических интересов превращать «черное» в «белое» и «белое» в «черное». Так, например, западные средства массовой информации агрессию Грузии в августе 2008 г. против Южной Осетии сумели «превратить» в «нападение» России на Грузию. В этой связи хочется сослаться на первую фразу в книгах Боконона, которая становится информационной реальностью: «Все истины, которые я хочу вам изложить, – гнусная ложь» (Курт Воннегут. «Колыбель для кошки»).

Но не означает ли такое информационное построение событий извращение самой сущности свободы самосознания как пути постижения Истины? Человек восстает против этого. Дэвид Морлей считает, что позиции таких ученых, как Адорно и Хоркхаймер, полагавших, что влияние информационных технологий имеет *автоматический* и *неизбежный эффект*, является упрощенческим. Он следует этнографической концепции, не признающей адекватность «больших теорий» – таких как экономический детерминизм и психоанализ, – делающих человека простой марионеткой бессознательных внешних или внутренних факторов. Нуждается в коррекции и идея определяющей *роли классовой структуры* в детерминации лингвистических способностей рабочего класса и среднего класса, распределения культурного капитала и культурных компетенций. Юдит Батлер отметила, что мы не находимся в классовых или гендерных «тюремных камерах». И это действительно так.

Отстаивая концепцию активности субъекта, способного преобразовывать информацию, Морлей отвергает позицию Франкфуртской школы, в соответствии с которой массы пассивно воспринимают инъекции господствующей идеологии.

Опираясь на позиции Фрэнка Пэркина, Стюарт Холл доказывал, что возможны *три* гипотетические позиции, с которых аудитория декодирует информационные послания: доминирующая гегемонистская; позиция переговоров, обсуждения получаемого

информационного послания; оппозиция, априорное отвержение информационного послания.

Свобода субъекта может действовать в рамках этих трех гипотетических позиций.

Решающую роль, видимо, играет именно тот фактор, который Антонио Грамши в свое время и определял как **культурную гегемонию**. Важно определить, как на переломе веков произошли изменения условий формирования культурной гегемонии.

Следует признать, что правые силы более оперативно отреагировали на изменения этих условий. При этом учитывался и исторический опыт XX в., который убедительно доказал, что эффективность массового влияния зависит не только от совокупности информационных воздействий, идей и социально-психологических инъекций, но и от формирования *поля геополитики*, т.е. *совокупности ориентиров жизни масс, определяющих их доминирующие намерения в реализации целей исторической жизни*.

Что становится определяющим средством формирования ориентации в поле геополитики на переломе веков? Таким средством становятся финансовые интересы и деньги. Тайна современной геополитики скрывается в системе глобальных финансовых отношений.

4. Построение поля современной геополитики

Финансы и деньги – это скрытый фактор построения поля геополитики.

То, что декларативно позиционируется как мировое лидерство, реально означает *сохранение привилегированной финансовой системы*. Геополитика – это «отстрел» ее реальных или потенциальных противников. В этом и содержится предвосхищение будущего. Состояние «холодной войны» позволяло длительный период времени психологически сохранять экономически нелегитимный порядок финансовой системы, как следствие экстремальной глобальной ситуации.

На поверхности в качестве определяющих позиционируются правовые и нравственные мотивы. Этим и объясняется «удивительное» постоянство правовых и нравственных провокаций в отношении Советского Союза, а затем и России – поправка Джексона-Вэника, список Магницкого, незаконная экстрадиция гражданина России Бута в США, информационный шум вокруг хулиганского поступка Pussy Riot и т.д. и т.п.

Однако поскольку эти «мотивы» являются формой насильственного утверждения глобального нравственного и правового диктата, то они с самого начала не являются ни легитимными, ни моральными в точном смысле этого слова.

Так, например, Барак Обама выдвигал *моральные* основания вторжения вооруженных сил в Ливию, а именно: ответственность Америки за своих братьев, стремящихся стать свободными.

Между тем некоторые аналитики уверенно утверждают, что устранение Каддафи было предопределено его намерением перевести бумажную валюту на золотой стандарт.

Митт Ромни по логике своих геополитических воззрений не разделяет идеалистическую позицию. Достижение целей геополитики включает в себя *право* победы над геополитическим противником. И здесь нужны в качестве союзников солдаты любых *стран*. Это – не обязательно стремящиеся стать свободными «братья». Это могут быть монархисты, исламисты и даже, возможно, террористы. Главное – это успех в противостоянии геополитическому противнику.

Таким образом, в геополитике могут признаваться *различные типы* правовой и нравственной *идентификации* «своих» и «чужих». Определяющим в выборе идентификации является результат в достижении глобальной *управляемости* современным миром.

Но на чем основана теория управляемости?

Мишель Фуко в своей интерпретации биополитики описывал поведенческие модификации человека, в соответствии с которыми, по версии неолиберализма, аффективно-рациональный человек становится *управляемым* в силу его систематической реакции на вариации «среды». Если формирование свойств «среды» не определяется конечными целями истории – идеями мирового коммунизма или торжеством либеральной демократии и рыночной экономики, – то тогда возникает вопрос: что идет им на смену?

На смену идет *проектирование* нового мирового порядка в соответствии с установленной *иерархической структурой государств*. Установление иерархии – это реальная цель мирового порядка. В соответствии с этой целью и должна формироваться *информационная среда*, которая позиционируется как подлинная истина современной жизни. Среда совпадает с информационным описанием настоящего в проекции на будущее. В силу этого социальная реальность, как она есть на самом деле, «коллапсирует» в

информационную реальность, удовлетворяющую процесс проектирования геополитики.

Вне этого процесса нельзя объяснить «странности» поведения западных средств массовой информации. Их функция теперь состоит в создании нужных свойств среды. Если история не имеет конечных целей, то человек оказывается в сменяющихся друг друга ситуациях. Истина его бытия – это создание для себя наиболее выгодной ситуации. Абсолютная выгода – это конечная истина смысла, а путь к нему – игра, в которой нужно выиграть, а не проиграть. С точки зрения международной жизни речь идет об организации геополитической игры, где игроки – это отдельные государства. Ради выигрыша геополитический субъект может принять любой облик, если он способствует его конечному выигрышу. Внешний облик, создаваемый нравственной и правовой риторикой, может «цивилизовать» мрачную бездну катастрофических последствий «слепого бешенства» геополитики. Скрытая свобода в принятии облика – это стратегический «капитал» субъекта. Эта позиция представляется адекватной ситуации потенциального глобального катастрофизма. Для ее понимания необходимо прояснить саму сущность построения поля современной геополитики.

Построение поля геополитики можно рассматривать как гипотетический проект, как виртуальную реальность, которая проходит специфическую «апробацию» как в военных операциях, так и в частных формах политического поведения, в том числе и таких, как «единение» либеральной демократии с монархическими режимами, сотрудничество секретных спецслужб с террористическими организациями, западных государственных структур с государственными структурами «братьев-мусульман». Что это за «всеядность» геополитики и чем она определяется?

Содержательный смысл поля геополитики определяется метафизикой абсолютной выгоды. Это – мотив ее стратегии. Вместе с тем поле геополитики определяет тип управления массовым поведением, преодолевающий традиционные его формы. В христианстве управление массовым поведением складывается из отношения пасты к авторитету и духовному руководству пастыря, признания этого руководства как *прояснения пути к спасению*. Все сохраняющие веру и следующие ее постулатам вступают на путь спасения.

В идеологических структурах идейное руководство массовым сознанием предопределяется обоснованием конечной цели

истории, борьба за реализацию которой обуславливает *смысл и правду жизни*.

В условиях современных глобальных кризисных тенденций возникает потребность в определении *новых путей* адекватного массового поведения, основанного на эмпирическом *знании механизмов* жизни. Жизнь представляется как поле достижения *успеха, удачи*, выживания, и на этом психологическом основании выстраивается технология геополитики. Выживание обусловлено *подчинением* других своей воле. Технология геополитики как «творческий процесс» связана с *созиданием ситуаций внутренней капитуляции, отказа от суверенной власти*, с тем чтобы избежать разрушительной военной волны. Эту возможность сохранения жизни следует донести до сознания установленной мишени геополитики.

Этим обусловлен характер предоккупационного психологического воздействия на сознание населения страны как установленной мишени геополитики. Особую роль в этом воздействии играет культурный фактор, формирующий *дружеские чувства в отношении к субъекту геополитики*. Тем самым достигается нейтрализация возникновения массового движения сопротивления.

С другой стороны, самосознание населения подавляется с помощью «пояснения» реальности *асимметричных отношений*, которые основаны на угрозе тотального разрушения.

Поле геополитики можно рассматривать как специфическую разновидность информационного поля.

Информационное поле создает *ориентации* поведения человека в реальной жизни. Это – не отражение реалий жизни, а *ориентир* поведения. Простой пример информационного поля – светофор, красный свет которого запрещает движение, а зеленый разрешает; желтый – дает сигнал к готовности движения или остановки движения. Информационное поле создает систему ориентиров выживания: видение реальных и потенциальных угроз, видение благоприятствующих сохранению жизни практических ориентаций поведения.

Рождающееся информационное поле может отвечать интересам населения того или иного конкретного региона. Но оно может и формироваться в соответствии с приоритетом частных интересов. И здесь информационное поле может обретать качество *поля геополитики*. Ее особенность состоит в определении для стран границ их возможностей достижения *удачи*, а также определения их глобальной функции. Вместе с тем определяются основа-

ния «дробления» глобальной цивилизации по признаку «достойности» и «недостойности». Человечество в поле геополитики уже не предстает как цивилизационное целое или как сумма аутентичных локальных цивилизаций. Оно образует иерархическую пирамиду, вершину которой занимает *постоянный победитель* в геополитической игре.

Заметим, что уже в XX в. под воздействием исторического опыта происходит коренное изменение смысла и функций концептуальных и догматических представлений, претендовавших на понимание истории и исторической жизни как целого. Набирают силу движения «без догм». Нельзя в этой связи не вспомнить о Джентиле, который заметил эту тенденцию.

В поле геополитики философская теория превращается в *искусство «построения»*. Классическим примером геополитического искусства построения стал *поджог рейхстага* нацистами. Поджог рейхстага – это публичное информационное послание, заключающее в себе ориентир глобальной политики. Горящий рейхстаг – это объективность, реальность которой может наблюдать каждый. Стало быть, это – истина.

Искусство построения нацелено на создание таких предрасудков массового глобального поведения, которое отвечает стратегии субъекта, создающего свою эксклюзивную роль в мире. Искусство построения нацистов было направлено на создание условий для рождения единого антикоммунистического духа нации: оно имело *интровертный характер*.

Искусство построения в условиях глобализации обретает интровертный и экстравертный характер.

В поле геополитики ключевой целью концептуального мышления становится создание с помощью информационных механизмов ситуации добровольного повиновения. Информация – это не только освещение новостей, но и материализация форм жизни, санкционирующих азарт игры. Поле геополитики создается человеком, но вместе с тем оно становится объективированной константной реальностью, *независимой* от человека. Оно несет в себе скрытую цель. В этом состоит своеобразная ее «тайна», которую нужно разгадать. Информационная реальность, создаваемая под воздействием целей геополитики, на поверхности выступает как совокупность «фактов». Факты – вещь «упрямая», соответствующая требованиям объективности. Масса следует этой объективности, не подозревая, что является объектом геополитических манипуляций. «Истина» в этом процессе превращается в механизм

формирования массовых предрассудков. Этот процесс затрагивает различные сферы жизни.

Например, если вы хотите повлиять на демографическую ситуацию в той или иной стране, то должны запустить в массовое «потребление» соответствующие информационные механизмы, обеспечивающие падение влияния традиционной семейной культуры и этики. Для этого можно использовать данные медицины о предотвращении беременности, о механизмах защиты от опасных заболеваний, о полезности свободы сексуальных отношений для предотвращения психических отклонений и т.д.

Утверждаются новые образцы поведения мужчины и женщины. Мужчины могут играть роль женщин, а женщины – роль мужчин.

Механизмы формирования массовых предрассудков стали оказывать все более заметное влияние и на внутреннюю жизнь различных стран современного мира. Происходит формирование ориентиров, состоящих из эмпирических данных, фактических форм жизни, создающих отношения массовых *симпатий* и *антипатий* в контексте конструирования глобальной межцивилизационной игры.

В духовном отношении это цивилизационный сдвиг «назад» к преодоленным христианством языческим формам межличностных отношений.

Но это – очевидное изменение, поведенческая игра. Азарту игры человек подчиняется независимо от своего социального положения и уровня образования.

Правила игры соответствуют представлению о *равенстве возможностей*. Случай может выбрать любого как для падения, так и для возвышения. Выигрыш не зависит от нравственных и интеллектуальных качеств человека. В своей совокупности вступающие в общую игру индивиды образуют плюральный субъект, *живущий по правилам игры*.

Происходящий цивилизационный сдвиг оказал влияние на миропонимание части интеллигенции, которая традиционно позиционировала себя в качестве носителя «правды жизни».

Под интеллигенцией в данном случае следует понимать не класс образованных людей, которые выполняют свой профессиональный долг и получают за это свое жалованье, а носителей «истины жизни». Интеллигенция в этой форме считалась специфически российским явлением. Именно на ее нравственную установку органично легло учение марксизма о бесклассовом коммунистиче-

ском обществе как конечной цели истории. И не случайно именно в России марксизм в форме ленинизма одержал не только концептуальную, но и практическую политическую победу.

Разочарование интеллигенции в марксистско-ленинских идеях породило духовный вакуум, который был заполнен новым образованием – концептуальным представлением об *абсолютной ценности индивидуальной свободы и личной игры в этой жизни, позиционируемым как истина для всех*. Из основного массива сформированной в XX в. российской интеллигенции произошел «выкидыш» претендующих на идейное лидерство персоналий, которые стали позиционировать свободу индивидуализма как универсальное «общее дело», борьбу за права человека вообще. Содержание абсолютной ценности индивидуальной свободы не имело конкретной расшифровки. Поэтому психологически человек «освобождался» также от своего долга в отношении семьи, своих учителей и всех тех, кто обеспечил его рождение, жизнь, воспитание, образование, медицинское и бытовое обслуживание. Он как бы явился с другой планеты. Люди, исполняющие свой цивилизационный долг, стали казаться примитивными «совками». Ощущение полной свободы не могло не быть захватывающим. Так родилась целая плеяда носителей индивидуальной свободы. Они стали ориентирами массового поведения.

Свобода индивидуального поведения – это всегда *рискованная игра*. Но эта игра следует в конечном счете общим правилам. Совокупность индивидов, следующих общим правилам игры, – это **плюральный субъект**, общность, обретающая самые различные конфигурации. И здесь политические формы поведения самым причудливым образом переплетаются с бытовыми формами, обнаруживая свою психологическую общность.

Так, например, если проследить поведение болельщиков во время футбольных матчей, то можно понять, что плюральный субъект – это реальность, соединяющая индивидов с различным социальным положением, различным образованием, различным культурным уровнем. В ситуации игры человек стремится **победить**, и это – *главная его страсть*. Здесь человек стремится к удаче, к овладению случаем.

Аналогичная психология характерна для играющих в казино, в карты, любые другие игры. Выигрывающий джек-пот превращается в общий универсальный ориентир, следуя за которым масса людей может проигрывать все свое состояние. Участник игры подчиняется «логике» ситуаций и страстей, а не выводам теории-

ческой доктрины. Homo Ludens обретает иную, не концептуальную и не идеологическую, сущность.

Современные информационные механизмы позволяют использовать искусство построения для создания виртуальной ситуации *глобальной игры*, создавать движения в различных странах, гонящихся за символами удачи, с которыми отождествляются приоритетные ценности жизни, такие как *счастье* и *свобода*. Это и есть «знание» в поле геополитики.

Такое «знание» можно подчинять различным целям.

Фукуяма пытается найти в современной глобальной ситуации почву для *новой идеологии*. Она будет во многом определяться кризисными тенденциями в мировой экономике. В этой ситуации господствующая идеология, считает Фукуяма, будет популистской, начинаться с критики властвующих элит, которые позволяют обогащаться немногим за счет многих, включать в себя критику финансовой политики, особенно Вашингтона, от которой выигрывают богатые. Эта ситуация не фатальна для капитализма. Он может создавать свои защитные механизмы.

Интеллигенция, осуществляющая смену духовных ориентаций и придающая игре индивидуальной свободы знак высшего нравственного качества, оказалась настоящей находкой для творцов глобальной геополитической игры. Безнравственная геополитика получила для себя нравственную ширму.

Кого или что прикрывает нравственная ширма всеобщей индивидуальной свободы? Она прикрывает *правила* устанавливаемой геополитической игры.

Политические капитаны направляют свой корабль по маршрутам, на которых они пытаются разыграть геополитическую игру, подчиненную правилам «предсказуемой свободы». Дело в том, что, в соответствии с «порядком» установленной геополитической игры, **«свои» должны выигрывать всегда**. Это значит, что организатор игры должен определять, кто в данной ситуации становится геополитическим противником номер один. Победа над ним не ведет к исчезновению геополитического противника вообще: на его место определяется «команда», против которой начинается новая игра.

Тот, кто организует игру, обладает для ее победной реализации превосходящей военной и экономической мощью. Он может выбрать *любого*, на данный момент выгодного для игры противника.

Игра должна быть похожей на игры чемпионата мира по футболу, с одним существенным отличием: *конечный победитель*

должен быть определен заранее. Те игроки глобальной игры, которые догадались, какая команда получает статус *постоянного* победителя, выстраиваются в очередь в качестве возможных легионеров команды-победителя. Так в современном мире возникает динамика глобальных игроков и информационно-пропагандистское сопровождение этой динамики. Считается, что имитация нравственной и теоретической «истины» всегда должна быть на стороне команды победителей, что бы эта команда ни совершала: черное должно казаться белым, а белое – черным.

С точки зрения традиционных цивилизационных и формационных представлений такая глобальная ситуация может казаться невероятной. Однако факты говорят об обратном. Так, например, после окончания Второй мировой войны бомбовые удары США и НАТО по какой-либо христианской стране в Европе казались просто невозможными. Но они состоялись в отношении Югославии. Основная их цель – создание на Балканах «поислушных» администраций. Затем глобальные «мишени» стали определяться в нефтеносных регионах Ближнего и Среднего Востока, а также Северной Африки – Ирак, Афганистан, Ливия. Затем на очереди стала Сирия.

Мировое общественное мнение информационно готовится к восприятию Ирана как средоточия мирового зла, которое нуждается в «хирургической» нейтрализации. Если отбросить возможность действия выработанных правил геополитической игры, то мотивы агрессивных акций будут выглядеть неправдоподобно – «месть за оскорбительное отношение к отцу», наказание за террористический акт в отношении пассажиров авиалайнера, совершенный много лет назад, помощь вооруженной оппозиции, в отношении к которой правительство ведет себя слишком жестоко и т.д. Может показаться также необъяснимым, почему сторонники ислама сами начинают входить в качестве легионеров в состав христианской команды – «постоянного победителя» – и начинают воевать против своих религиозных «братьев».

Здесь начинает действовать метафизика абсолютной выгоды, которая оказывается сильнее религиозных верований и идеологических убеждений.

Есть еще один фактор, который нацелен на создание среды, определяющей сознание и поведение обычного человека. Это так называемые психологические операции (PSYOPS), которые выполняют функции информационного оружия.

PSYOPS имеют глобальный смысл. Они предназначены для всех. Вместе с тем они имеют целью влиять на сознание «плебса» конкретной страны, который, как кажется, может за бутылку виски или за джинсы «продать» интересы государства. С помощью этих нехитрых средств завоевывают симпатии «населения».

Не следует преувеличивать, но и нельзя сбрасывать со счетов воздействие на сознание так называемых «информационных бомб». Так, например, между 2007 и 2009 гг. в связи с военной акцией Соединенных Штатов в Ираке над Багдадом было выброшено с воздуха 47 млн. листовок. В качестве средства воздействия на сознание людей могут использоваться упаковки пищи, игрушки, бутылки со спиртными напитками, радиоприемники. При этом радиоприемники, которые сбрасывают, настроены на одну волну, частота которой соответствует передачам американских вооруженных сил. Это – формы психологических операций, цель которых изменить у населения восприятие реального врага не как врага, а как «друга». Так, например, американские ВВС в 2001 г. сбрасывали в контексте происходящих бомбометаний листовки вместе с упаковками пищевых продуктов, на которых было написано «*халяль*», что, как известно, означает убитое жертвенное животное, приготовленное в соответствии с предписанием мусульманских законов¹.

С психологической точки зрения здесь применяется «логика», которая применялась первыми колонизаторами, выманивающими у аборигенов за стеклянные бусы различные драгоценные изделия.

Применение современных вооружений также имеет своеобразный «моральный» эффект. В условиях «тотальной войны», примером которой стала война Соединенных Штатов в Ираке, считалось необходимым вызвать состояние *шока* и *ужаса*, и это должно было оказать влияние на представителей правящей элиты, а у населения породить состояние депрессии и безнадежности. Тем самым создавались условия для исключения возможности возникновения движения сопротивления.

Пример такого «воздействия», особенно с применением высокоточного оружия, начинал оказывать влияние и на позиции

¹ См.: Ben Angerson. Facing the Future Enemy. US Counter insurgency Doctrine and the Pre-insurgent // Theory, Culture and Society. – Los Angeles, London, New Delhi and Singapore, 2011. Vol. 28. Number 7–8. P. 217–219.

правлящих кругов других стран. Испугаться должны все. Так возникают отряды «легионеров» в современной геополитике.

Общее состояние страха и добровольного повиновения – *это начало новой глобальной жизни* и возможность управления ею посредством «легионеров».

«Легионеры» глобальной игры создают среду в виде «хора духовной поддержки». Это известный психологический прием: если большинство утверждает, что черный шар окрашен в белый цвет, то и тот единственный, кто отчетливо видит, что шар черный, будет также утверждать, что он белый. Аналогична функция большинства, поддерживающего несправедливые действия «победителя». При этом не афишируется тот факт, что в состав легионеров, как опытных боевиков, входят и *наемники*, у которых вообще отсутствуют какие-либо идейные позиции, но присутствует готовность участвовать в любых операциях по свержению законных правительств, если эти операции щедро оплачиваются. Таким образом, поле геополитики может иметь различные составляющие.

Но общий характер его построения – это создание среды, обеспечивающей прекращение всякого сопротивления и сдачу на милость «победителя». Эта «логика» открыто демонстрируется в ситуации боевых действий. Так, например, американские военно-воздушные силы в Афганистане обращались к талибам со следующим заявлением: «Вы обречены... Вы сами приговорили себя к смерти... Наши вертолеты посеют смерть на ваши лагеря, прежде чем ваши радары их засекут. Наши бомбы настолько точны, что мы можем направлять их прямо в ваши окна... Вы имеете только один выбор – сдаться сейчас. И мы тогда позволим вам жить»¹.

Могут быть информационные, экономические, политические, культурные вариации этой «среды». Но суть ее одна – это создание «логики» господства и подчинения, управления и послушания, жизни или смерти.

Такая «логика» не приводит к исчезновению сопротивления. Сопротивление приобретает многообразные формы и обретает нравственный мотив противостояния злу. Возникает движение сопротивления в форме сетевого взаимодействия, неожиданных акций, самопожертвования и актов террора.

¹ См.: Ben Angerson. Facing the Future Enemy. US Counter insurgency Doctrine and the Pre-insurgent // Theory, Culture and Society. – Los Angeles, London, New Delhi and Singapore, 2011. Vol. 28. Number 7–8. P. 220.

Победа над движением сопротивления требует завоевания симпатий *населения*. Но как этого добиться?

Предполагается, что население в своих настроениях *двойственно* – оно может быть частично враждебно, а частично невраждебно. Психологические операции имеют цель изолировать движение сопротивления от населения, сделать его маргинальным и подвергнуть ликвидации. Но определение сущности населения в его настроениях по отношению к оккупантам не может не сохранять свою неопределенность. Эта неопределенность требует специальных исследований применительно к различным группам и слоям населения. С учетом их особенностей и должны выработываться образы психологических операций, которые могут эффективно влиять на сознание и поведение людей.

Без таких исследований психологические операции не могут с достаточной определенностью давать нужный эффект. Так, например, в процессе операции «Свобода Ирака» перед началом военных действий было сброшено 40 млн. листовок, призывающих игнорировать приказы Саддама Хусейна. Однако сами организаторы этой психологической операции сомневаются в том, что именно листовки оказали влияние на поведение иракцев.

В ситуации неопределенности настроений населения утрачивают силу принципы демократической выборной системы. Как отмечается в американском полевом учебнике противодействия движению сопротивления (US Army / Marine Corps 2006. Counterinsurgency Field Manual), для успеха осуществления контропераций существенной становится поддержка *сплоченных групп населения*, а не формальный результат голосования на выборах. Реализация целей геополитики оборачивается перманентным процессом, который в своей внутренней сущности совпадает с состоянием перманентной войны. И здесь возникает фундаментальный вопрос: не существует ли причинно-следственного отношения между состоянием перманентной войны и ускоренным приближением глобального кризиса?

И является ли эффективным применение военной силы в отношении населения страны, подверженной оккупации, не порождает ли такое применение нарастание волны сопротивления? Не случайно в упомянутом выше полевом учебнике утверждается, что иногда чем более мощная сила используется, тем менее эффективной она становится.

Свои парадоксы содержит и внешнеполитическая задача геополитики.

Если хотя бы один руководитель суверенного государства *не испугается*, то он может «испортить» всю геополитическую игру.

Фукуяма не заметил геополитического аспекта проблемы. Он рассматривает проблему будущего с социально-классовых и идеологических позиций. Но такой подход уже не отвечает глобальным аспектам современного исторического процесса. Проблема идеологии будущего «угасает» в информационных механизмах современной геополитики. Она играет подчиненную роль.

В ситуации реальной геополитической игры исчезает определяющая роль как «левых», так и «правых», как христиан, так и мусульман. Они превращаются в *средство* геополитической игры, в которой особая социальная роль идеологии становится не нужной. Ключевое значение приобретает определение «чужого», представляющего в геополитической игре очередную «угрозу». Соответственно задача состоит в создании его негативного образа, как «угрозы», подлежащей элиминации. Таким образом, идеология подчиняется смене дихотомии образов.

Формирование дихотомии образов оказывает все более глубокое влияние на глобальную жизнь. В силу реальности процессов глобализации человек оказывается включенным и материально, и информационно в глобальную смертельную игру. Жизнь страны и каждого гражданина этой страны основывается на формировании состояния социально-психологического транса, связанного с возникающей угрозой выживания себя, своего тела, своей семьи, своих друзей и близких, а значит, и сограждан.

Глобальные игроки всматриваются в виртуальную реальность, оценивают состояние будущего и пытаются определить наиболее выгодное направление стратегической политики. Современная геополитическая игра может принимать как военные, так и экономические, информационные формы. Суть дела от этого не меняется. Виртуально *все включены в глобальную игру*. Смысл игры видится в постоянном состоянии войны различными средствами и с различными геополитическими «противниками». Эти противники определяются постоянным победителем. Именно он обладает правом выбора очередной геополитической мишени. Не столь важно, является ли она реальным геополитическим противником. Важно то, *как она будет определена*. И это определение начинает диктовать характер складывающихся в мире международных отношений. Победитель в глобальной игре *«забирает всё»*. В этом происходит реализация метафизики абсолютной выгоды. Это – негласный основополагающий принцип игры.

Но однако сохранение роли постоянного победителя требует в контексте осуществленных акций формирования такой *среды*, которая влияет на поддержку населения, на процессы расширения зон враждебности или дружественности. Метафизика абсолютной выгоды начинает обретать парадоксальное качество. Во имя метафизики абсолютной выгоды оказывается необходимым идти на финансовые жертвы и создавать среду, символизирующую подлинный прогресс – после бомбардировок и наземных военных действий приходится восстанавливать инфраструктуру и предлагать проекты улучшения жизни, рекламировать их не только с помощью листовок, но и с помощью громкоговорителей, рекламных плакатов и встреч с населением.

Возникает и другой фундаментальный вопрос: можно ли считать *постоянной роль постоянного победителя*?

Нельзя не видеть, что положение геополитических игроков, принявших правила игры, различно. Место «постоянного победителя» может оказаться непостоянным. Странное положение и у «легионеров». Каждый «легионер» пытается следовать правильному расчету.

Однако правильный расчет может оказаться и глубоко ошибочным. Вскочить в лодку победителя не значит спастись. Возможна ситуация, когда лодка будет освобождаться от «балласта». Могут выбросить за борт и демонстрирующих абсолютную преданность: они должны будут пожертвовать собой ради «общей победы». Или же они могут стать объектом другой игры. Они могут оказаться «виновными» или «неполноценными». При осознании реальной ситуации геополитической игры любой легионер может начать свою самостоятельную игру. И это создает условия неопределенности достижения цели геополитики.

Таким образом, онтология геополитической игры, даже при достижении ее конкретной цели, содержит в себе потенциально и реально никогда не прекращающийся конфликт: между населением подчиненной страны и подчиняющими его внешними и внутренними силами; между постоянным победителем и легионерами. В силу этого поле геополитики подвержено периодическим радикальным изменениям.

Это значит, что построение поля геополитики содержит в себе потенциал *саморазрушения*. Об этом свидетельствует вынужденный вывод войск из казалось бы победоносно оккупированных регионов. Об этом свидетельствует и исторический опыт.

Этим объясняются попытки выработать *теорию*, определяющую константы геополитической игры против основных глобальных противников на обозримую перспективу.

5. Проект новой геополитической дихотомии

Выявляющиеся тенденции самодеструкции поля геополитики создают угрозу для геополитической игры, обнаруживая ее неэффективность. А это, как представляется, может поставить под сомнение *легитимность* глобального лидерства «постоянного победителя», а значит, и возникшей после Второй мировой войны финансовой системы, позволившей «освободить» ставшую глобальной по своей роли валюту от золотого ее обеспечения.

Геополитическая игра «отодвигает» принципиальный вопрос *экономической легитимности* в тень. Сохранение этой выгодной глобальной ситуации и является скрытой целью *постоянства* геополитической игры. С отступлением от геополитики на поверхность международных экономических отношений всплывает проблема нелегитимности финансового управления миром с помощью валюты сверхдержавы, валюты, не имеющей обязательного золотого обеспечения.

Если вернуться к заявлению Митта Ромни в ходе предвыборной президентской кампании 2012 г., то закономерно высказать предположение о том, что проектировщики геополитической игры думают о перенесении опыта, полученного в ходе испытания ее методов, на «постоянных противников». К этому подталкивает и внутренняя «логика» геополитической игры. Но здесь возникают определенные трудности.

Геополитическая глобальная игра содержит в себе в качестве неотъемлемого элемента *перманентную войну*. И в этом своем перманентном качестве война должна обрести *привлекательность* как внутреннюю, так и внешнюю. Внутренняя привлекательность обеспечивается тем, что она отождествляется с *игрой, в которой обеспечен выигрыш* в силу абсолютного военного превосходства. Практически такая возможность апробируется в реальных военных действиях в Югославии, Афганистане, Иране и Ливии и находит свое подтверждение.

Внешняя привлекательность обеспечивается тем, что война помещается в *информационный кокон*, позиционируя себя как освобождение *населения* от тиранического режима, который стоит на страже суверенитета государства, но не соблюдает принципы де-

мократии. Психологические операции ставят своей целью «внушить» населению, что в его собственных интересах поддержать армию Соединенных Штатов¹. Население рассматривается как *смешанный* объект воздействия, состоящий из *врагов*, потенциально составляющих движение сопротивления оккупантам, и возможных *друзей*, получающих активную поддержку.

В академических исследованиях построения поля современной геополитики можно встретить как ее критику, так и апологию.

Критическое отношение к построению поля современной геополитики безусловно связано с тем, что в исторической перспективе *любой* участник геополитической игры может оказаться ее жертвой. Возникает вопрос: является ли адекватной для международной жизни стратегия геополитической игры? Адекватная стратегия современной международной политики может быть основана лишь на принципе безопасности для всех, *для всего человечества* как взаимосвязанного глобального *целого*. Спасение находится не в геополитическом порядке жизни, а в совместном признании принципа справедливости, основанного на равенстве прав суверенных субъектов. А это значит, что международная безопасность человечества зависит от *исходного принципа* порядка международной жизни.

Начало XXI в. символически прояснило ситуацию выбора. 11 сентября 2001 г. расставило точки над *i*. Противник глобальной безопасности номер один – это *терроризм*, его инициаторы и ударные отряды.

В борьбе с терроризмом могут быть соединены усилия народов всех стран, в том числе России и США.

Ситуация более чем ясная и не поддающаяся сомнению. Россия определенно заявила о своем предпочтении именно этого выбора и подкрепила его практическими шагами своей внешней политики.

Сегодня мы встречаемся не просто с сомнениями относительно определения международного терроризма в качестве главного и общего противника безопасности, но и попытками возможного включения его в *«новые правила» геополитической игры*. Таков политический фон, на котором осуществляются современные академические исследования. Он влияет и на те исследования, которые казалось бы далеки от геополитической проблематики. В этой связи необходимо заметить, что и Фукуяма, хотя и не рас-

¹ См.: Theory, Culture and Society. 2011. Vol. 28. Number 7–8, P. 228.

смачивает проблему идеологии будущего в геополитическом аспекте, однако интуитивно угадывает его центральное значение. И это проявляется в его оценке *китайского вызова*.

Распад Советского Союза, а вместе с тем и кризис реального социализма определяют попытки выработать новый взгляд на глобальную ситуацию с точки зрения возникновения в ней нового эмпирического противовеса либеральной демократии. Фукуяма выделил вызов с Востока, идущий от Китая, который комбинирует (и весьма успешно!) авторитарное управление с частично рыночной экономикой. Китайцы, утверждает Фукуяма, начали рекомендовать «китайскую модель» как альтернативу либеральной демократии. Однако через 50 лет мир, утверждает Фукуяма, не будет выглядеть как Китай. Уместно заметить, что через 50 лет мир не будет выглядеть и как Соединенные Штаты, хотя США предпринимают поистине титанические усилия для рекламы американского образа жизни. Они знают, что другие страны *не могут повторить у себя американский образ жизни* просто потому, что они не имеют для этого достаточных материальных, финансовых, научно-технических и культурных предпосылок. Если американский образ жизни признается образцом, то все народы должны так или иначе признать свою «неполноценность». И это дает право американцам *судить всех*, тогда как они сами суду не подлежат. Это – очень важная для «чистоты совести» *нравственная предпосылка реализации целей геополитики*. Реализация современной геополитики в отличие от политики нацизма претендует на *«высокую нравственность»*. Имитация «высокой нравственности» служит духовной ширмой метафизики абсолютной выгоды.

С позиции «чистой совести» Китай может рассматриваться в качестве той «команды», против которой необходимо начать геополитическую контригру, с тем чтобы уже на ранней стадии нивелировать возникающий серьезный вызов экономической гегемонии Запада. Однако Китай на сегодняшний день – это не самый удобный контригрок. Победоносная игра обеспечивается рядом последовательных стадий. Это – информационная дестабилизация внутренней обстановки и экономическая блокада, стимулирование гражданской войны, объединение потенциальных союзников для начала общих, в том числе военных, действий с целью приведения к власти новой послушной и управляемой администрации.

Можно считать, что выработка такой тактической последовательности действий – это практический вывод из поражения Соединенных Штатов во вьетнамской войне.

И, конечно, особо важное значение имеет выбор того субъекта, против которого можно начинать тотальную геополитическую игру с уверенностью в ее успешном завершении.

Китай испытывался неоднократно, однако добиться его внутренней дестабилизации так и не удалось. Теперь, когда экономика, наука и культура Китая находятся на крутом подъеме, рассчитывать на внутреннюю дестабилизацию и начало гражданской войны не приходится. Однако потенциально цель приведения к власти послушной и управляемой администрации остается. Это не значит, что забыт другой геополитический контригрок. Об этом и говорит тот факт, что в ходе предвыборной кампании Митт Ромни назвал Россию геополитическим противником США номер один.

Против России давно ведется информационная война. Она была особенно успешной в 90-е годы XX в. Стимулированный этой войной антисоветский дух привел к дискредитации сверхдержавы – Советского Союза, к отождествлению всего советского с состоянием полного «застоя», а советский человек был представлен «придурком», не знающим, в чем состоит действительная свобода и счастье. В итоге эйфория счастья и свободы стала отождествляться с беспорядочным сексом и массовыми тусовками рок-концертов. Антисоветский дух превратил и могущество Советского Союза в нечто «неистинное». Это был невиданный успех информационной геополитической войны. Для рядового советского человека это был процесс моральной самодеструкции того, от чего зависела его повседневная жизнь. Так, например, советская медицина была одной из самых передовых в мире. А теперь, как утверждает доктор Князькин, «наша страна является абсолютным лидером в мире... по самолечению»¹. И вот бывшие западно-поклонники начинают крыть грязной руганью сделанные по западным стандартам медицину и фармакологию, а также чиновников-бюрократов, создавших эту систему².

Возрождение политики, основанной на здравом смысле, вызывает элементы истерики. Возникает социально-психологическая атмосфера, в которой «все кошки серы», а истину увидеть невозможно. Она не лежит на поверхности.

Истина сокрыта в механизмах геополитики, которую еще необходимо расшифровать.

¹ См.: Доктор Князькин. «Как на Западе» // Газ. Metro, вторник, 3 июля 2012 г. № 62, с. 10.

² Там же.

Сегодня очевидно одно: пока Россия обладает реальной возможностью нанесения сокрушительного ответного контрудара в случае развязывания против нее военной агрессии, она остается наиболее убедительным препятствием на пути успешного ведения глобальной геополитической игры. Вот почему приоритетное значение придается различным формам информационно-психологического воздействия на Россию. Бен Андерсон отмечает точку зрения таких теоретиков, как Мифейт и Джексон, Макинлей, Менсур и Ульрих, согласно которой всякое военное действие должно сопровождаться попыткой сформировать то, что называется «информационной средой» войны. В этой среде разочарования и надежды ожидания и другие чувства выступают как реальные силы, призванные «модифицировать» поведение населения, состоящего из потенциальных врагов и потенциальных друзей¹.

Создается образ «неполноценности» России. Можно подумывать, что все это делается руками «безгрешных», «святых» политиков, которые учат своих солдат-оккупантов, как им нужно улыбаться, пожимать руки и извиняться, чтобы выглядеть высокоморальной военной силой. Агрессор должен предстать в облике носителя высокой нравственности. Но тогда объект агрессии должен предстать перед мировым общественным мнением как средоточие *Зла*. Но каков же мотив «высокой морали» агрессии, на чем он должен основываться? Наиболее убедительной для мирового общественного мнения кажется *вина за развязывание Третьей мировой войны*. Не трудно догадаться, о чем идет речь. Это уже не обнаружение фактов и доводов, а попытка создать *мораль для тотальной войны*.

Мораль для тотальной войны потенциально раскалывает человечество на две части, каждая из которых может стать объектом *жертвоприношения*. В силу этого *не может быть общечеловеческой морали*.

Теряет принудительную силу и академическая аргументация, основанная на приоритете системы. Оказывается подходящей «аргументация», которую в свое время предложил Геббельс для «доказательства» того, что Гитлер не напал на Советский Союз, а просто нанес удачный превентивный контрудар по сталинской агрессии.

¹ См.: Theory. Culture and Society. Vol. 28, Number 7–8, 2011. P. 225.

Опыт Геббельса берется на вооружение, и ему придается некоторый академический блеск с учетом неимоверно возросшей силы глобальных информационных возможностей.

В этой связи нельзя не обратить внимание на концепцию, сформулированную в 2007 г. Азаром Гатом, профессором Тель-Авивского университета. Создается впечатление, что в своем азартном стремлении создать хитроумную пропагандистскую ловушку Азар Гат даже забывает о том, какая армия спасала его этнических сородичей из гитлеровских лагерей смерти. Кто же в следующий раз будет спасать его сородичей? Или этого делать уже не придется?

Какую картину, с претензией на академическую основательность, рисует Азар Гат, говоря о вызовах, перед которыми оказывается глобальный либерально-демократический порядок? Азар Гат предлагает внести существенные изменения в глобальные геополитические ориентиры. Речь прежде всего идет об изменении оценок угроз, исходящих от радикального ислама, а другими словами – от глобального терроризма. Азар Гат считает, что радикальный ислам не является главной угрозой. Для либеральной демократии радикальный ислам – это *наименьший* из двух существующих вызовов. Он не представляет из себя серьезной военной опасности, полагает Азар Гат. По сути дела, Азар Гат предлагает изменить ориентацию на *соединение* усилий, чтобы следовать фундаментальным целям геополитики, которые необходимо направить против *второго* вызова.

Второй, более значительный вызов, оказывается, исходит не от терроризма, а из подъема великих держав, старых соперников Запада по «холодной войне». Это Китай и Россия¹.

Угрозу либеральной демократии Азар Гат усматривает в огромных потенциальных экономических и научно-технических возможностях Китая и России. Он считает, что нацистская Германия и Япония использовали свои внутренние возможности для наращивания экономического и технического могущества, направляемого на военные цели. Но они были слишком малы по своим размерам. И именно поэтому, считает Азар Гат, они потерпели военное поражение.

Азар Гат «забывает», что нацизм использовал ресурсы практически всей Западной Европы, а японский милитаризм – Восточ-

¹ См.: Azar Gat. The Return of Authoritarian Great Powers // Foreign Affairs, January / February 2012. Vol. 91. Number 1. P. 46.

ной Азии. И голословно утверждает, что размеры и ресурсы России и Китая «несопоставимы» с размерами и ресурсами фашистской Германии и Японии времен Второй мировой войны. И сегодня очевидно, считает Азар Гат, что Китай становится «подлинной авторитарной сверхдержавой»¹.

Теоретически проработанное и практически проведенное сочетание частной инициативы, рыночных механизмов и государственного регулирования дает кумулятивный эффект для экономического и научно-технического развития. Это и доказывает опыт Китая.

Россия, поскольку ее реформаторы слепо следовали постулатам неолиберальной доктрины, потеряла очень многое, и ей сейчас приходится наверстывать упущенные в 90-е годы возможности.

Азар Гат определяет режимы Китая и России как «авторитарно-капиталистические». Принципиальная важность этого определения состоит в том, что оно позволяет «концептуально» отождествить современные Китай и Россию с авторитарно-капиталистическими режимами Японии и Германии, развязавшими Вторую мировую войну и игравшими ведущую роль в международной системе отношений вплоть до 1945 г. Они отсутствовали, пишет Азар Гат, но теперь они как будто бы готовы к возвращению. Тем самым Азар Гат относит новый источник глобальной агрессии к России и Китаю, хотя у России и Китая вообще концепций установления нового мирового порядка, как известно, нет, поскольку они продолжают следовать сложившемуся мировому порядку, порядку планетарной демократии, олицетворением которой является Организация Объединенных Наций. Посольства Соединенных Штатов Америки в мусульманских странах уже в 2012 г. могли в полной мере оценить «эффективность» рекомендаций Азара Гата. Им пришлось эвакуировать своих сотрудников. Факты свидетельствуют о том, что развитие Китая и России не представляет военной угрозы для либерально-демократических порядков Запада.

Военная угроза современному миру окопалась в построениях новых геополитических дихотомий, в которых видят неперемное условие «нормального движения», обеспечивающего сохранение гегемонии супердержавы.

¹ См.: Azar Gat. The Return of Authoritarian Great Powers // Foreign Affairs, January / February 2012. Vol. 91. Number 1. P. 48.

Задача информационного и концептуального сопровождения этого процесса состоит в том, чтобы представить его как намерение утвердить во всем мире «подлинную демократию», совпадающую со всеобщим ощущением свободы и счастья.

Вместе с тем новым смыслом наполняется древний слоган «благими намерениями вымощена дорога в ад».

6. Заключение

Феномен геополитики представляет серьезные трудности для академического анализа. Он не сводится к концепциям, которые опубликованы и авторы которых хорошо известны.

Геополитика – это реальность, имеющая свои скрытые мотивы, свой процесс и свои последствия. Это реальность, которая имеет двойственную природу *сокрытости–открытости*.

Действительные намерения и планы субъекта геополитики бывают, как правило, сокрыты. Открытыми могут быть декларации и лозунги, которые что-то проясняют, а что-то затемняют. Последствия открыты для всех, *но они уже случились и кажутся случившимися из хаоса событий*, тогда как на деле они могут быть хорошо спланированными и подготовленными. В этом смысле крайне важно выявить процессы, которые характеризуют механизмы сокрытости геополитики.

И здесь приходится пользоваться методом *воспроизводства виртуальной реальности* путем интерпретации того, что *открыто* в геополитике. Это – метод интерпретации того, что *открыто* и что позволяет достаточно достоверно воспроизводить то, что *сокрыто*. Достоверность подтверждается или корректируется историческими последствиями.

Метод воспроизведения виртуальной реальности является вполне научным. Он применяется даже в такой точной науке, как геометрия. Когда вы имеете две параллельные прямые, то можете продолжить их в бесконечности и приходите к заключению, что они не пересекутся. Но если они находятся под углом друг к другу, даже самым небольшим, то они пересекутся.

Так и в исследовании геополитики. Вы знаете историческую реальность и реконструируете ее *онтологию*, опираясь на которую можно интерпретировать современные события.

Если геополитика исходит из метафизики абсолютной выгоды и имеет исторические следствия в виде рождения могучих империй, то она становится отправной точкой оценки междуна-

родной политики. Но поскольку обнаруживается *крах* великих империй, то обнаруживается и скрытый негативный смысл в метафизике абсолютной выгоды. Становится необходимой философская интерпретация открытости–сокрытости абсолютной выгоды.

На метафизике абсолютной выгоды основывалось создание великих империй, и она обладает для политиков постоянной притягательностью. Но существует и урок великих империй – Персии, Александра Македонского, Рима. Сенека, предвосхищая судьбу Рима, писал:

*«Греция, скошена ты многолетней
военной бедою,
Ныне в упадок пришла, силы свои подорвав.
Слава осталась, но Счастье погибло,
и пепел повсюду...
мало осталось теперь от великой
когда-то державы;
Бедная, имя твое только и есть у тебя»¹.*

(«О развалинах Греции». Пер. Ю. Шульца)

«Пепел повсюду» сопровождал историю людей, лишенных разума. Разум в истории совпадает с удержанием *баланса, равновесия государств* как условия нормальной цивилизационной эволюции. Метафизика абсолютной выгоды как раз предполагает нарушение баланса, формирование асимметричных отношений, выгодных только одной стороне. Это – игра со смертельным риском.

Эпоха Просвещения «подводила черту» под этой игрой. Люди, следующие общим принципам разума, становятся *понятными* друг для друга и могут приходить к *общему согласию* в понимании мира и общественных отношений.

Разум не утверждается сам по себе. Кто-то должен брать на себя *бремя* утверждения разума. Это должна быть выдающаяся, великая личность, такая, например, как Наполеон. Но вместе с тем победа разума как абсолютного блага совпадает с *насилием* над миром «неразумия».

Человечество разделяется на «просвещенных» и «непросвещенных», носителей блага жизни и неспособных быть его подлинными носителями. Человечество не было едино, и каждая его часть считала именно себя носителем абсолютного блага жизни. Общее

¹ Сенека. О развалинах Греции // Античная лирика. – М., 1968. – С. 461.

благо жизни, как феномен разума, запуталось в собственных противоречиях. В его глобальном утверждении присутствовала смерть.

Запад, как наследник эпохи Просвещения, считал и считает себя носителем универсального блага либеральной демократии. Экспорт его в третьи страны осуществляется с помощью военных вторжений и бомбардировок и таким образом становится зеркалом, в котором отражается собственная ограничительная сущность либеральной демократии.

Так существует ли **общее** цивилизационное благо или же возможна лишь его *имитация*? Запад и двинулся по пути имитации. Об этом открыто заявили постмодернисты.

Характерно, что Бодрийяр увидел в отношениях западных и не-западных обществ действие машины *симуляции*: информативные технологии во все большей степени трансформируются в гротескную пародию на самих себя. Религиозные убеждения, политические идеалы, гендерная идентичность, сексуальная мораль обретают характер гиперреализма и продолжают существовать как субъективные представления или знаки, циркуляция которых в средствах массовой информации влечет за собой полное исчезновение их объективного значения.

Росс Аббиннетт, преподаватель Бирмингемского университета, в этой связи замечает, что дух серьезного отношения к идеалам Просвещения обернулся на Западе карнавалом, в котором буквально ничто не является сакральным. Или, как говорил Бодрийяр, «белые карнавализовали самих себя... и уже давно экспортируют всё это всему миру»¹.

Каналы западной глобальной информационной культуры функционируют так, чтобы вызвать эрозию символической жизни не-западных обществ, подчиняя их постоянным предложениям «стать обнаженными», «иметь секс», «выглядеть хорошо», «иметь больше» и т.д.²

Экспорт образцов карнавализации активно поощряется. Тот, кто их воспринимает в качестве универсальной истины, награждается комплиментами, но одновременно автоматически попадает в разряд «второсортных».

¹ См.: Ross Abbinnett. Carnival and Cannibal, or The Play of Global Antagonism, by Jean Baudrillard // Theory, Culture and Society. Vol. 28. Number 4. July 2011. – Los Angeles, London, New Delhi and Singapore. – P. 146.

² Ibid. – P. 147.

Движение Запада в направлении карнавализации и становится, по мнению Бодрийера, причиной возникновения антагонизма «Востока» и «Запада», ислама и христианства. Фундаменталисты увидели онтологическую угрозу в симулятивных порядках Запада: вы были мудрыми, чтобы кушать плоды с дерева Просвещения, но теперь эта мудрость должна возвратиться к греховному Западу¹. В геополитике в силу общности «логики» абсолютной выгоды все движется по кругу. Курт Воннегут образно нарисовал движение по такому кругу. Ориентиром смысла может служить что угодно – дерево, камень, животное, идея, книга, мелодия, святой Грааль. Смыслы уходят и приходят:

«Кружимся, кружимся – и всё на месте:

Ноги из олова, крылья из жести».

(Курт Воннегут. «Колыбель для кошки»)

Разорвать этот круг невозможно без обнажения корней карнавализации духа. Корни карнавализации духа лежат в вытеснении Разума метафизикой Абсолютной Выгоды.

Духовная карнавализация имеет глобальный прицел. Она делает невозможным нравственное осуждение геополитической игры. Образно говоря, метафизика Абсолютной Выгоды и ее эквивалент – философия прагматизма – это тот самый «лёд-девять», изобретенный Феликсом Хониккером, способный в конечном итоге «заморозить» цивилизационный мир (Курт Воннегут. «Колыбель для кошки»).

В чем заключается диалектика метафизики абсолютной выгоды в отношении к геополитике? Ее можно сформулировать в одном тезисе: *чем значительнее мощь, направленная на достижение геополитической цели абсолютной выгоды, тем значительнее риск ее полного саморазрушительного разрыва с Истиной цивилизационной жизни.*

В чем заключается когнитивный смысл этого разрыва? Он заключается в построении глобального пассивного сообщества, которым управляет свободный субъект, идентифицирующий свою сущность с *сущностью блаженных богов*. Тем самым осуществляется перенесение иерархии отношений человека к растительному и

¹ См.: Ross Abbinnett. Carnival and Cannibal, or The Play of Global Antagonism, by Jean Baudrillard // Theory, Culture and Society. Vol. 28. Number 4. July 2011. – Los Angeles, London, New Delhi and Singapore. – P. 150.

животному миру на мир составляющих глобальную цивилизацию народов.

В этом заключается эзотерический смысл геополитики, который подлежит философской расшифровке. На поверхности геополитических операций он являет себя в виде *психологических операций* (PSYOPS). Психологические операции можно рассматривать как предварительные подготовительные стадии такого перенесения. Действительное перенесение предполагает создание эффективно действующей среды полного подчинения. Для этого необходимо духовное самовоплощение в верховного цивилизационного субъекта с сущностью протиестественного. Идентификация своей сущности с сущностью блаженных богов означает наделение себя правом *лишения условий нормальной жизни других*, если они «выпадают» из поля комфортного бытия свободного субъекта. Международное право теряет силу. Вместе с тем это – наделение себя правом построения для другого такой «среды», которая делает его бессильным, абсолютно зависимым и наполненным страхом. Это – известные три «д» (DDD – debility, dependence and dread)¹, которые апробировались на американской базе Гуантанамо. Такое построение может применяться, если психологические операции не приносят конечного результата. Это финальная цель формирования среды, обеспечивающей реальность подчинения населения, в котором каждый может стать инсургентом, а значит, использовать листовки психологических операций как туалетную бумагу, как бумагу для растопки или вообще игнорировать их наличие.

И в этом случае геополитический победитель должен распространять среду, построенную на основе трех «д», *на все население*.

Именно такая среда кажется эффективной для управления населением. Но это такая среда, в которой *невозможно жить, а можно только существовать*. Проблема состоит в осознании населением конечных целей геополитики. Если происходит осознание этих целей сквозь информационные облака, то в этом случае война утрачивает свои очертания фронта и тыла: она происходит везде и переносится на все аспекты жизни.

¹ См.: Ben Anderson. Facing the Future Enemy. US Counterinsurgency Doctrine and the Pre-insurgent // Theory. Culture and Society. Vol. 28. Number 7–8. – Los Angeles, London, New Delhi and Singapore, 2011. – P. 231.

Вместе с тем формирование среды становится специфическим военным ответом на проблему «безликой враждебности», что становится признанием неэффективности психологических операций. Явление «безликой враждебности» означает, что враг может быть убит даже до того, как он станет врагом. Это – отрицание самой возможности признания в геополитике равного отношения к себе и другим, а значит, и нравственного закона. Если современную геополитику рассматривать в поле такого взаимодействия власти, знания, права, морали и форм субъективности, то открываются новые вариации пережитой в XX в. судьбы человечества, постигаемой через символические формы отношений, которые нельзя расшифровать с позиций общего разума. Разделение Добра и Зла с учетом технических возможностей современного человека означает возникновение универсального механизма самодеструкции.

Таким образом, в метафизике абсолютной выгоды возникает потенциал смерти современного человека. Что может в современном мире противостоять в смысловом выражении метафизике абсолютной выгоды? Противостоит то, что подчас публично не фиксируется и не замечается. Это – метафизика абсолютной Истины, которая исторически является сущностью русской духовной традиции.

Но почему же деструктивный потенциал метафизики Абсолютной Выгоды захватывает современный мир и обретает информационную форму культурного *величия*? Это – форма *кажимости*. Глобальное влияние кажимости обусловлено технологиями информационного построения, замещающего, как это показал еще Аристофан, Бога Истины облаками, дающими дар убеждения, говорливость и в речи сноровку. Усматривая в облаках богов величайших, «ты приучишь себя, – утверждает Аристофан, – безобразно-постыдное добрым считать, а добро – пустяком»¹. Закономерно возникает вопрос: можно ли современному человеку достичь до понимания сущности геополитики, оказываясь в хитроумно построенных информационных облаках, подвергаясь влиянию психологических операций? И правильно ли в советскую эпоху понимали глобальную реальность? Видимо нужно вернуться к афористическому высказыванию А.Н. Яковлева. По сути дела А.Н. Яковлев образно выразил итог Нюрнбергского процесса. Вместе с тем он увидел в нем убедительное *предостережение*. Что

¹ См.: Аристофан. Облака // Античная драма. – М., 1970. – С. 402.

касается оценки нравственной сущности класса капиталистов, то А.Н. Яковлев допустил эмоциональный «перегиб», который впоследствии «исправил» новым перегибом в другую сторону. Он внезапно открыл для себя открытую Максом Вебером позитивную нравственную сущность протестантизма как религии и философии буржуазного класса.

За духовным занавесом протестантизма оказалась скрытой реальная сущность современной геополитики. Г.В. Плеханов отметил эту особенность российской социальной мысли: перегибать то в одну, то в другую сторону, чтобы выпрямить движение к истине.

Далеко не все капиталисты XX в. принимали участие в реализации гитлеровской расистской политики. И это понятно. Мир столкнулся с *общечеловеческой* геополитической проблемой. Это и раскрылось на Нюрнбергском процессе.

К какому выводу подталкивают его итоги? Вывод однозначный. Если бы Лейпцигский процесс 1933 г. из суда над невиновными коммунистами превратился в суд над нацистами, то, возможно, человечеству удалось бы избежать тех огромных жертв и разрушений, которые принесла Вторая мировая война. Поджог рейхстага нацистами был тем символическим сигналом, который свидетельствовал об отречении от всех нравственных и правовых норм, о вступлении мира в этап нечеловеческой геополитики, основанной на метафизике расовой абсолютной выгоды. Принципы морали и права становились последней защитой от угрозы катастрофы.

Лейпцигский процесс, если бы правовая система исполнила свой долг до конца, превратился бы в предвосхищение Нюрнбергского процесса, в изоляцию тех носителей геополитической катастрофы, которые своей политической игрой ввергли человечество в пропасть глобального побоища. Иными словами, *катастрофу можно было предотвратить, если бы были приняты должные меры у самых истоков ее зарождения.*

Говорит ли о чем-то нам этот исторический опыт сегодня? Готовы ли современные международные правовые системы и суды выполнять возложенную на них функцию, или же они будут и сегодня занимать известную удобную позицию: ничего не вижу и ничего не слышу, поскольку смотрю в другом направлении. Сегодня много шума поднимается вокруг нарушения прав *отдельного* человека. Но не говорится о возможном нарушении прав *человечества как целого*. Но ведь это и было в центре внимания Нюрнберг-

ского процесса. Готовится ли очередное преступление против *человечества* сегодня, нарушаются ли *его* права? На этот вопрос и должна давать ответ система международного суда. Но это факт, что в наши дни в трибунале не был рассмотрен ни один акт агрессии против суверенных государств.

Может быть и действительно все идет «своим путем» и не стоит обращать внимание на «мелочи» международной жизни? Ведь войны сегодня идут в основном на «периферии», и цивилизованный мир контролирует ход этих войн. А ведь правят этим миром западные «культурные люди». Для того чтобы понять действительность намерения «культурных людей», следовало бы опубликовать протоколы секретных совещаний, касающихся проблем геополитики.

Если же на таких совещаниях речь идет о реализации самых благородных и высоконравственных целей, то чего бояться? Почему публикация секретных документов, касающихся войны в Ираке и Афганистане и дипломатических телеграмм, вызвала такую бурную реакцию правительственных кругов и стремление во что бы то ни стало заполучить Джулиана Ассанжа, «виновника» этих публикаций в Интернете?

Разве не правомерно рассматривать этот поступок Джулиана Ассанжа как тот самый информационный прорыв юридических норм, который оправдан исполнением функции последней защиты от вселенской катастрофы, поскольку исполнением этой функции пренебрегает современная международная судебная система? Возникает и другой вопрос: существует ли в *действительности* так называемое «открытое общество», о котором много демагогов распространялось в последние десятилетия, или существует лишь его искусная имитация?

Джулиан Ассанж в сущности развеял любовно культивируемую иллюзию, будто Запад следует тому, чему учили великие философы, такие как Кант, Руссо, Бентам, призывавшие открыть миру истину, представлять ее общественному мнению, что является гарантией утверждения морали и правовой безопасности в обществе, защитой от узкогрупповой заговорщической деятельности олигархических групп и тиранических поползновений. Следует ли Запад призывам Вудро Вильсона, который, отстаивая принципы транспарентной дипломатии, говорил о «новой свободе», подчеркивал, что правительство все должно быть вовне, а не внутри себя. «Что касается меня, — отмечал он, — то я верю, что не должно быть

места, где может быть совершено то, о чем не может знать каждый... Секретность означает неприличие»¹.

Эти рекомендации прежде всего следует относить к условиям сохранения безопасности человечества и жизни на Земле.

За пределами этих условий абсолютная открытость, при всей очевидной ее привлекательности, требует теоретического обоснования и коррекции применительно к определенным аспектам жизни. Без этого она может давать и негативные следствия. Так, например, провозглашенная в годы перестройки тотальная «гласность» не имела под собой сколько-нибудь серьезной теоретической основы. Это была *эмоциональная реакция* на «закрытость» советского общества, реакция, не учитывающая специфики работы специальных служб, разведки и, конечно, бизнеса и архивов, научных исследований в области обороны. Тотальная «гласность» считалась дорогой к свободе. Однако в итоге доминирующее влияние неолиберальных идей сделало малодоступными для общественности механизмы практического осуществления аукционов, приведших к «распилу» общенародной собственности среди олигархов и сосредоточению властных рычагов в руках семейного клана.

В нормальном демократическом обществе открытость и секретность сосуществуют, не подавляя и не исключая друг друга. В наши дни отвержение секретности подчас толкуется как отрицание приватной сферы жизни, индивидуальности, а значит, как дорога к тоталитаризму. Эту точку зрения высказывал Жак Деррида. Но такую позицию можно использовать как защиту секретности и в сферах олигархического правления. И, соответственно, такие исследователи, как Сэм Вебер считают, что в конечном счете «секрет» находится не на «периферии», а в сердце и в стержне всякого внутреннего пространства, которое конструируется или планируется в лингвистической, чувственно-образной или политической форме².

Может существовать закрытость в форме построения геополитической информационной среды, которая «открыта» для массового потребления. Но эта закрытость и становится указателем на наличие *секрета* в политике. «Открытость» как построение ин-

¹ См.: Clare Birchall. Introduction to «Secrecy and Transparency: The Politics of Opacity and Openness» // Theory, Culture and Society. Vol. 28. Number 7–8. December 2011. – Los Angeles, London, New Delhi, and Singapore – P. 10.

² Ibid. – P. 12.

формационной среды – это симптом внешней или внутренней цензуры. Так как же быть с *подлинной* открытостью?

С одной стороны, открытость является атрибутом демократии. Нет открытости, нет и демократии. С другой стороны, право индивида на своеобразие, на приватность личной жизни невозможно реализовать без права на ее секретность. Но без гарантии права индивида на своеобразие не может быть подлинной демократии. Возникает апория открытости – секретности как условия демократии. Эта апория кажется неразрешимой, поскольку она обретает абстрактную форму. Она находит свое решение, когда проблема открытости–секретности относится к конкретному содержанию, которое затрагивает общественные интересы в каждом отдельном случае.

Вместе с тем, очевидно, что открытость имеет приоритет, когда *речь идет о безопасности всего мира, о выживании человечества.*

Здесь и проявляется истинность или неистинность поведения политиков и государственных систем. Современные информационные системы и их технологии так или иначе действуют посредством человека. Это – реальная проблема современной нравственной свободы человека, его выбора, его совести.

Проблема совести человека и свободы его выбора на межцивилизационном уровне жизни оказывается вне сферы действия права. Дело в том, что метафизика абсолютной выгоды – это дело неподсудное. В международных кодексах нет соответствующей статьи. Это дело внутренней рефлексии. Коррекция самосознания достигается движением по пути цивилизационной истины.

Во внутренней рефлексии человек судит себя сам. Он решениями и поступками формирует свою самость, внутреннюю информационную сущность своего «Я». Эта сущность не является секретом для «Я», хотя может быть секретом для «Другого». *Информация «случившегося» вечна и неизменна. Ее никто не может изменить. Она «прилипает» к личности.*

Геополитик стоит перед возможностью совершить *ужасающее преступление*. Внешние информационные прикрытия такого преступления не решают внутренней проблемы отречения от Истины, проблемы ответственности перед самим собой, *ответственности за формирование самости «Я»*. Истина – это путь, ведущий к гармонизации отношений между историческими субъектами и отношений человека с окружающей средой. Это – сумма объективированных правил жизни, постижение которых должно

совпадать с их реализацией в формах реального бытия и реальной политики. *Общая истина* обретает *константность*, которая не зависит от изменений, происходящих в жизни отдельных субъектов. Ее удержание и сохранение – дело *общей ответственности*. Индивидуалистическая психология неоллиберализма вытесняет общую ответственность с публичной сцены. В центре общественного внимания оказываются *индивидуальная жизнь и ее секреты*. Общественность жаждет раскрытия секретов, будь то секреты артистических звезд, секреты бизнеса или государственных чиновников.

Общая ответственность начинает вытесняться и с международной сцены. Рождается заключение, что общей высшей истины нет, что реальны только интересы отдельных субъектов, которые обретают форму информационной агрессии и имитации истины. Соответственно, имитация истины становится эксклюзивным достоянием ее носителей, а константы истины теряют свое влияние.

Возврат к общей высшей истине оказывается возможным лишь через объективацию культуры конкретного субъекта или конкретных субъектов, которым открывается приоритет общих правил гармоничных отношений в глобальном мире. Эти внутренние процессы не фиксируются ни в протоколах, ни в Интернете, они не подвержены судебному разбирательству. Это – внутренний духовный мир людей, столь же бесконечный, как и Вселенная. И это – объект самостоятельной внутренней работы Человека как предпосылка его разумного выбора, а относительно большинства людей – предпосылка *качества* народа. Здесь лежит ответ на вопрос: *КТО МЫ?*

В процессе этой работы человек приходит к пониманию, что *открытость информации*, доступной из имеющихся источников, может не совпадать с необходимой для самоопределения *Истиной*. Для этого нужно выйти за пределы субъективности и увидеть себя с позиции, позволяющей понять мотивы поведения всех участвующих в жизни субъектов. Такая позиция обуславливает объективное видение самого себя с точки зрения жизни в границах общих правил.

Истина теперь формируется в формах взаимодействия объективированного субъекта с общими правилами жизни в контексте ее изменений, требующих коррекции этих правил. Но кто признает этот путь сегодня?

Геополитический интерес диктует «истину» превосходства силы, а не цивилизационной истины. И это – фактор современной

глобальной политики. Что должна говорить общечеловеческая совесть в этой ситуации? Можно ли освободить ее от собственного долга высказать истину?

Освободить ее можно лишь одним путем – сославшись на метафизику сокрытости–открытости Бытия. Это тождество сокрытости–открытости Бытия расшифровал Мартин Хайдеггер в своей трактовке Гераклита. Дейв Бутройд, директор культурологических исследований в школе социальной политики, социологии в Кентском университете (Англия), ссылается на позицию «Левинаса-Деррида», настаивающую на *неопределенности ответственности* и этическом моменте встречи с *абсолютной изменчивостью «внутри меня»* в форме тайны, которую я обязан охранять и которая может быть легко неверно прочитана в привилегированности секрета «приватности» над «открытостью публичности»¹.

Как оказывается, все дело в неопределенности того смысла, который несет в себе *универсум*. Которая в свою очередь фиксируется в бесконечной свободе моей внутренней субъективности.

Но мой моральный долг сделать определенный выбор в отношении вполне определенной глобальной ситуации. «Это – совсем другая история», в которой реально определяется истина пути. Этот путь признает тот, кто отчетливо понимает, что превосходство Власти не обязательно совпадает с превосходством Истины. Напротив, превосходство Власти создает угрозу полного разрыва с Истиной. Слияние Власти с Истиной происходит в процессе объективации субъекта, овладения технологией гуманитарного знания. Нарастающие потоки информации, возросшее влияние Интернета на общественное сознание создают впечатление «*полной ясности*» относительно ситуации в современном мире. Но эта «полная ясность» может обернуться «темной комнатой», если человек не вооружен теоретическим критерием как «путеводителем» оценки информации. Соответственно, «открытость» информации отождествляется с удовлетворяющим любопытство «благом», идентифицируется со свободным распространением *лозунгов*, а не свидетельств Истины. В «темной комнате» возникают аморальные, но щедро оплачиваемые и морально чистые, но удивительно наивные «идейные» борцы, которыми в действительности управляют «большие» геополитики. Они и «рису-

¹ См.: Dave Boothroyd. Off the Record. Levinas, Derrida and Secret of Responsibility // Theory, Culture and Society. Vol. 28. Number 7–8. December 2011. – P. 46.

ют» нужные им цели общественных движений и цветных революций. Для этого и необходима форма информации, которую Клара Бёргел характеризует как транспарентную и в то же время эффективно секретную, доступную и управляющую.

Конечно, философ может видеть эту ситуацию информационной игры и стоять «выше» ее. Но какова исходная позиция такого возвышения? Левинас определяет ее как безопасность «Я» в различных способах находиться – дома – у себя самого, и это основание социальных отношений с другими вообще. «Моя» ответственность – это обязанность, которую я не выбираю, а которая выбирает меня.

Таким образом, я не несу ответственности за выбор. Я просто *спасаюсь* в этом мире, и это мой правильный путь. Но как быть с *общим* правильным путем? Если я его не знаю и не собираюсь познавать, то становится необходимой *теория*.

Теоретическая оценка помогает найти опоры и отправные точки *правильного* движения. Если человек не готов к служению Истине и предпочитает «веселое незнание», то на магистрали современной истории нетрудно попасть в «дорожную катастрофу».

Человек начинает следовать облакам визионерства, возникающим в Интернете; он отделяется от фактов и обстоятельств реальной общественной жизни и воспринимает лозунги как логически осознанную необходимость, которую следует «наложить» на действительность многообразных случайных отношений.

Общественным сознанием начинают управлять миражи, распространение которых отождествляют с «открытостью».

Человеку приходится жить в информационном пространстве «открытости» «облаков», которая, однако, не отделена китайской стеной от геополитической секретности. Информированность человека может быть формой превращения его в жертву обмана, т.е. покрывалом, скрывающим Истину. Здесь лежит ответ на вопрос, как и почему самодостаточные и непродажные индивиды, полагающие себя свободными и свободолюбивыми, смелыми и интеллектуальными, готовыми к нравственному подвигу, превращаются в марионеток геополитиков.

В чем состоит ответственность академической науки в контексте этих проблем?

Конечно, сегодня мы не имеем окончательного ответа на все возникающие в этой связи вопросы. Соответственно, невозможно подвести и окончательный *теоретический итог анализа* конструкции глобального геополитического противостояния. Но если

академическая наука не даст своего ответа на эти вопросы, то его даст *Время*. Однако подвести теоретический итог этому ответу скорее всего будет уже некому.

Если такая возможность все же появится, то мыслителям, следующим требованиям истины, видимо, придется ее охарактеризовать как *Эру Разрушения Здравого Смысла*.

Статья написана специально для бюллетеня «Россия и мусульманский мир».

Александр Рар,

политолог, директор Центра им. Б. Бейца
при Германском совете по внешней политике
РОССИЯ – ЕВРОПА, НО НЕ ЗАПАД

На Западе отказываются понимать, что среднестатистический россиянин чувствует себя в путинском государстве действительно защищенным. Чтобы вспомнить времена, когда в России дела обстояли еще лучше, надо обратиться к давней истории. Большинство россиян приняли государственный капитализм как экономическую модель развития страны. То, что контроль над полезными ископаемыми отобрали у олигархов и передали в руки государственной власти, также получило одобрение общества. Запад не понял того, что Путин вернул многим русским чувство собственного достоинства. Россию снова стали уважать, а не жалеть, как нищенку. Различие между русским и западным европейцем, как написал один блогер, заключается в том, что у любого жителя Западной Европы на первом месте стоит его благополучие, а у русского – гордость за свою Родину.

«Россия такая, какая она есть», – поучал президент Дмитрий Медведев Запад в Давосе, не позволяя, однако, другим поучать себя. Ответ Запада: «Если Россия считает себя частью Европы, то она должна соблюдать европейские правила игры». Новый имидж европейцев основывается не на географии, как в прошлые века, а на гуманистических и правовых ценностях, таких как демократия, социальная рыночная экономика, принцип правового государства, плюрализм, защита прав меньшинств, свобода вероисповедания и свобода слова. Эти ценности завоевывались европейскими нациями в течение столетий. Они – составная часть *Acquis communautaire* и для европейского гражданина означают гораздо больше, чем владение территорией.

Россия чувствует дискриминацию по отношению к себе, так как Запад идеологически оккупировал европейский континент своими ценностями. После краха коммунизма Россия была вынуждена создавать свою идентичность заново. Так как были утрачены воспоминания об историческом периоде до 1917 г., поиск идентичности привел Россию к ее византийскому наследию. Западная Европа, по русскому толкованию, живет ценностями римской правовой культуры, а Россия, как отпрыск исчезнувшей в 1453 г. Византийской империи, имеет другие европейские корни. На Западе во главу угла ставится буква закона, а в России на первом месте стоит справедливость (субъективно воспринимаемая). Когда закон не давал ясности, принимал решения не суд, а справедливый царь.

Западный демократ сегодня не может себе представить недемократическую Россию в роли союзницы Запада. Западная политология ощущает себя исключительно как наука о демократии. Это также результат победы Запада в «холодной войне». Раньше исследователи Востока должны были изучать внутреннюю жизнь России, чтобы дать необходимые политические рекомендации. Тогда весь мир смотрел на Россию, которая в конечном счете контролировала половину Европы. После распада Советского Союза Восток стал неинтересен, исчезла угроза, а с ней и необходимость заниматься этой страной. В 1990-х годах у Запада был интерес к преобразованиям в Восточной Европе. Но по мере их замедления появилось нечто вроде усталости от России.

Современная наука о демократии оценивает Россию исключительно с собственной, западной точки зрения. По этому принципу действуют многие субъекты европейского ценностного порядка, а также представители гражданского общества – неправительственные организации (НПО). Под ними подразумеваются не «Greenpeace», «Amnesty International», «Хлеб для мира» или «Красный Крест», которые пытаются сделать мир более гуманным, а американские и немецкие фонды и «фабрики мысли», чье влияние на вопросы внешней политики нельзя недооценивать.

Рост влияния НПО на западную внешнюю политику порождает одну проблему. Европейская внешняя политика со времен «холодной войны» имеет ценностные ориентиры; распространение этих ценностей укрепляет мир и благополучие также вне Европы. В течение последних лет западная ценностная политика приняла псевдовоинствующий характер. Американский сенатор Джон Маккейн заявил на Мюнхенской конференции по безопасности, что ориентированная на ценности внешняя политика – это не мис-

сионерская деятельность, а составная часть политики безопасности. Европейский комиссар по вопросам расширения ЕС Фуле считает, что ЕС в будущем направит свою партнерскую политику напрямую на обычных людей в партнерских странах и не будет больше работать с представителями власти.

Молодежь Восточной Европы и арабских государств уже не устраивает только виртуальная свобода в Интернете, она хочет получить ее в реальной жизни. По мнению Запада, права человека – универсальное достояние. Тому, кто их нарушит и будет попирать гуманистические принципы, грозят санкции и суровое наказание. Именно для этого и были основаны неправительственные организации, чтобы донести до других сообществ преимущества либеральной модели. В странах, переходящих к демократическому строю, активисты НПО предстают такими фундаменталистами в доспехах старинных рыцарей-крестоносцев (по выражению Путина). Вместо креста и меча они воюют против зла с помощью современного оружия свободного информационного общества – *Facebook* и *Twitter*.

В XX в. Советский Союз пытался перенести коммунистическую революцию на другие континенты. В Северной Корее, Вьетнаме, на Кубе, в Никарагуа и Анголе социалистическая революция одержала победу. В XXI столетии революции экспортирует Запад – это он теперь поощряет демократические революции в мире. Во времена «холодной войны» международное движение за мир было направлено против США, считавшихся империалистическим государством. Советский Союз притягивал симпатии левых движений. И вот через 20 лет защитником демократии вдруг предстает Америка, а бывшие непримиримые пацифисты, немецкие «зеленые» требуют проведения военных операций против диктаторов. Авторитарная Россия заклеена позором как страна, где нарушаются права человека.

Репутация России в международной прессе основательно испорчена. В отношении нее Запад не испытывает никаких положительных эмоций. Малочисленные позитивные репортажи теряются в потоке медийной информации и мало до кого доходят, так как никого не интересуют и противоречат общему представлению западных читателей о России. В Германии люди ожидают от СМИ не только объективной подачи информации, но и нравственной позиции. Так как политическая и общественная жизнь России часто не соответствует западным стандартам, журналисты открыто возмущаются, размахивая дубинкой морали. Внешняя политика

является частью нашей развлекательной индустрии, постоянно требующей новых впечатлений. В освещении России западная пресса поймана в паутину противоречивых стереотипов: с одной стороны, злое государство, лишаящее своих граждан свободы, с другой – сибирские просторы и вызывающие жалость бабушки в деревянных избушках.

Хотя Россия больше не вызывает у широкой немецкой общественности такого интереса, как раньше, ясной целью ЕС и представителей его гражданского общества на годы вперед останется стремление привить этой стране демократические ценности, перенести на нее западную либеральную модель. Европейцы убеждены, что распространение демократии на ближайших соседей служит целям их собственной защиты. Считается, что демократические системы не воюют между собой. В отличие от Китая Россия считается частью европейского континента, поэтому в вопросах демократии Запад требует от Москвы гораздо большего, чем от Пекина. Перенос ценностей, однако, не должен переродиться в политику двойных стандартов, так как и на Западе существует политический цинизм, признающий эти ценности лишь до тех пор, пока они не противоречат чьим-либо интересам, или скрывающий под благопристойным обликом продвижение собственных интересов.

Советский Союз практиковал политику двойных стандартов *par excellence*. Двуличие советских дипломатов стало притчей во языцех. Что было позволено одному, было запрещено другому – решающим было то, на чьей стороне право на толкование и реальная сила. Сегодня Запад относится к России с высокомерием. У него лучшая система ценностей и он может гарантировать своим гражданам более комфортную и достойную жизнь. Запад презирает Россию, потому что она одной ногой увязла в социализме, а другой – в таком же неприемлемом «диком» капитализме.

Запад забыл, насколько тернистым был его собственный путь к демократии и как невообразимо трудно дался России тройной переход от империи, планового хозяйства и тоталитарной системы к демократии и рыночной экономике. Если бы Евросоюз на собственной шкуре испытал такую экономическую катастрофу, какую испытала Россия в 1990-х, то и в его демократической системе произошли бы сбои.

Россия всего 20 лет живет без коммунизма. Демократия должна здесь прижиться. Через 20 лет после поражения Германии во Второй мировой войне в ФРГ тоже еще не сформировалось

настоящее гражданское общество. «Дело Шпигеля» продемонстрировало посягательство государства на свободу печати; на вершине власти неизбежно стояла одна партия, правительство пыталось ввести закон о чрезвычайном положении, борясь против студенческих протестов, во время стычек между полицией и демонстрантами были жертвы, вплоть до 1963 г. в Бонне власть находилась в руках бессменного канцлера, а Баварией бессменно управляет Христианско-социальный союз (ХСС).

Самым ярким примером политики двойных стандартов стал конфликт из-за Косова. Признание Западом независимости Косова Москва осудила как нарушение международного права, которое ставит территориальную целостность государства выше права народа на самоопределение. Почему Косово получило право на самостоятельность, а стремящиеся к независимости республики Грузии – Абхазия и Южная Осетия – нет?

Разумеется, Россия тоже использует двойные стандарты, особенно по отношению к своим слабым соседям. С одной стороны, за махинации в процессе приватизации в 1990-е годы Кремль наказал Михаила Ходорковского, с другой – оставил безнаказанными других олигархов, действовавших по тому же принципу. Россия провозглашает ценности и убеждения, которые зачастую носят лишь декларативный характер. И, естественно, Россия действует сугубо в собственных интересах.

Еще одной проблемой, разделяющей Россию и Запад, является разное прочтение европейской истории. Историк Ричард Пайпс выдвинул аргумент: авторитарным мышлением Россия обязана длительному влиянию татаро-монгольского ига, что и выработало у нее иммунитет против западной демократии. Три дня продолжалась дискуссия, еще раз показавшая, насколько эмоционально переживалась Россией история XX столетия. Она должна была вызывать гордость и быть одним из формирующих факторов новой идентичности россиян в XXI в.

Все же очевидно, что историю можно использовать в качестве оружия. Некоторые постсоветские республики не упускали случая выставить себя в трагической роли жертвы и, играя на жалости, получить от Запада признание и гарантии защиты. Русские чувствовали, что некоторые европейские государства хотят присвоить себе их победу над гитлеровской Германией во Второй мировой войне. Как известно, благодаря достигнутым успехам СССР стал второй сверхдержавой, имеющей постоянное место в Совете Безопасности ООН. Россия до сих пор отождествляет себя с этим со-

ветским наследием. Большинство россиян уверены, что СССР победил Гитлера без поддержки союзников. Эта победа, по мнению социолога Льва Гудкова, «навечно» узаконила советскую власть. Во времена перестройки милитаристский пафос исчез, Россия стала рассчитывать на интеграцию с Западом. После тяжелых 1990-х в массовом сознании возродилось стремление к восстановлению потерянной империи. При этом каждый реально мыслящий русский должен бы отдавать себе отчет в том, что кроме победы во Второй мировой войне и полета Юрия Гагарина в космос Россия вряд ли может записать что-либо еще в перечень достижений страны в XX столетии.

Почему Россия не просит прощения за 45-летнюю оккупацию Восточной Европы и не признает, что потерпела поражение в «холодной войне», как нацистская Германия во Второй мировой? Не звучит из уст российских лидеров и признание вины в насильственном внедрении коммунистического режима в государствах Варшавского договора, так как это может повлечь за собой требования компенсации и в конце концов привести к отождествлению национал-социализма с коммунизмом, что, в свою очередь, умалит значение победы России во Второй мировой войне. Между тем Ленин и Октябрьская революция забыты, и Россия уже считает себя жертвой досадного коммунистического эксперимента в истории человечества.

С другой стороны (и это не может не беспокоить), Россия не покончила со сталинизмом. До сегодняшнего дня для половины россиян Сталин – позитивная фигура в российской истории. О его заслугах ведутся бесконечные дискуссии, зато о жертвах советского ГУЛАГа, кроме организаций по защите прав человека, никто не заикается. То, что Сталин подверг репрессиям и приказал уничтожить в массовом порядке сначала старую интеллигенцию, дворянство, духовенство, зажиточных крестьян, а после них и новую советскую элиту, лучших военных и ученых, и даже вернувшихся живыми военнопленных, было стерто из памяти. Ведь Сталину удалось всего за 30 лет из отсталой аграрной страны, пахавшей с плугом, создать сверхдержаву с ядерным оружием.

Скорее всего не самой личностью Сталина так очарованы русские, а мифом о всеисилии этого тирана. Только незначительная часть россиян сегодня готова к покаянию и национальному примирению. Основная же масса отклоняет саму мысль активного переосмысления прошлого по примеру послевоенной Германии. Немецкий историк Кристиан Майер может согласиться с таким

отношением. В человеческой истории не память, а забвение часто становилось лучшим лекарством. Так было и в Испании после диктатуры Франко. Переосмысление прошлого вызывало чувство мести, вновь порождающее месть. Майер считает, что одновременно с заключением мира необходимо «прописать» забвение и прощение. Германия после 1945 г. выбрала, хоть и не без труда, путь искупления и незабвения гитлеровских преступлений. Возможно, требовать от России активного вспоминания прошлого, после того как она совсем недавно освободилась от тоталитаризма, — это слишком много. Несмотря на это, правозащитный центр «Мемориал» призывает Кремль как можно скорее воздвигнуть памятник миллионам жертв сталинского террора. Такой жест мог бы вызвать уважение за границей. Медведев выразил обеспокоенность по поводу того, что 90% российской молодежи не могут назвать ни одного имени из тех мужественных людей, которые в советские времена восставали против репрессий.

По мнению журналиста А. Золотова, российское общество все еще находится в состоянии «холодной гражданской войны». Трудно найти консенсус в вопросе обращения с тяжелым наследием прошлого. Сотням тысяч потомков жертв сталинизма противостоит такое же число людей, чьи предки во времена Сталина исполняли роль палачей. Так же тяжело дается преодоление прошлого Путину и Медведеву. Оба принадлежат к так называемой «красной аристократии»: дед Путина работал в аппарате Сталина, а дед Медведева, будучи партийным активистом, участвовал в насильственной коллективизации крестьян.

«Мастерская будущего» — постоянно действующая рабочая группа российско-немецкого дискуссионного форума «Петербургский диалог». В течение нескольких лет сменяющие друг друга участники поочередно встречаются в каком-нибудь интересном месте — в одной из немецких земель или удаленной российской провинции. Эти мероприятия, как и многие другие гражданско-общественные форумы в Германии, служат укреплению взаимопонимания между народами. Там знакомятся представители передовой молодежи обеих стран, ведутся горячие дискуссии о будущем Европы. Те, кто завтра возьмет на себя ответственность за будущее, сейчас лучше узнают друг друга, чтобы через 20–30 лет уметь избегать конфликтов. Хочется надеяться, что к тому времени последние стереотипы исчезнут на свалке истории. Незабываемые конференции — короткими летними ночами в Новосибирске, на романтических водопадах Алтая, во время водных экскурсий в

Гамбурге, на границе между Россией и ЕС – в Пскове и его окрестностях, на Балтийском побережье в Калининграде, на Рождественском рынке в Дрездене или в «свободном треугольнике» Германия–Польша–Чехия – показывают молодым людям разные перспективы создания общего дома – Европы. На горячие дискуссии приглашаются гости из Украины, стран Балтии и Польши.

Доминирующей темой этих дебатов стало «разоружение истории». Россия считается страной с «непредсказуемым» прошлым. Ее история переписывалась на усмотрение очередного властителя. Таким образом, закладывались мины, которые могут взорваться в будущем. Немецкие коллеги пригласили представителей российской передовой молодежи на совещание в Оберзальцберге в Баварии, где Адольф Гитлер планировал нападение на Советский Союз. Участники совместно посетили музейный комплекс Третьего рейха и во время долгих прогулок по лесу дискутировали о том, способна ли Россия на подобное переосмысление истории. К примеру, можно было бы переоборудовать одну из сталинских дач под Москвой в музей ужасов сталинизма.

Молодые россияне предостерегали западных коллег от навязывания России политики десталинизации – страна должна сама освободиться от «менталитета раба». Ответ немцев: Россия, не отрекшаяся от сталинизма, никоим образом не может стать частью будущей Европы. Во всяком случае, в России стала возможной открытая дискуссия на острые исторические темы. А значит, был предложен путь, по которому Россия должна войти в Объединенную Европу подобно Западной Германии в 1945 г. и Восточной Европе в 1989, ставшим частями общей Европы.

Россия сегодня находится на очень сложном этапе. Либеральные круги на Западе и в России убеждены, что церковь – институт XVIII или XIX в., и она должна стоять в стороне от происходящих в обществе процессов. Возможно, это утверждение справедливо для западной культуры, но в России это не так. После 80 лет коммунизма Россия ищет свои корни в дореволюционной империи, в русских традициях, в том числе в христианстве. Религиозность была утрачена в коммунистической России, и вернуться к прежним традициям очень важно. Без возрождения религии и православной церкви стране сложно было бы найти свой путь. Институт церкви в России играет значительно более важную роль, чем в западных обществах. Современную Россию невозможно представить без церкви, и это несмотря на трудности, с которыми сталкивается православие на пути своего возрождения.

Сегодня наш мир меняется на глазах. Многие считают, что религия уже отжила свое, что мир переходит в постхристианскую эру, где церковь только мешает развитию будущего человечества. И в этой ситуации Россия становится оплотом абсолютно другой точки зрения, напоминая о том, как важно все-таки не забывать связь времен, всего развития человечества. Мир настолько быстро и динамично развивается, что возникает очень много тенденций и вопросов, на которые церковь не может однозначно ответить. Существуют проблемы, которые возникают в определенное время и быстро исчезают. В то же время есть вопросы, которые действительно определяют будущее развитие человечества. Ответ на них требует основательного размышления, церковь не должна вмешиваться в ежедневную политику, не должна становиться одним из игроков на политическом поле, но в России, я думаю, этого и не произойдет. Приходится наблюдать и обратный процесс, когда политики начинают появляться в церкви, чтобы заслужить поддержку электората. Кстати, на Западе политтехнологи тоже пользуются такими приемами. Ведь если политик признается, что стал верующим и воцерковленным, это хорошо? Главное, чтобы вера не превращалась в политтехнологический прием для телекамер.

Российское общество было достаточно покалечено во времена Сталина, при Брежневе в стране царил цинизм, и кто, если не церковь, будет проповедовать нравственные ценности в безнравственном XXI в.? Сегодня на Западе многие улыбаются, когда в Россию приезжает пояс Богородицы, его встречает Владимир Путин и множество людей приходит помолиться перед святыней. Пусть улыбаются. Ведь на наших глазах возрождаются традиции Византийской империи, которая тысячу лет была хранительницей православия. Где еще в мире можно увидеть что-то подобное? В любых переменах внутри церкви православие всегда руководствуется уважением к преданию, к традиции. Православная церковь не должна терять связи с прошлым, как это сделали в свое время протестанты. Главный вызов нашего века – устремленность в будущее, которая заставляет немедленно забыть все, что было в прошлом.

*«Диалог культур в условиях глобализации».
XII Международные Лихачёвские научные чтения»,
СПб., 2012 г., с. 177–180.*

Айслу Юнусова,
директор ИЭИ УНЦ РАН (г. Уфа)
**ИНТЕГРАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО
И СВЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ:
МОДЕЛИ, ПРАКТИКА, ПЕРСПЕКТИВЫ**

Одной из непреходящих ценностей ислама является установка на образование, изначально обозначенная непрременной обязанностью правоверного уметь читать Коран на языке Пророка. Исламская традиция не разделяет науки на светские и религиозные, и исламское образование не ограничивается только подготовкой имамов, в силу чего исламская цивилизация дала миру выдающихся математиков, астрономов, философов, врачей, поэтов и просветителей, получивших знания в мусульманских школах.

Эта традиция сохранялась и в России. Российские медресе играли главную роль в распространении образования среди мусульманского населения, были центрами подготовки кадров мусульманского духовенства Урало-Поволжья, в которых к концу XIX в. в Уфимской губернии насчитывалось до 2 тыс. человек. Не все выпускники уфимского медресе «Галия» или оренбургского медресе «Хусейния» стали имамами, но все они получили прекрасное образование, что позволило им оставить свой след в истории страны. В медресе Уфы, Троицка, Оренбурга, Стерлибаша обучались многие представители национальной творческой, научной и политической элиты Башкортостана, Оренбуржья, Поволжья. Здесь также получали образование казахи, киргизы, узбеки Средней Азии и Казахстана. Медресе готовили образованных людей, и в этом было их главное предназначение.

Эпоха атеизма развела образование на религиозную и светскую составляющие: согласно первой готовили культовых работников, другой – специалистов. Но к настоящему времени барьер между двумя саморегулирующимися плоскостями общества – религиозной и светской – практически преодолен. Воспроизводство религиозного и светского образования осуществляется в системе воспитания и образования, начиная с семьи и продолжаясь в школе, средних специальных и высших учебных заведениях. При этом современные системы светского и религиозного (различных исповеданий) образования в целом ориентируют своих учащихся на осознание того, что они живут в едином поликультурном социальном и правовом пространстве.

Начавшиеся стихийно процессы интеграции религиозного и светского образования в России выявили целый ряд противоречий в законодательстве. Если ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» допускает, что по просьбе родителей или лиц, их заменяющих, с согласия детей, обучающихся в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, администрации указанных учреждений по согласованию с соответствующим органом местного самоуправления предоставляют религиозным организациям возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы, то ФЗ «Об образовании» выводит религию за порог государственного учебного учреждения. Возникает вопрос: в каком направлении развиваться этой самой интеграции?

Религию – в государственное образование, или светские предметы – в религиозные учебные заведения.

Примерно так понимается интеграция светского и религиозного образования в России и в большинстве зарубежных стран. Вопрос интеграции свелся в основном к проблеме преподавания религии в государственной школе.

Уже несколько лет, с 2007 г., россияне имеют дело с так называемыми «пилотными проектами» преподавания основ религиозной культуры или светской этики в школах. «Основы православной культуры» стали компонентом обязательной сетки школьной программы в Белгородской, Калужской, Брянской и Смоленской областях; еще в 11 регионах данный предмет преподается на факультативной основе.

За рубежом дело обстоит по-разному, но в большинстве европейских стран при наличии принципа отделения церкви от государства в государственных общеобразовательных школах преподаются религиозные предметы.

В одних странах «допускается преподавание религии». Конституция Бельгии устанавливает: «Сообщество организует образование, которое является нейтральным. Нейтральность подразумевает, в частности, уважение философских, идеологических и религиозных взглядов родителей и учащихся. Школы, организуемые государственными властями, предоставляют вплоть до конца обязательного школьного обучения выбор между одной из признанных религий и преподаванием неконфессиональной морали». Параграф 3 ст. 24 Конституции Бельгии: «Все учащиеся, подлежащие обязательному школьному обучению, имеют право на духовное и религиозное обучение за счет сообщества». В Испании и Италии религиозное образование разрешено в государственных

школах. Однако ст. 20 Конституции Японии устанавливает: «Государство и его органы должны воздерживаться от проведения религиозного обучения и какой-либо религиозной деятельности». Кроме того, она устанавливает: «Ни одна из религиозных организаций не должна получать от государства никаких привилегий и не может пользоваться политической властью».

В других странах религиозное образование ведется в государственной школе обязательно. В Великобритании в соответствии с Законом о реформе образования 1988 г. в программе государственных школ «обязательно должно присутствовать религиозное образование, а также проводиться ежедневные молитвы». При этом Программа религиозного образования в государственных школах может учитывать религиозные особенности местного населения. Пункт 2 ст. 16 Конституции Греции: «Образование составляет основную задачу государства. Оно включает нравственное, культурное, профессиональное и физическое воспитание греков, а также развитие их национального и религиозного самосознания и формирования их как свободных и ответственных граждан». Статья 2 Конституции Арабской Республики Египет устанавливает: «Религиозное воспитание – основной предмет в программах системы государственного образования». Статьи 160 и 161 Уголовного кодекса Египта защищают конституционные принципы религиозной свободы. Закон № 95 от 1980 г. запрещает подстрекательство молодежи к «отказу от религиозных ценностей и преданности Отечеству» и «отрицанию трех священных религий». Пункт 3 ст. 7 Основного Закона Федеративной Республики Германия признает религиозное обучение обязательным в государственных школах: «Преподавание религии в государственных школах, за исключением неконфессиональных, обязательно. Без ущерба для права надзора со стороны государства религиозное образование проводится в соответствии с принципами религиозных общин. Ни один учитель не может быть обязан против своей воли преподавать религию. В школах совместного обучения для детей разных вероисповеданий обучение и воспитание проводится на основе общих христианских культурных и образовательных ценностей». В ФРГ сохраняется государственное финансирование теологических факультетов в государственных высших учебных заведениях.

В России при отсутствии позитивного опыта в этом вопросе необходимо определиться с целью интеграции религиозного и светского образования. Совершенно очевидно, что цель интегра-

ции состоит не в том, чтобы привести религию в государственные школы и обеспечить религиозное образование со свободным выбором конфессиональной ориентации. Упрощенным также является представление об интеграции как о введении светских предметов в программы религиозных учебных заведений.

Стратегической целью интеграции является формирование оптимальной модели образования, интегрирующей и адаптирующей друг к другу практику обучения в светских и религиозных учебных заведениях с соблюдением правовых норм и с учетом духовных и практических потребностей граждан России, приоритетных направлений развития общества. Адаптировать профессиональное образование к социокультурным религиозным нормам и установкам, инкорпорировать религиозные учебные заведения в государственную образовательную систему, создать единое образовательное пространство – такая стоит задача.

Ведь сегодня социальная практика ставит вопрос о том, какой специалист – медик, зоотехник, бухгалтер, юрист – сможет в своей профессиональной деятельности действовать с учетом религиозных потребностей верующих. Среди российских мусульман в полной мере возобновилось функционирование элементов мусульманской традиции и шариата – ношения традиционной одежды, юридического оформления различных сделок и браков, убоя скота и много другого, что требует наличия особой, исламоориентированной инфраструктуры. Практикующий в сельской местности фельдшер, акушер, зоотехник, нотариус, учитель школы, а также в целом врачи, таксисты, кулинары и банкиры – все должны иметь представления об основах ислама и православия, мусульманского права, церковных установлений, религиозной традиции, обрядности, культовой практики. Очевидна необходимость получения дополнительной профессии имамом для того, чтобы не быть бременем для сельской общины. Хочу подчеркнуть другую сторону этой же проблемы. Практикующий специалист должен уметь удовлетворять потребности верующей части общества – архитектор должен знать азы строительства культовых зданий, портной – уметь шить соответствующую одежду, социальный работник – знать семейно-брачные традиции, систему воспитания той или иной религии, медик – особенности санитарно-гигиенических требований, принятых в той или иной религиозной среде.

Учитывая это, еще в 2003–2004 гг. нами был разработан проект интеграции религиозного и светского образования, ориентированный на подготовку служителей культа и специалистов в

разных отраслях, которые смогут выполнять профессиональные функции, удовлетворить духовные, информационные, культурные и иные практические потребности современного верующего. В рамках проекта были разработаны проекты учебных программ с включением интеграционных элементов:

– проект программы по курсу «История Отечества» с углубленным изучением истории Русской православной церкви, ислама и других религий в России. Разработчик: С.И. Желенков, преподаватель Уфимского колледжа технологии и дизайна одежды (г. Уфа);

– проект программы по курсу «История государства и права» с изучением истории религиозного права, законодательства в сфере свободы совести и государственно-церковных отношений. Разработчик: А.Р. Файзуллина, канд. полит. наук, доцент Казанского государственного университета;

– проект рабочей программы по дисциплине «История костюма» для специальности «Технология швейных изделий» с изучением истории и особенностей конструирования культовой одежды. Разработчик: З.Б. Юлдашбаева, преподаватель Уфимского колледжа технологии и дизайна одежды (г. Уфа);

– проект рабочей программы по дисциплине «Архитектура зданий» для специальности «Строительство и эксплуатация зданий и сооружений» с изучением основ строительства культовых зданий. Разработчик: Л.Г. Хуснутдинова, канд. ист. наук, преподаватель Башкирского строительного колледжа (г. Уфа);

– проект рабочей программы по дисциплине «История архитектуры» для специальности «Строительство и эксплуатация зданий и сооружений» с изучением истории культовой архитектуры, шедевров культового зодчества. Разработчики: С.М. Кузнецова, Л.Г. Хуснутдинова (г. Уфа);

– проекты рабочих программ по дисциплинам «Основы философии», «Всеобщая история» с изучением истории мировых религий и мирового опыта свободомыслия. Разработчик: Л.Н. Краснова, преподаватель Стерлитамакского техникума физической культуры (г. Стерлитамак);

– проект рабочей программы по дисциплине «История культуры Республики Башкортостан» с изучением древних и современных религиозных представлений и межрелигиозных отношений в Башкортостане. Разработчики: канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Р.Р. Садиков, канд. ист. наук, ст. науч. сотр. И.Г. Петров, канд. ист.

наук, уч. секретарь ИЭИ УНЦ РАН А.И. Тузбеков, мл. науч. сотр. З.Р. Хабибуллина (ИЭИ УНЦ РАН);

– проект рабочей программы по дисциплине «Ислам в мировой истории, культуре и политике» для медресе. Разработчик: И.З. Малахов, директор Исламского колледжа им. М. Султановой (г. Уфа);

– проект рабочей программы спецкурса «Религия и общественная безопасность в условиях глобализации» по специальностям «политология» и «религиоведение» для вузов. Разработчики: д-р ист. наук А.Б. Юнусова, мл. науч. сотр. Д.С. Вояковский (ИЭИ УНЦ РАН). Как представляется, сегодня это один из наиболее актуальных вопросов в системе образования.

Также предложен к изданию комплекс учебно-методических пособий, подготовленных в Российской академии наук.

Подготовку специалистов со знанием религиозной специфики своей профессиональной деятельности необходимо сочетать с профессиональной специализацией религиозных учебных заведений. Если во всех семи медресе Башкортостана будут готовить только имамов, то можно заранее быть уверенным, что более половины из них окажутся в скором времени не у дел, потому что они выйдут из стен медресе без профессии, которая могла бы их прокормить и была бы востребована социумом. Не совсем удачное сравнение, но все же... Более 20 лет в вузах страны наблюдался бум на подготовку экономистов и юристов. Но сегодня нужны бухгалтеры, делопроизводители, квалифицированные рабочие разных специальностей.

Если мы посмотрим, куда же распределяются и где служат выпускники, получающие богословские специальности вот уже более 20 лет в Республике Башкортостан, то выяснится следующая картина: за период с 2005 по 2009 г. количество имамов с высшим духовным образованием в мечетях республики увеличилось всего на 1%. Сегодня только 29% имеют среднее религиозное образование, положительная динамика практически отсутствует. Где же выпускники РИУ и медресе, или, как они теперь называются, колледжей?

Опрошенные сотрудниками нашего института (результаты исследования Хабибуллиной З.Р.) мусульманские религиозные деятели в большинстве своем (84%) признают необходимость освоения ими светской специальности, и только 16% имамов заявили, что в дополнительном светском образовании не нуждаются. Наибольшим авторитетом в районах республики пользуются имамы, владеющие наряду с узкоспециальными религиозными зна-

ниями (догматики ислама, арабского языка, чтения Корана) профессиональными навыками какой-нибудь светской специальности, особенно нужной сегодня в сельской местности. 30% имамов совмещают духовную и светскую деятельность, имея среднее и среднее специальное светское образование, окончив юридический, медицинский, педагогический, кулинарный техникумы, т.е. они обучались дважды, и именно светская специальность сегодня кормит их. Прослеживается тенденция повышения своего образовательного уровня: из всех опрошенных 7% имеют высшее светское и высшее духовное образование, несколько человек имеют ученую степень или готовятся ее получить.

Разумным было бы провести специализацию медресе с учетом потребностей региона, чтобы в каждом мусульманском колледже готовить специалистов различных отраслей – от пчеловодов и строителей до гидов-переводчиков со знанием восточных языков.

Если иметь в виду, что акторами интеграционного процесса являются государство и религиозные объединения, а главным потребителем конечного результата – все общество, то следует объединить усилия общества для решения задач интеграции – разработки комплексной программы интеграции светского и религиозного образования, создания федерального и региональных научно-методических советов, занимающихся изучением вопросов интеграции светского и религиозного образования, анализа и обобщения регионального опыта, обеспечения подготовки преподавателей религиозных дисциплин.

Хочу особо подчеркнуть, что Башкортостан может стать площадкой реализации проекта интеграции светского и религиозного образования.

1. Уфа – крупнейший в Волго-Уральском регионе центр науки, культуры и образования. Здесь действует свыше 20 высших и более 100 средних специальных учебных заведений, центров по подготовке специалистов различного профиля, курсов, учебных пунктов.

2. В республике создана нормативно-правовая база, соответствующая российской Конституции и учитывающая особенности этноконфессионального состава населения многонационального региона. Свобода совести и вероисповедания закреплена в Конституции Республики Башкортостан, приняты Закон «О свободе совести и вероисповеданий в Республике Башкортостан» и ряд подзаконных актов.

3. В РБ действуют апробированные механизмы обеспечения свободы совести, функционирует Совет по государственно-межконфессиональным отношениям при Президенте РБ – бывший Совет по делам религий при Правительстве РБ, учрежден Совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Главном управлении Министерства юстиции РФ по РБ; в каждой районной администрации есть специалисты по связям с общественными и религиозными объединениями.

4. В Уфе имеется академическая научно-исследовательская база, созданы этнологическая, социологическая и религиоведческая школы, сложилась практика конструктивного взаимодействия органов власти, религиозных организаций и научных сообществ при решении наиболее актуальных проблем реализации законодательства в сфере свободы совести, формирования толерантности.

5. Уфа к тому же является местом, где располагаются Центральное духовное управление мусульман России во главе с верховным муфтием России Талгатом Таджуддином, резиденция архиепископа Уфимского и Стерлитамакского владыки Никона. Здесь действуют сотни православных и мусульманских храмов, ведется обучение в Уфимском филиале Свято-Тихоновского богословского института, в Российском исламском университете ЦДУМ России, в нескольких воскресных православных школах и мусульманских медресе.

6. В Башкортостане сложилось устойчивое равновесие в области этноконфессиональных отношений, что существенно способствует решению научных и практических вопросов интеграции светского и религиозного образования.

*«Идеалы и ценности ислама
в образовательном пространстве XXI века»,
Уфа, 2011 г., с. 31–37.*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР-СОВЕЩАНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТРАН СНГ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ПРОБЛЕМАМ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИЙ

В Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ) – Базовой организации по языкам и культуре государств – участников СНГ – прошел семинар «Разработка и реали-

зация инновационных моделей подготовки и повышения квалификации специалистов по истории и культуре традиционных религий в государствах – участниках СНГ». Семинар состоялся 2–3 октября 2012 г. и собрал широкий круг участников – представителей государственных и религиозных организаций, деятелей науки и образования, духовных лидеров традиционных конфессий России и стран СНГ. Актуальность данного семинара обусловлена прежде всего обострением религиозной ситуации в мире, усилением межконфессиональных и внутриконфессиональных противоречий, всплеском терроризма и активизацией радикальных религиозных течений. Все эти факторы свидетельствуют о необходимости консолидации усилий государственных и духовных институтов в деле религиозного просвещения населения, в подготовке специалистов по вопросам традиционных религий и кадров в области духовного образования, а также важности организации единого религиозного образовательного пространства на территории России и стран СНГ.

Из резолюции международного семинара-совещания представителей государств – участников СНГ:

«Участники семинара-совещания рассмотрели направления, которые были приоритетными в 2012 г. в области духовного образования: усиление взаимодействия светского и религиозного образования; расширение сотрудничества вузов государств – участников СНГ по подготовке специалистов в области истории и культуры традиционных религий; повышение уровня и качества духовного образования вузами государств – участников СНГ через внедрение современных информационных технологий.

Участники совещания всесторонне обсудили актуальные проблемы разработки и реализации инновационных моделей подготовки и повышения квалификации специалистов по истории и культуре традиционных религий, такие как: роль вузов в изучении истории и культуры религий в странах СНГ; духовное возрождение общества через внедрение инновационных подходов в духовном образовании; разработка совместных учебных планов и программ, академическая мобильность профессорско-преподавательского состава и студентов вузов государств – участников СНГ; роль Межвузовского совета по духовному образованию как научно-методического объединения вузов государств – участников СНГ.

Участники Международного семинара-совещания, заслушав и обсудив доклады и выступления, констатируют:

Религия всегда являлась главным двигателем культурного, духовного и вместе с тем технологического развития различных

государств и народов. И сегодня возрождение общества без его духовной составляющей не представляется возможным. Религиозные нравственные ценности в состоянии противостоять моральной деградации, духовному упадку и наступлению идеологии бездуховного потребления. В странах СНГ, исходя из реального многонационального и поликонфессионального состава, именно роль современного светского университета как центра теологического образования и одновременно центра межконфессионального взаимодействия становится все более актуальной. Инновационная деятельность в сфере духовного образования включает в себя информатизацию системы духовного образования, повышение роли вузовской науки, формирование на базе вузов государств – участников СНГ сети международной академической мобильности.

Участники семинара-совещания отметили, что особая роль в развитии международного духовного и культурного сотрудничества отводится Межвузовскому совету по духовному образованию, который объединяет в настоящее время 32 вуза государств – участников СНГ, что свидетельствует о признании его статуса как научно-методического объединения на пространстве СНГ.

Исключительное значение, с точки зрения всех субъектов сотрудничества в области внедрения инновационных моделей в духовное образование, имеют: построенная по сетевому принципу и пронизывающая все образовательные ниши и образовательное сообщество в целом инновационная образовательная среда “Лингвапарк”; образованный совместно с лингвистическими вузами стран Содружества на базе МГЛУ Международный институт языков СНГ; созданные совместно с представительствами и культурными центрами государств – участников СНГ Центры языков и культур стран СНГ (Киргизии, Казахстана, Армении, Азербайджана, Таджикистана, Украины, Молдавии); интернет-портал Межвузовского совета СНГ по духовному образованию (www.duhobr.ru).

Вместе с тем, по оценкам участников семинара-совещания, несмотря на определенные достижения последних лет в области международной координации усилий по духовному образованию, следует признать недостаточную эффективность инновационных мероприятий в этой сфере, слабое знание общественностью того, что реально делается в других государствах – участниках СНГ.

Для качественного улучшения духовного образования, повышения эффективности международного сотрудничества в области внедрения инновационных моделей, а также сознавая ответственность за нравственное состояние наших обществ и стремясь

сохранить наши традиционные духовные и культурные ценности и связи, участники семинара-совещания решили:

1. Одобрить опыт работы Московского государственного лингвистического университета в формате Базовой организации по языкам и культуре государств – участников СНГ, поддержанный в выступлениях участников семинара-совещания, по внедрению инновационных моделей в области духовного образования на пространстве СНГ.

2. Поручить Базовой организации по языкам и культуре государств – участников СНГ внести материал по созданию на базе Московского государственного лингвистического университета Международного сетевого университета духовного образования государств – участников СНГ в Исполком СНГ (Совет по сотрудничеству в области образования государств – участников СНГ) и Постоянную комиссию по культуре, информации, туризму и спорту Межпарламентской ассамблеи СНГ. Рассмотреть этот вопрос в ходе проведения VIII Международного форума “Диалог языков и культур СНГ и ШОС в XXI веке” в Минске 22–25 октября с.г.

3. Провести в декабре 2012 г. в г. Москве Международную научно-практическую конференцию “Сотрудничество вузов государств – участников СНГ в области духовного образования: Актуальные проблемы и перспективные направления” с целью создания необходимых условий для формирования непрерывной многоуровневой системы подготовки высококвалифицированных кадров специалистов по истории и культуре традиционных для государств – участников СНГ религий.

Для решения проблем по актуальным направлениям разработки и реализации инновационных моделей подготовки и повышения квалификации специалистов по истории и культуре традиционных религий в государствах – участниках СНГ участники семинара-совещания от имени Межвузовского совета по духовному образованию государств – участников СНГ обращаются:

1) к *Исполнительному комитету СНГ* с просьбой поддержать проект создания Международного сетевого университета духовного образования государств – участников СНГ.

2) к *Совету Межпарламентской ассамблеи СНГ* с просьбой поручить Постоянной комиссии по культуре, информации, туризму и спорту рассмотреть вопрос о создании Международного сетевого университета духовного образования государств – участников СНГ на своем заседании.

3) к *Президенту Российской Федерации и Председателю Правительства РФ* с просьбой о необходимости дальнейшего планирования на государственном уровне мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама на период после 2013 г.

4) к *Министерству образования и науки Российской Федерации*: содействовать Международному сетевому университету по духовному образованию государств – участников СНГ в реализации инициативы по разработке образовательных стандартов и учебных программ для подготовки специалистов для преподавания «Основ религиозных культур и светской этики»; обеспечить нормативное и методическое сопровождение в отношении независимой оценки качества духовного образования.

5) к *высшим учебным заведениям, осуществляющим подготовку и повышение квалификации специалистов по истории и культуре традиционных религий в государствах – участниках СНГ*: активно использовать технологии открытого образования, внедрять единую систему дистанционного образования (ЕСДО), которая использует как традиционные, так и новые информационные и телекоммуникационные технологии и технические средства; расширять практику академической мобильности, обмена опытом по реализации программ подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры традиционных религий, в том числе через поддержку сетевых сообществ, добиваться увеличения объема курсов по духовному образованию, читаемых на иностранных языках; разработать методику и осуществить практические мероприятия по улучшению рейтинга вузов, осуществляющих подготовку и повышение квалификации специалистов по истории и культуре традиционных религий в государствах – участниках СНГ».

* * *

И.И. Халеева,

доктор педагогических наук,
академик РАО, ректор МГЛУ

**«ВНЕДРЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ПОДХОДОВ
В ДУХОВНОМ ОБРАЗОВАНИИ – ПУТЬ
К ДУХОВНОМУ ВОЗРОЖДЕНИЮ ОБЩЕСТВА»**

В современной России нельзя преодолеть духовный кризис без опоры на религию. В сфере морали необходимо опираться на

нормы нравственности, провозглашенные ведущими конфессиями страны – православием, исламом и другими традиционными религиями. Религия учит добродетельному образу жизни, человечности, братству, духовности, бытию в соответствии с требованиями совести и нравственных законов. Только эти нравственные ценности в состоянии противостоять моральной деградации, духовному упадку и наступлению идеологии бездуховного потребления.

Духовное образование – задача государственной важности. Реализация стратегической цели государственной политики в области духовного образования предполагает решение следующих задач: обновление структуры сети образовательных учреждений (создание исследовательских лабораторий, распространение дистанционных методов, формирование сетевых структур); поддержка образовательных учреждений, предоставляющих качественные услуги непрерывного профессионального образования (НИИ развития профессионального образования М.Н. Лазутовой); создание системы внешней независимой сертификации профессиональных компетенций выпускников вузов (центры тестирования); формирование как национальных, так и объединенных международных институтов и университетов (в том числе и по истории и культуре традиционных религий); и, таким образом, создание условий, которые обеспечили бы инновационный характер системы духовного образования.

Инновационная деятельность – движущая сила в процессе модернизации духовного образования. Сегодня традиционные модели светского и духовного образования не поспевают за требованиями времени. На повестке дня стоит вопрос поиска и разработки инновационных моделей подготовки специалистов. Модели в сфере духовного образования необходимы для возрождения духовности на постсоветском пространстве, укрепления самосознания наших народов. Понятие «инновационные модели» применительно к сфере духовного образования – целенаправленное преобразование содержания воспитания и обучения в образовательном процессе в интересах подготовки высокопрофессиональных специалистов – выпускников вуза, патриотов, творческих личностей.

Направления инновационной деятельности в сфере духовного образования: информатизация системы духовного образования; повышение роли вузовской науки; формирование в рамках духовного образования в государствах – участниках СНГ сети международной академической мобильности.

Использование организационно-управленческих и информационных технологий позволяет существенно расширить творческий потенциал участников образовательного процесса.

- Совершенствуется созданная в МГЛУ в ходе реализации национального проекта «Образование» инновационная образовательная среда «Лингвопарк» – интеграционная структура, построенная по сетевому принципу, пронизывающая и образовательные ниши, и образовательное сообщество в целом.

- Создан совместно с лингвистическими вузами стран Содружества Международный институт языков СНГ, который стал структурой МГЛУ.

- Успешно функционируют созданные совместно с посольствами и культурными центрами государств – участников СНГ центры языков и культур стран СНГ (Киргизии, Казахстана, Армении, Азербайджана, Таджикистана, Украины, Молдавии).

- Осуществляется информатизация профессионального духовного образования (Центр этногенеза, Ситуационный центр).

- Активно используются технологии открытого образования (Создан электронный каталог библиотеки Московского государственного лингвистического университета как базовой организации по языкам и культуре государств – участников СНГ.)

- Особая роль в сотрудничестве отводится Межвузовскому совету по духовному образованию, который объединяет в настоящее время 32 вуза государств – участников СНГ, что свидетельствует о признании его статуса как научно-методического объединения на пространстве СНГ.

- Успешно действует интернет-портал межвузовского Совета СНГ по духовному образованию (www.duhobr.ru). В настоящее время на портале размещено и активно используется профессорско-преподавательским составом вузов-партнеров в странах СНГ порядка 120 учебных и методических пособий, в том числе электронных. Интернет-портал может стать активным игроком на поле взаимодействия светского и духовного образовательного пространства, площадкой обмена передового педагогического опыта. Наша цель – превратить портал в информационно-методический центр, который включал бы в себя новостную, информационно-справочную, аналитическую, методическую службы, форум, блоги и т.п.

Идея общего образовательного пространства в настоящее время практически реализуется в качестве государственно-значимой во всех странах СНГ.

Общее образовательное пространство – объективная потребность и необходимость. Возможность получения качественного образования продолжает оставаться одной из наиболее важных жизненных ценностей граждан СНГ, решающим фактором социальной справедливости и политической стабильности.

Для укрепления общего образовательного пространства необходимо совместное проведение комплекса мероприятий.

1. Улучшение рейтинга вузов, осуществляющих подготовку и повышение квалификации специалистов по истории и культуре традиционных религий в государствах – участниках СНГ. Зарубежные СМИ формируют рейтинги университетов, степень доверия к которым не снижается на протяжении многих лет. Существуют многочисленные методики рейтингования образования. Одним из критериев оценки является индекс цитирования. Создание инновационных моделей в сфере духовного образования позволит улучшить показатели, а следовательно, и привлекательность вузов, ведущих подготовку специалистов по истории и культуре традиционных религий. Необходимо сформировать механизм оценки качества и востребованности образовательных услуг в духовной сфере на постсоветском пространстве; создать условия для более широкого привлечения студентов из государств – участников СНГ в российские образовательные учреждения.

2. Нарращивание научного потенциала и развитие сформированных научных школ в сфере духовного образования (кроме МГЛУ, такие научные школы функционируют в ряде вузов-партнеров: СПбГУ, КФУ, БГПУ, ННГУ, Российском исламском университете (Казань), Северо-Кавказском университетском центре исламского образования и науки и т.д.).

3. Увеличение курсов, читаемых на иностранных языках. Одним из основных факторов привлекательности страны для студентов-иностранцев является язык. Страны, чей язык широко распространен, привлекают больше иностранных студентов. В рамках реализации «Концепции экспорта образовательных услуг на период 2011–2020 гг.» предполагается, что благодаря государственной поддержке к 2020 г. доля курсов, читаемых на иностранных языках (прежде всего, английском) должна достигнуть в российских вузах не менее 10%, за рубежом появится около 15 филиалов и представительств российских вузов.

Конечным итогом станет повышение качества подготовки специалистов по истории и культуре традиционных религий, полноценная интеграция духовных образовательных учреждений в общем образовательном пространстве СНГ, рост авторитета нашего светского и духовного образования. Необходимо поставить амбициозную цель: к нам должны приезжать получать духовное образование студенты из дальнего зарубежья.

Использование организационно-управленческих технологий адаптации к новым условиям – важное направление инновационной деятельности в духовном образовании.

Что еще предлагается сделать:

1. Реализация на практике идеи создания на базе Московского государственного лингвистического университета Международного сетевого университета по духовному образованию государств – участников СНГ. Данный вопрос включен в повестку дня, и мы надеемся, что он будет положительно решен в ходе проведения VIII Международного форума «Диалог языков и культур СНГ и ШОС в XXI веке» в Минске 22–25 октября с.г. Создание Международного сетевого университета по духовному образованию государств – участников СНГ способно улучшить взаимодействие между религиозной и светской научными образовательными сферами.

2. Было бы, по всей видимости, целесообразно в рамках Международного сетевого университета по духовному образованию государств – участников СНГ выступить с инициативой введения направления подготовки специалистов для преподавания «Основ религиозных культур и светской этики», разработки образовательных стандартов и учебных программ. Это позволит ликвидировать дефицит преподавателей, обладающих необходимой квалификацией для преподавания истории и культуры традиционных для стран СНГ религий.

3. Религиозные образовательные учреждения могут успешно внедрять единую систему дистанционного образования (ЕСДО), которая использует и традиционные, и новые информационные и телекоммуникационные технологии и технические средства. Это может быть внедрение как на внутреннем, так и на межвузовском уровне унифицированных электронных библиотек, интегрированных в учебный процесс виртуальных модулей управления, систем онлайн общения с аудиторией и т.п.

4. Совершенствование образовательного процесса может осуществляться путем использования внешних ресурсов – привле-

чения к процессу обучения сторонних организаций (специалистов и материальной базы духовных управлений, МИДа, Федерального агентства «Россотрудничество», культурных представительств государств СНГ, музеев, общественных организаций национальных диаспор и т.п.).

5. Повышение качества духовного образования должно осуществляться через его оценку, а именно: проведение независимой оценки качества образования путем привлечения специалистов из других участвующих в данной программе вузов; изучение мнения учреждений и организаций, где трудоустроены выпускники.

Надеемся, что в ходе настоящего семинара-совещания будут обсуждены эти и высказаны новые предложения, которые позволят поднять на более высокий уровень решение такого исключительно важного для всех государств – участников СНГ вопроса о качестве духовного образования.

*Информация подготовлена редколлекцией бюллетеня
по материалам семинара-совещания.*

Виктор Авксентьев,

доктор философских наук,
директор Института социально-экономических
и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН

Борис Аксюмов,

доктор философских наук
(Ставропольский государственный университет)

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ ЮГА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Юг России по-прежнему остается одним из наиболее проблемных макрорегионов России.

Раздел в 2010 г. «большого» Южного федерального округа на два и выделение из его состава «округа концентрированных проблем» – Северо-Кавказского (СКФО) привели к тому, что территории, выступавшие локомотивами развития всего Юга, – Краснодарский край и Ростовская область – остались в одном округе, а наиболее проблемные как в экономическом, так и политическом аспектах – в новом. С другой стороны, это разделение при наличии многих негативных последствий имело и позитивные.

Во-первых, государство послало четкий сигнал обществу, что Северный Кавказ является предметом его первоочередной заботы и оно готово предпринимать активные действия и нести необходимые издержки для стабилизации ситуации.

Во-вторых, создание нового округа и наделение полпреда в СКФО особым статусом и кругом полномочий позволили активизировать экономическую и общественно-политическую жизнь региона.

Не будет преувеличением сказать, что сегодня СКФО – единственный «работающий» округ в России. Тем не менее переломить ситуацию к лучшему не удалось. Преступления террористического характера, обстрелы, нападения на представителей органов власти, убийства религиозных и общественных деятелей происходят в округе ежедневно. Все это ставит под сомнение реалистичность стратегии экономической реконструкции Северного Кавказа и целесообразность больших капиталовложений в развитие туристическо-рекреационной сферы в регионе хронической нестабильности.

«Теоретический ключ» к прогнозированию ситуации на Юге России

С 2005 г. ученые Южного научного центра РАН осуществляют сценарное прогнозирование в Южном макрорегионе. Были разработаны конфликтологические сценарии до конца первого десятилетия XXI в., которые частично подтвердились. Сценарии ежегодно корректировались и обсуждались на встречах с представителями органов власти и других научных мероприятиях (конференции, круглые столы и т.п.). В частности, в 2009 г. нами был сделан вывод о том, что состоялся переход, по крайней мере восточной части Северного Кавказа, от умеренно негативного (инерционного) сценария к негативному.

На основе экспертного опроса, проведенного на Юге России в 2009 г., был сделан среднесрочный конфликтологический прогноз по региону.

Эксперты прогнозировали пик эскалации напряженности в 2012 г., что обусловлено ключевым политическим событием – выборами Президента РФ и отсроченными следствиями электоральных процессов 2011 г. На основе факторного анализа этот прогноз был скорректирован и сделан вывод о следующем пике конфликтности в 2014 г.: по мере приближения XXII зимних Олимпийских

игр в Сочи становится все более очевидным конфликтогенный и рискогенный характер этого проекта.

Данный прогноз не означает, что после 2014 г. произойдет деэскалация региональных конфликтов и напряжений. Во второй половине второго десятилетия XXI в. будут действовать новые, прогнозируемые уже сегодня, конфликтогенные факторы. Так, через несколько лет наступит новый электоральный цикл: в 2016 г. состоятся очередные выборы в Государственную думу Российской Федерации, а в 2018 г. – Президента РФ. На эти выборы будет перенесено решение многих проблем модернизации политической системы страны, необходимость которой со всей очевидностью показал электоральный цикл 2011–2012 гг.

Электоральный процесс не единственный конфликтогенный фактор, который может быть спрогнозирован на вторую половину текущего десятилетия. Кризис власти, «вытащенный на поверхность» выборами 2011–2012 гг., явился предвестником, но пока еще не частью возможного системного кризиса в России. Кризисные процессы в политической сфере протекали на фоне благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры. Цены на российские нефть и газ оставались стабильно высокими, однако колебания цен на энергоресурсы в прошлом порождали политические потрясения.

В исследованиях второй половины «нулевых» годов неоднократно отмечалось, что любой новый масштабный кризис может оказаться пагубным для Юга России. Так, еще в 2006 г. нами был описан алармистский конфликтологический сценарий. При этом было отмечено, что условия для реализации этого сценария недостаточные, а сам он в тех условиях был маловероятным. Далее было показано, что возрастание вероятности этого сценария может быть обусловлено масштабным кризисом российской государственности, экономическим коллапсом, полной утратой геополитического влияния России в Закавказье. В эпоху «тучных лет» эти прогнозы считали довольно абстрактными и гипотетическими – почти что нереальными.

Сегодня, однако, ситуация принципиально иная. Как отмечал А. Рубцов, «в этом (2011) году стало светской нормой выступать с алармистскими предупреждениями. Экспертное сообщество гуляет на ярмарке сигналов». Большой резонанс имел в первой половине 2011 г. доклад Института современного развития «Обретение будущего: Стратегия-2012», в котором нарисованы мрачные перспективы российского общества в случае провала модернизационного проекта. Нынешние политики, несмотря на обилие мо-

дернизационной риторики, не смогли обеспечить консолидацию сторонников модернизации. Между тем реальная, а не словесная модернизация – фактически последний шанс России сохранить свое геополитическое влияние в предстоящие десятилетия.

Среди фиксированных на временной шкале прогнозов можно назвать разработки Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), согласно которым высокий уровень дефицита, угрожающий кризисом (2%, 2,1%, 2,2%), придется на 2017, 2018 и 2019 гг. Это позволяет рассматривать 2018 г. как проблемный с точки зрения стабильности российского общества: наложение двух мощных конфликтогенных факторов (президентские выборы и возможный экономический кризис) может иметь резонансный эффект.

С учетом возможных в 2017, 2018 и 2019 гг. экономических кризисов имеются основания прогнозировать резонансный эффект в виде дестабилизации обстановки в 2018–2019 гг. Пока такой прогноз имеет сугубо предварительный характер и основан на одном из многих экономических прогнозов. Однако в данном случае важна тенденция: вторая половина текущего десятилетия, позиционируемого как «десятилетие стабильности», скорее всего будет нестабильной.

Прогнозы возможных кризисов общероссийского масштаба являются ключевыми для прогнозирования ситуации на Юге. Проводимые исследования привели к выводу, что затяжной системный кризис в регионе – это специфическое региональное воплощение накапливающихся и не решаемых проблем современной российской государственности.

На Северном Кавказе эти проблемы накладываются на реальные и мнимые, длительно вызревавшие и искусственно созданные проблемы в межэтнических и межконфессиональных отношениях, на исторические травмы и обиды, на особую геополитическую значимость региона. Вследствие этого наложения возникает своеобразный резонансный эффект, когда большинство проблем, в той или иной степени свойственных всей России, манифестируются на Северном Кавказе как этнополитические или конфессиональные.

Это не означает, что повседневная работа в Северо-Кавказском регионе по деэскалации конфликтов, этнополитических и этноконфессиональных напряжений бесперспективна или даже бессмысленна, если не будут предварительно решены проблемы на федеральном уровне. Наоборот, только каждодневная работа всех

конструктивных сил в регионе может предотвратить его сползание к полномасштабной гражданской войне, развитию событий по наихудшему сценарию.

Социокультурные факторы нестабильности на Юге

Чаще всего большое число конфликтов в Северо-Кавказском регионе пытаются объяснить экономическими причинами. Однако итоги первых двух лет деятельности СКФО показали, что социально-экономический детерминизм в данном случае не срабатывает как объяснительная модель. Следовательно, системные основания для решения северокавказских проблем определены, по крайней мере, на этапе создания округа, не вполне корректно.

Увидев неэффективность принимаемых решений, федеральная власть в лице полномочного представителя Президента России в СКФО А.Г. Хлопонина серьезно изменила установки. На совещании с членами Совета при губернаторе Ставропольского края по вопросам межэтнических отношений (19 января 2011 г.) А.Г. Хлопонин отметил: «Я никогда не соглашусь, что ключом к решению национальных проблем является экономика». Позднее, на встрече в Кабардино-Балкарском государственном университете (11 февраля 2011 г.), он еще раз заявил о переориентации политики, проводимой в СКФО. Так, полпред категорически опроверг версию о том, что обострение ситуации в округе вызвано высокой безработицей. «На Кавказе в этом отношении не хуже, чем в остальных регионах».

В реальной жизни все взаимосвязано, и не вызывает сомнений тот факт, что экономические проблемы и неурядицы негативно влияют на этнополитические и этноконфессиональные процессы. Однако последние достаточно автономны и требуют самостоятельного управленческого воздействия.

Экономические проблемы во многих регионах России не менее острые, чем на Северном Кавказе, однако там люди не берутся за оружие, не становятся боевиками. Новый федеральный округ был создан не в силу остроты экономических проблем, а в силу особой концентрации социально-политических, этнополитических, этноконфессиональных рисков для российской государственности. Смысл создания нового округа – решение именно социально-политических, этнополитических, этноконфессиональных проблем.

При этом необходимо подробнее остановиться на анализе культурно-идеологических предпосылок конфликтов и напряжений на Северном Кавказе. Для этого в качестве обобщения можно использовать такое понятие, как «кавказская культура». Этнические культуры народов Кавказа отличаются друг от друга, однако эти различия не столь велики, чтобы нельзя было представить эти культуры в качестве единого ареала. Кавказская культура выступает на сегодняшний день как часть общероссийской культуры, но как часть малоинтегрированная и неорганическая. Причем культурная дистанция в постсоветский период нарастает.

Идеологическую и ценностно-мировоззренческую основу этой культуры составляет своеобразное сочетание традиционализма и ислама. Ислам в разных его вариациях одухотворяет современную (подчеркнем: именно современную) кавказскую культуру, интегрирует ее изнутри и в то же время обособляет от других культурных систем, например от тех, которые не фундируются на религиозной идее.

Можно согласиться с Е.М. Примаковым, что «волна исламизации – это глобальный феномен. Следует учитывать, что происходящее в течение двух столетий включение Кавказа в Российское государство осуществлялось в условиях не подъема, а спада ислама. Сейчас принципиально другая ситуация. Сейчас происходит подъем ислама, и было бы ошибкой абстрагироваться от влияния взрывного подъема мирового ислама на положение на Северном Кавказе». В настоящее время особая ценностно-мировоззренческая парадигма, основанная на исламе, превращается в национальную идею народов Кавказа, фиксируя особый статус данного региона в рамках Российской Федерации. Кроме того, идеология единства всех мусульман, их императивная причастность к исламскому миру позволяют говорить не только о культурно-идеологическом, но и о цивилизационном обособлении мусульманского Северного Кавказа. Поэтому становятся понятными трудности интеграции региона в общероссийское социокультурное пространство.

Именно культурно-цивилизационная неинтегрированность региона является важнейшим основанием системного кризиса на Северном Кавказе.

Возможен ли конфликт цивилизаций в масштабах Юга России?

Северо-Кавказский регион на современном этапе мало вписывается в тренды социокультурного развития, характерные для других регионов России. Высокий уровень конфликтности указывает на глубинный характер региональных проблем. Это касается прежде всего ценностно-идеологического ряда, отношения к религии, мировоззрения, менталитета. Культурно обусловленная фундаментированность конфликтов и напряжений на Северном Кавказе позволяет поставить вопрос о вовлеченности региона в конфликт цивилизаций.

Как известно, основоположник концепции «конфликта цивилизаций» С. Хантингтон, фиксируя окончание «холодной войны» с ее идеологическим противостоянием двух суперсистем, заявил, что будущие конфликты глобального и регионального уровней будут иметь культурную обусловленность, прежде всего связанную с религией. Действительно, крах биполярной системы обусловил острый конфликт между секулярной и религиозной, модернистской и традиционалистской системами мировоззрения и жизнедеятельности.

В докладе «О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе», подготовленном экспертами к заседанию Президиума Госсовета в начале 2011 г., отмечается, что «мировой тенденцией является обострение межэтнических противоречий, рост нетерпимости в странах, обладающих высоким качеством жизни, на фоне нарастания миграционных потоков, столкновение в светском обществе религиозной и секулярной парадигм, поиск в демократическом обществе правового выхода из ситуации абсолютизации прав меньшинств в ущерб правам большинства и т.д. На рубеже XX–XXI вв. оказалось, что ряд концептов и идеологем, выработанных мировой социологией, не способны не только предупредить, но и объяснить межэтнические, этнорелигиозные и социокультурные конфликты и противоречия современного общества».

Общемировые тенденции оказывают влияние и на ситуацию в России, где с уверенностью можно зафиксировать обострение межкультурных, межконфессиональных и межцивилизационных противоречий. В частности, тезис С. Хантингтона о культурной обусловленности конфликтных противоречий в современном мире находит свое эмпирическое подтверждение в Северо-Кавказском

регионе. Главной тенденцией социокультурного становления региона в последние 20 лет стало религиозное возрождение.

Если в более модернизированных районах России религиозный ренессанс принял умеренные формы, то в традиционалистских, особенно на Северном Кавказе, религиозное возрождение стало важнейшим фактором развития многих процессов, из которых не все можно назвать конструктивными. В отдельных случаях произошла радикализация этноконфессиональной идентичности, что способствовало обострению ситуации в регионе. Подавлявшаяся долгое время религиозность населения республик Северного Кавказа «вдруг» стала основой самоопределения и поведения как отдельных субъектов, так и целых социальных групп.

Данный тезис подтверждается, в частности, результатами социологического исследования, проведенного при участии авторов статьи осенью 2009 г. в четырех территориях-«ключках» – Ставропольском и Краснодарском краях, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, входивших на тот момент в Южный федеральный округ. Как видно из исследования, конфессиональная принадлежность очень важна для народов Кавказа (67,4% отметили, что это очень важно, еще 23,5% – что важно, итого 90,9%). В то же время доля респондентов, относящихся к народам христианского культурного ареала (русские) и отметивших конфессиональную принадлежность как очень важную, составляет 30,1%; как важную – 34,2, итого 64,3%. И хотя для русских респондентов суммарный результат превышает 50%, он значительно ниже, чем для народов мусульманской культуры (народы Кавказа).

Эти результаты свидетельствуют о противоречивых тенденциях сопротивления и поощрения клерикализации общества. Существенные различия в ответах респондентов в определенной степени можно интерпретировать как противоречие между модернизмом и традиционализмом, между секулярными и религиозными парадигмами мировоззрения. В данном противоречии, проходящем сквозь весь комплекс социокультурных отношений, через важнейшую сферу менталитета, достаточно четко просматриваются элементы «конфликта цивилизаций».

От политики толерантности к политике интеграции

Проводившаяся в постсоветский период социокультурная политика делала акцент на формирование в регионе общероссий-

ской гражданской идентичности, и этот проект в целом можно считать успешным. Однако гражданская идентичность – крайне важная, но относительно несложная конструкция: в ее основании лежит формальный факт гражданства. Она формирует граждан, но еще не создает народ.

Стабильно высокий уровень этнополитической напряженности на Северном Кавказе показывает недостаточность гражданской идентичности как основы национального единства, фактора преодоления межкультурных и межэтнических конфликтов в регионе. Представители различных этнокультурных ареалов по-прежнему ощущают взаимное отчуждение, а иногда и враждебность. Это ведет к разобщенности людей, которые, являясь гражданами одного государства, не понимают, в чем заключается их единство, не видят общих социокультурных ориентиров.

Ставка на формирование гражданской идентичности сочетается сегодня с такими стратегиями гармонизации поликультурного социума, как толерантность и мультикультурализм.

Главная идея концепции толерантности состоит в признании ценности различий. На практике эта установка часто приводит к абсолютизации различий за счет снятия и игнорирования общих консолидирующих моментов, на основе которых только и возможно сформировать единую цивилизационную идентичность, а следовательно, создать единый народ. Что касается мультикультурализма, то он, признавая незыблемость принципа множественности культур и, главное, рассматривая эту множественность как высшую ценность, уже изначально отказывается от возможности интеграции, построения из различий единства. Политика мультикультурализма, где бы она ни проводилась – в США или в Западной Европе, – всегда приводила к одному и тому же результату: приоритету различий над единством, дезинтеграции над интеграцией.

Сегодня становится очевидным, что ставка на формирование только гражданской идентичности при абсолютизации суверенитета цивилизационного самоопределения, культурной автономии себя не оправдывает. Крах политики мультикультурализма во многих европейских странах подтолкнул ведущих российских политиков к поиску новых возможностей гармонизации межэтнических, межкультурных отношений, достижения подлинного национального единства России. В частности, в статье В.В. Путина «Россия: Национальный вопрос» основной акцент делается именно на цивилизационной идентичности.

По словам В.В. Путина, «такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьезным испытаниям, который пытались и пытаются взломать. И тем не менее он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь».

В этом смысле очевидно, что современная ситуация на Северном Кавказе подсказывает только один реальный путь выхода из затянувшегося этнополитического кризиса – переход от политики толерантности и мультикультурализма к политике интеграции, которая предполагает формирование единого социально-политического и культурно-цивилизационного пространства России и Северного Кавказа. Интеграция призвана способствовать росту значимости социокультурной (цивилизационной) идентичности, того вида идентичности, который только и способен обеспечить национальное единство Российской Федерации, снизить уровень этнополитической напряженности в Северо-Кавказском регионе.

«Обозреватель-Observer», М., 2012 г., № 7, с. 5–13.

Алексей Малашенко,
доктор исторических наук
НОВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ
И «СТАРЫЙ» СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

Проблема Северного Кавказа останется одной из ключевых в политике нового президента России и его администрации. Нередко говорят о необходимости комплексного решения «кавказского вопроса», который предполагает, что главное – преодоление экономических и социальных сложностей. Подобная установка фактически «откладывает» политический, самый конфликтный аспект. Между тем политический кризис должен решаться не просто параллельно с решением экономических вопросов, но даже с некоторым опережением. Весь предыдущий опыт свидетельствует о том, что качественные перемены в экономике займут долгие годы (взять хотя бы почти застывшие печальные цифры безработицы), а при этом улучшение политической ситуации теоретически возможно уже в обозримое время. Так что ниже речь пойдет почти

исключительно о политике. Важно повысить роль в регионе общероссийских институтов, с тем чтобы в большей мере формализовать отношения с местными республиками и смикшировать фактор личных отношений между политиками федерального уровня, включая президента, и главами республик. В результате местные элиты должны постепенно отвыкнуть от мысли о неформальном, особом статусе Северного Кавказа в рамках Российской Федерации и почувствовать себя более самостоятельными; одновременно такая политика должна включать регион в общестрановой политический ландшафт, снижая уровень обид и претензий к Москве со стороны северокавказских элит.

Если будет восстановлена выборность глав регионов, то на Северном Кавказе это создаст политическую чересполосицу – не везде, но в некоторых республиках – Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. Неизбежно появление претендентов, представляющих этнические и клановые группировки. Почти все они в той или иной мере будут обращаться к исламу, в частности искать поддержку у духовных лидеров (которые на самом деле давно стали религиозно-политическими). В чем можно быть уверенным, так это в том, что даже при таком многоцветии никто, не считая совсем уж непримиримой оппозиции, не станет разыгрывать сепаратистской карты. Каждый из соперников будет доказывать, что его предложения, как правильно выстраивать отношения с федеральным Центром, являются оптимальными.

В условиях выборов Москва в той или иной форме будет определять, кому именно из кандидатов она больше доверяет. При этом возможна ситуация, в которой Центр благоволит не одному, а, к примеру, двум кандидатам, тем самым подчеркивая свое доверие к местным предпочтениям. В конце концов выборы, несмотря на вполне возможные эксцессы, способны упрочить внутренний консенсус, так что новый глава республики будет иметь большую легитимность и авторитет, а значит, ему будет легче работать и решать сложные вопросы.

Оставим открытым вопрос о полномочном представителе президента на Северном Кавказе; думается, стоит вообще отказаться от института представительства в общероссийском формате. Что же касается Северного Кавказа, то в этом регионе ни один такой представитель осязуемых успехов не добился. Да и не мог добиться: во-первых, местные элиты предпочитают иметь дело напрямую с федеральным центром (их раздражает промежуточная инстанция, которую они воспринимают в качестве надзирателя), а

во-вторых, любая персональная инициатива полпреда требует одобрения на федеральном уровне. Полпред всерьез не может ни «помочь», ни вмешаться в происходящие в регионе процессы.

К политическим вопросам относится установление эффективного контроля над использованием поступающих из федерального бюджета финансовых средств. В ближайшее время степень дотационности большинства республик, особенно Чечни, Ингушетии и Дагестана, вряд ли снизится. Имеет смысл создать работающую в закрытом режиме и подчиненную непосредственно министру финансов и премьеру группу или группы, которые способны отслеживать путь денег с момента их выделения из федерального бюджета и до реализации на местах.

Надо энергичнее поддерживать малый бизнес, оберегая его от поглощения крупными игроками, исключить возможность создания региональных монополий во главе с местными чиновниками. Также имеет смысл выделять средства на различные средние и малые целевые проекты – создание предприятий, строительство стадионов, культурных центров, туристических объектов, а также привлекать к этому частный капитал, следя за целевым использованием средств. Все это требует скорее политических, чем экономических решений.

Президент обязан помочь в улучшении системы образования. Одновременно целесообразно возобновить практику поиска и направления на учебу в российские педагогические вузы одаренных молодых людей, с тем чтобы впоследствии в течение нескольких лет в обязательном порядке направлять их на работу в местные учебные заведения.

Важно улучшить качество преподавания русского языка, для чего повысить зарплату учителям и стимулировать приезд в регион – пусть на временную работу – выпускников российских педвузов.

Понижение уровня нестабильности останется заботой президента на весь его срок. Я совершенно уверен, что она сохранится и в период правления следующего главы государства и в более отдаленном будущем. Президент должен наконец признать, что главной проблемой для региональной безопасности являются не криминальные структуры, не бандиты, а внесистемная оппозиция, которая пользуется поддержкой значительной части населения. Эта оппозиция далеко не монолитна. В ней есть экстремистское крыло, которое в силу ряда причин – идейных, религиозных, из-за личной мести, связей с криминалитетом или влияния извне – будет

продолжать вооруженную борьбу при любых обстоятельствах. Так что полностью отказаться от силовых методов борьбы новый президент не должен, да и не сможет.

Применение силы против экстремистов, их нейтрализация должны сопровождаться открытыми гласными судами над лицами, совершившими преступления. Одновременно необходимо жестко наказывать тех, кто в ходе уголовных расследований прибегает к пыткам, кто стоит за похищениями людей и сожжением домов, принадлежащих семьям боевиков. Подобные меры, даже если и могут принести сиюминутный успех, в конечном счете ведут к ожесточению местного населения и провоцируют месть.

Большее и особо пристальное внимание следует уделять тем из «инакомыслящих», которые готовы к диалогу, даже если они придерживаются радикальных убеждений. Ряды недовольных продолжают пополняться молодыми людьми; количество активных и пассивных участников оппозиции не уменьшается, а, возможно, даже возрастает. К слову, появляющиеся в печати сведения о количестве боевиков сильно разнятся. Трудно сказать, какая именно информация ложится на стол нынешним президенту и премьеру, но новый президент должен требовать от сотрудников силовых ведомств более точных данных не только о числе участников оппозиции, но также об их принадлежности к экстремистам, радикалам, «попутчикам». В противном случае невозможно четко поставить задачу, с кем и как следует бороться. Важной, если не решающей задачей является прекращение рекрутирования в ряды оппозиционеров молодых людей, предотвратить радикализацию их умонастроений: боевиками, как известно, не рождаются, ими становятся под влиянием обстоятельств. Попытки такого рода «перехвата» молодежи у боевиков осуществляются уже сейчас, но по большей части они носят спорадический характер и к тому же не скоординированы между различными структурами – духовенством, чиновниками и силовиками.

«Перехват» потенциальных боевиков остается одним из обязательных условий нормализации обстановки и наметившегося процесса примирения. Необходимость диалога с религиозно-политической оппозицией была осознана сравнительно давно. В этой связи можно вспомнить еще Хасавюртовское соглашение с сепаратистской Чечней. Но в то время это было в первую очередь политической уловкой Кремля. Примирением можно считать путинский компромисс в Чечне, когда Ахмат-хаджи Кадыров стал главой администрации, а потом и президентом республики. Это

было фактическое примирение с одной из фракций боевиков, создавшее своего рода прецедент.

Сейчас речь идет о примирении: а) между властью и религиозно-политической оппозицией; б) между традиционным исламом и теми, кого именуют салафитами или ваххабитами (существует известная терминологическая чересполосица). Власть осознает, что внутриисламское примирение – хотя и недостижимое в окончательном виде – является обязательным условием для обеспечения стабильности. Для реального мира необходимы взаимные уступки, однако сегодня и сама власть, и лояльное ей «традиционное духовенство» готовы прощать своих оппонентов лишь на условиях прекращения ими их деятельности.

В настоящее время процесс примирения часто носит формальный, «показушный» характер. Тем не менее важен сам факт его инициирования местной властью. Президент должен воспринимать примирительный процесс не как политическую кампанию, а как длительную, сложную работу, которую необходимо вести день за днем в течение неопределенно длительного времени. Федеральная власть может и сама каким-то образом приобщиться к этому процессу, держать его под наблюдением и даже вмешиваться, если примирение сторон в республиках Северного Кавказа будет заходить в тупик. Если удастся поддерживать режим диалога и примирения, в перспективе может быть пересмотрен и популярный среди российских политиков тезис о том, что «на Кавказе уважают только силу». В действительности на Кавказе уважают также и мудрость, и способность понять, оппонента и в чем-то пойти на уступки.

Необходимым условием для стабилизации Северного Кавказа является внятная миграционная политика для Ставропольского и Краснодарского краев, которая учитывала бы неизбежный рост миграции, наиболее конфликтогенные зоны на этих территориях и предлагала бы местным администрациям рекомендации по обустройству мигрантов, а также механизмы по снятию межэтнической и социальной напряженности.

Если такая политика не будет выработана в самое ближайшее время, то ситуация там обострится до самой крайней степени. При всем том выработка такой политики – дело исключительно трудное, зато крайне важное для Российской Федерации в целом.

Стратегическая задача президента – не допустить «дрейфа» Северного Кавказа в сторону от России. Сегодня российские политики предпочитают не замечать постепенное превращение региона

во «внутреннее зарубежье; по крайней мере, часть истеблишмента не считает нужным препятствовать этому процессу.

Со своей стороны кавказские элиты считают свои республики частью России и настроены категорически против сепаратизма, но в то же время они предпочитают руководствоваться «кавказскими законами», которые опираются на клановый, в существенной степени традиционный характер общества и на важную роль ислама.

Новый президент должен не просто скорректировать подход к Северному Кавказу (попытки корректировать предпринимались неоднократно, но неизменно заканчивались неудачей), но переосмыслить его. Власть должна определить, в каком регионе опираться на традицию и пользоваться традиционными канонами и правилами социальной регуляции; разумеется, при этом регион должен оставаться в составе Российской Федерации и в рамках российской Конституции и российских законов. Президент также должен отдавать себе отчет в том, что на Северном Кавказе идет процесс архаизации, ретрадиционализации общества, и сформулировать свое отношение к исламизации и шариатизации региона.

Федеральная власть не должна бороться с шариатом, ибо здесь такая борьба обречена на поражение. Необходимо де-факто восстанавливать действие федерального законодательства на территории региона и заново укреплять утраченное доверие к федеральной судебной системе, которая подвержена коррупции в еще большей степени, чем в России в целом. При этом нельзя закрывать глаза на то, что и сейчас, и в ближайшей перспективе в регионе будет сохраняться традиционное право, существующее параллельно федеральному. Такое параллельное сосуществование двух правовых систем в принципе допустимо, но лишь при условии, когда традиционные установления не входят в прямое противоречие с федеральным законом.

Россия остается светским государством, и никакой российский президент не станет от этого отказываться. Здесь следует заметить, что многих мусульман все более смущает политическая активность Русской православной церкви (РПЦ). Претензии РПЦ на участие в государственных делах, на формирование национальной идеи вызывают раздражение в российском мусульманском сообществе. При этом позиция РПЦ предполагает возможность и для мусульман следовать их собственному – исламскому – варианту решения мирских вопросов. В таком контексте понятными и объяснимыми выглядят призывы к созданию на Северном Кавказе,

где мусульмане составляют большинство, исламского государства или халифата.

К тому же ислам сегодня не просто религия, но политическая идеология с ярко выраженным элементом социального протеста.

Очевидно, новому президенту не стоит априори отвергать любые исламские направления, получившие распространение на Северном Кавказе. Скорее здесь целесообразно проявлять известную терпимость, ориентировать мусульман России на внутри-исламский диалог. Это тем более важно, что в 2011–2012 гг. в мусульманских странах к власти приходят силы, декларирующие приверженность идее государственного строительства на основе исламских норм и принципов. Северный Кавказ является частью мусульманского мира, и на его территории можно ожидать возникновения тех же религиозно-политических коллизий, которые разворачиваются в наши дни в других частях исламского мира. Поэтому, выстраивая свою политическую линию, президент должен учитывать глобальные процессы, в частности, неизбежность радикализации ислама и его экстремистских проявлений.

Отдельно остановимся на проблемах, связанных с проведением в 2014 г. Олимпийских игр в Сочи. Олимпиада, на мой взгляд, остается своего рода «лотереей», результаты которой – и не только спортивные – трудно предсказать. Ее успех будет носить политический характер и станет свидетельством способности России и лично ее президента обеспечить безопасность в самом небезопасном месте страны. Напротив – дестабилизация, осуществление теракта (терактов) накануне Игр, тем более во время их проведения, обесценят все усилия федерального центра на северо-кавказском направлении, нанесет удар по авторитету России.

Предотвращение экстремистских акций осуществляется по двум направлениям – политическому и при помощи спецслужб. Последнее обстоятельство лежит вне компетенции автора. Замечу лишь, что хотя обращение к опыту других стран необходимо, тем не менее чужой опыт не всегда подходит для России: здешние условия отличаются, и притом в худшую сторону, от ситуации, например, в Китае, где во время пекинской Олимпиады предпринимались экстраординарные меры безопасности.

Что касается политического аспекта, то, во-первых, президенту предстоит убедить жителей Северного Кавказа в том, что успешное проведение Олимпиады в их интересах, что отдача от нее будет не единовременной, но даст импульс для развития ре-

гиона. Сегодня многие жители Северного Кавказа относятся к Играм настороженно и даже скептически. Президенту необходимо переломить это отношение с помощью проекта под условным названием «Что принесет Олимпиада простому человеку». Во-вторых, следует уделять больше внимания так называемому «черкесскому вопросу», который может обостриться накануне Олимпиады. Очевидно, что подходы к его если не решению, то приглушению будут найдены. Было бы ошибочно, а то и просто глупо сводить все к влиянию извне. В самом регионе присутствуют националистические силы, которые искренне борются и за черкесскую автономию, и даже за создание «Великой Черкесии». Очевидно, что общение с ними не должно сводиться исключительно к «политике кнута», здесь необходим поиск компромисса (пусть это и крайне сложно). Тем более что существует вероятность временного консенсуса, координации усилий черкесских националистов и исламских радикалов, что приведет к образованию новой, неведомой до нее «гремучей смеси».

К числу вопросов, напрямую связанных с Северным Кавказом, относятся миграция местного населения в другие регионы России и трения, а часто и вражда между приезжими из региона и коренным славянским населением – в Ставропольском и Краснодарском краях, в Москве, других городах и областях России. Кавказская миграция является одной из главных причин роста русского этнонационализма, ведет к обострению межэтнических, а с недавнего времени межконфессиональных отношений.

В такой обстановке необходимо ужесточить наказания за проявления этнонационализма и отказаться от практики квалифицировать их как бытовые хулиганские выходки, как это порой делается сейчас. Надо больше и умнее пропагандировать идею российской идентичности, причем таким образом, чтобы не сталкивать гражданскую идентичность с этнической.

Учитывая различия и трения между республиками Северного Кавказа, оптимальной, но очень сложной стратегией для будущего президента было бы использовать одновременно два подхода: общий, северокавказский, и частный, республиканский, причем таким образом, чтобы не сталкивать эти подходы, поскольку противоречия между Северной Осетией и Ингушетией, сложность в отношениях между Дагестаном и Чечней, Чечней и Ингушетией будут оставаться надолго. Поэтому целесообразно (да и нет другого выхода) сначала обговаривать все вопросы на местном уровне, т.е. решать их конкретно с Дагестаном, Кабардино-Балкарией

и т.д., выработать некие общие, компромиссные решения, но коль такие решения приняты, они должны становиться законом для всего Северного Кавказа, который обязаны соблюдать все, вне зависимости от личных отношений местных вождей с федеральными политиками.

Новому президенту нужно будет еще многое сделать, чтобы восстановить доверие жителей Северного Кавказа к Центру. Однако решить все северокавказские проблемы ему все равно не удастся. Тем более что в целом управление Россией для следующего президента будет сопряжено с множеством политических и иных трудностей.

Но если не сделать решительных шагов в исправлении ситуации в регионе, он навечно останется наиболее уязвимым местом российского государства.

*«Повестка дня нового президентства»,
М., 2012 г., с. 53–59.*

Адаш Токтосунова,
доктор политических наук (Киргизия)
**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО И МЕЖЭТНИЧЕСКОГО
ДИАЛОГА В КИРГИЗСТАНЕ**

Поликультурный, полиэтничный Киргизстан со времен Великого шёлкового пути является одним из древнейших очагов евразийской, центральноазиатской культуры, мостом между религиями, культурами и цивилизациями. Такое географическое расположение Киргизстана и обусловило слияние, взаимопроникновение культур, обычаев и нравов многих этносов, религий. Этот регион и сегодня является в истории мировых цивилизаций уникальной моделью межкультурного, межэтнического, межконфессионального взаимопонимания и взаимодействия».

На международной торговой трассе, каковой являл себя Великий шёлковый путь, проходивший в том числе и по землям современного Киргизстана, в древности, раннем и классическом Средневековье обменивались не только товарами, но и идеями. Рядом с купцом и воином часто брел монах – буддийский, христианский, зороастрийский или мусульманский. Поэтому народы, проживавшие на маршруте Великого шёлкового пути, опережали других в своем культурном развитии. Тем не менее, когда гово-

рим, что Великий шёлковый путь был путем диалога между народами, не следует забывать, что он велся не только при помощи торговых операций и душевных бесед в караван-сараях, но и при помощи мечей на поле брани. Здесь не было идиллий, а властвовала жесткая политика, подчас кровавая, регулируемая интересами экономики.

В современном мире большинство государств полиэтничны и поликонфессиональны. Как показывает мировой опыт, многообразие, в том числе и конфессиональное, является важнейшим залогом выживаемости и развития общества. Как отметил глава Центра ОБСЕ в Бишкеке А. Идил, «в конечном счете, общества закрытые, монокультурные и моноконфессиональные обречены на стагнацию и энтропию. Необходимость многополюсности и поликультуральности осознана мировым сообществом».

Этноконфессиональный состав населения Киргизстана.

И сегодня, по прошествии многих веков, необычайно разнообразен этнический и конфессиональный состав населения Киргизстана. Согласно данным Национальной переписи населения Республики Киргизия 2009 г., здесь проживают 5 млн. человек, представители более 90 этничностей, 12 из которых имеют численность более 20 тыс. человек, представляющих различные конфессии. Это – киргизы, узбеки, русские, дунгане, уйгуры, таджики, корейцы, украинцы, немцы, татары, казахи, турки, курды, греки, азербайджанцы, белорусы, поляки и др. Самыми крупными этническими группами в составе населения, по данным переписи 2009 г., являются киргизы (71%), узбеки (14,3%), проживающие преимущественно на юге страны, на севере – русские (7,8%) и другие – 6,9%.

По статистическим данным госкомиссии по делам религий, в независимом Киргизстане около 80% населения составляют мусульмане. В исламской общине представлено около 20 этносов, среди которых киргизы составляют 60%; узбеки – около 15; казахи, татары, таджики, дунгане, уйгуры, турки, башкиры, чеченцы, даргинцы и др. – более 5%. Все граждане, принадлежащие к «мусульманским» народам, статистикой автоматически идентифицированы как мусульмане, но встречаются среди местных мусульман и русские, цыгане, немцы.

Православные христиане составляют 16%, в православную общину включены все русские, украинцы, белорусы и представители других «православных» народов. Среди православных священников здесь были в разные годы не только русские, украинцы,

белорусы, но и немцы, китаец, поляк, молдаванин. На другие конфессии приходится 3% представителей. Очень часто в Киргизстане, как и в других странах Центральной Азии, имеет место отождествление этнического и конфессионального самосознания.

В годы независимости, безусловно, велась определенная работа по выработке государственной политики в области национальных отношений. Это и политика «Киргизстан – наш общий дом» и образование Ассамблеи народа Киргизстана, основу которой составляют национально-культурные центры этнических меньшинств, проживающих в Республике Киргизия. Ассамблея, конечно, сыграла свою положительную роль в формировании гармоничных отношений между этносами в Киргизстане, но целенаправленной работы по формированию толерантных отношений, межэтнического, межкультурного, межрелигиозного диалога она не вела, так как носила декоративно-показной характер и не имела конкретных механизмов и институтов реализации. Государственная политика в области национальных отношений не была глубоко продуманной и системной, хотя справедливости ради нужно отметить, что все этносы без исключения имели одинаковые права во всех сферах общественной жизни, и явных, видимых межэтнических, межконфессиональных конфликтов не наблюдалось.

Рост влияния в Киргизстане нетрадиционных религиозных направлений и радикального ислама. С советских, сталинских времен Киргизстан был местом ссылки «неудобных» центральным властям этносов и членов различных сект и религиозных направлений, что делало страну толерантной в конфессиональном отношении. А с приобретением независимости, в декабре 1991 г. в Киргизстане был принят Закон «О свободе вероисповедания и религиозных организациях». В нем законодательно провозглашалась и закреплялась свобода вероисповедания, упрощалась процедура образования религиозных объединений и учреждений, на служителей культа были распространены нормы трудового законодательства и права собственности.

Это либеральное законодательство, с одной стороны, способствовало утверждению свободы религии, поощрению взаимопонимания и взаимоуважения, а с другой – сделало Киргизстан одной из наиболее благоприятных стран для деятельности разнообразных религиозных организаций, в том числе сомнительного толка, привлекло миссионеров со всего мира. Наряду с ранее действовавшими организациями, здесь начали вести активную работу многие новые, ранее неизвестные религиозные образования. В се-

редине 1990-х годов число официально зарегистрированных иностранных миссионеров составляло около 900, некоторые религиозные объединения были зарегистрированы как светские учреждения (Церковь Муна, Центр дианетики и др.). Сегодня в республике официально действуют учебные центры различных христианских конфессий: Библейский колледж, Образовательный центр пресвитерианской церкви и т.д.

В первые годы независимости традиционный ислам и православие оказались неподготовленными к жесткой конкуренции со стороны исламских радикалов и многочисленных сект. В условиях длительного существования атеистического государства они в значительной степени утратили опыт и навыки миссионерской деятельности в различных социальных слоях и группах населения. В то же время, открыто оппозиционные властям и зачастую действовавшие подпольными методами исламские радикалы, разнообразные секты и религиозные объединения, наоборот, подготовили за годы гонений последователей, обладавших богатым опытом миссионерской деятельности.

Традиционный ислам можно рассматривать как несомненный интегрирующий и объединительный фактор, хотя в нем довольно велико внутриконфессиональное разнообразие, но явно выраженных противоречий между различными его направлениями практически не существует. Правда, объективности ради, нужно отметить, что исторические и трудноразрешимые трения все же присутствуют между суннитами и шиитами, но это характерно для других мусульманских стран, а не для Киргизстана. Изучение внутриконфессионального разнообразия – задача сверхактуальная, если учесть, что зачастую именно оно несет значительный заряд конфликтности и экстремизма.

В отличие от умеренного ислама на севере страны, ислам на юге отличается своим радикализмом. Исламские радикалы делают упор на пропаганду ортодоксального ислама, считая, что коренные народы, особенно киргизы, исповедуют искаженный ислам. Как отмечает ведущий узбекский исламовед Бахтияр Бабаджанов, исламский мир – это вообще бесконечная череда внутриконфессиональных конфликтов, которые неизменно переходят в догматические расколы и, как следствие, политические противостояния. «Естественно желание некоторых богословов устранить эти расколы, чтобы умма “не делилась”. Но история любого нового витка “очищения ислама”, его “исправления”, “единения” тиражирует один и тот же сценарий и последствия: те, кто борется против маз-

хабов, против суфизма, против “разобщенности мусульман” и т.д., те обязательно объединяются в группы, движения, партии, умножая тем самым количество этих “партий” и усиливая сам внутренний раскол».

Таким образом, эти богословы, якобы борясь против раскола, сами подчас и стимулируют его. А созданные ими партии, движения также множат раскол, что неизменно порождает политический и социальный конфликты. Так, например, исламизированная и националистически настроенная узбекская часть Ферганской долины, идеи которой вынашивает Исламское движение Туркестана (ИДТ), стремится к объединению Ферганы и созданию единого исламского государства – халифата. Такую же цель преследует и религиозная партия «Хизб ут-Тахрир», действуя более изощренными (по их мнению, мирными) методами. Боевые действия 1999–2000 гг. в Баткенской области Киргизстана, в которых погибли военнослужащие-киргизы, последующие вторжения и теракты исламских боевиков в киргизских городах Кадамджае, Джалал-Абаде и Узгене, а также серия террористических актов в Оше и Бишкеке в 2010 г., еще раз подтверждают, что все эти движения по объединению ислама и созданию халифата фактически ведут к политическому, внутриконфессиональному расколу страны.

Успеху исламских экстремистов способствует низкий уровень подготовки представителей местного исламского духовенства, которые в основном являются малограмотными самоучками и не могут оказать эффективного противодействия профессионально подготовленным радикальным исламистам извне. Исламская оппозиция, доминирующая на Юге, в своем противоборстве с правительством стремится использовать фактор регионализма, сохраняющиеся различия между Севером и Югом. Позиции светских политических партий весьма слабы в отсталом и более исламизированном юге. Сегодня большинство наиболее влиятельных религиозных оппозиционных деятелей Киргизстана являются выходцами именно с Юга.

Опасность исламского радикализма в том, что он в отличие от остальных конфессий использует религию в первую очередь в качестве политической идеологии; стремясь при ее помощи отстранить от власти в Киргизстане и других государствах Центральной Азии светские правительства и построить здесь собственное исламское государство. Поэтому религиозная ситуация на юге Киргизстана рассматривается сегодня как реальная опасность

для успешного развития, для государственной безопасности, независимости не только одной страны, но и Центрально-Азиатского региона в целом.

Противодействовать экстремистам сегодня достаточно сложно из-за острой нехватки обученных, профессиональных мусульманских духовных проповедников на юге республики. Местные имамы не компетентны в вопросах толерантности ислама и не могут отстоять своих позиций в диалоге с представителями таких экстремистских радикальных партий и движений, как «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» («Партия свободы ислама»), ваххабиты, «Аль-Каида», которые открыто пропагандируют экстремизм на юге и уже проникают на север Киргизстана. Имамы мечетей из-за непонимания потворствуют распространению радикальных исламских идей. Так, например, в июне 2010 г. некоторые мечети использовались как склады оружия, а имамы мечетей провоцировали молодежь на межэтнические конфликты, которые чуть не переросли в братоубийственную войну.

В этих условиях поддержание межконфессиональной и внутриконфессиональной стабильности превращается в одну из важнейших задач в стране. Особую актуальность приобретает сегодня необходимость выработки мирной, толерантной исламской альтернативы радикальным взглядам мусульманских фундаменталистов. Важно показать мусульманам недопустимость, греховность использования ислама в политических целях в условиях многоэтнического, многоконфессионального общества. В отличие от исламистов, христианские организации и группы, активно ведущие свою деятельность, не разделяют своих потенциальных прихожан по этническому признаку.

«Свалившаяся на голову» независимость и суверенитет привели к осложнению социально-экономической ситуации и массовому обнищанию местного населения Киргизстана. Все это способствовало повышению эффективности проповедей новых религиозных учений, страна фактически превратилась в арену деятельности иностранных миссионеров самых разных направлений. Они помогают материально и ведут активную духовную работу среди всех групп населения, причем часто делают упор на титульной нации. В результате этой работы в последние годы все большее число киргизов (не только бедных) стали переходить в протестантские церкви. В настоящее время численность перешедших в христианство киргизов составляет, по разным данным, от 15 до 40 тыс. человек. Этому способствовал грамотный, успешный «ме-

неджмент» организаций протестантского направления среди киргизского населения, которые наладили массовый выпуск и распространение религиозной литературы протестантского направления на их родном языке, а также использовали киргизский язык для ведения своих проповедей.

В условиях лояльного законодательства в области религии, в стране действуют десятки самых разнообразных общин, а в среде киргизов стали нередкими случаи, когда члены одной семьи исповедуют разные религии: ислам, бахаизм, протестантизм, буддизм. Если в северных районах республики в последние годы особенно сильно заметна тенденция к «христианизации» и «вероотступничеству» киргизов, то на юге усиливаются позиции мусульманского фундаментализма и ваххабизма, что, конечно, ведет к усилению имеющихся различий между Севером и Югом Киргизстана и обострению межконфессиональных отношений. Так, например, в сельской местности односельчане рассматривали принявших другую веру соседей как вероотступников, их исключали из числа членов «ынтымака» (традиционной системы взаимопомощи), подвергали общественному осуждению вплоть до избиений и убийств и не разрешали хоронить умерших рядом с могилами предков.

Дальнейшее развитие религиозной ситуации в Киргизстане во многом зависит от того, смогут ли официальный ислам и православие приспособиться к новым условиям существования, восстановить свое влияние в среде местного населения и совместно с правительством оказать эффективное противодействие исламским радикалам, а также сектам тоталитарного направления. В условиях все большего увеличения конфессиональной мозаичности, которое имеет всемирный характер, нереалистично рассчитывать на полное восстановление былого доминирующего положения официального ислама и православия в Киргизстане. Поэтому налаживание диалога между официальным исламом, православием и теми религиозными объединениями и сектами, которые не являются тоталитарными, отрицают насилие и террор, может способствовать стабилизации религиозной ситуации в Киргизстане.

Политическая и религиозная ситуация в Киргизстане до и после апрельской революции и трагических событий на Юге. В XVIII–XIX вв. Ферганская котловина являлась сердцевиной Кокандского ханства, основу которого составляли более десяти тюркских и ираноязычных этносов, близких по языку, религии и культуре. В начале XX столетия региону было навязано разделение по национальному признаку, приведшее к разрушению и ни-

велированию старых привычных типов самосознания. «Это кардинальным образом изменило этнографическую карту Ферганской долины, вызвало, с одной стороны, процессы массовой ассимиляции и гомогенизации, а с другой – процессы формирования жестких культурных границ между официально признанными, “титульными” нациями». Разделение Ферганской долины между Киргизстаном, Таджикистаном и Узбекистаном, в каждом из которых продолжало жить смешанное, разнонациональное население (так, например, на территории Киргизстана остались два узбекских анклава – Сох и Шахмардан, а также два таджикских – Чорку и Ворух, а в Узбекистане остался киргизский анклав – село Барак). В эпоху социализма с его идеологемами «новая историческая общность – советский народ», «дружба народов» – это разделение долины не представляло реальной опасности. Крах же советской системы привел не только к возникновению идеологического вакуума, но и к обострению межэтнических и межконфессиональных отношений. Граница между тремя государствами после развала СССР до сих пор не делимитирована, по всему ее периметру существует ряд спорных участков, что впоследствии и стало причиной межэтнических конфликтов.

Другим источником конфликтов является «демографический взрыв» – нарастание перенаселенности этого аграрного региона (плотность населения Ферганской долины на территории Киргизстана достигает 300 человек на км², а в узбекской части – 425 человек на км²). Если северный регион республики исторически развивался в социально-экономическом и культурном плане более интенсивными темпами, то южный, напротив, в условиях ограниченности земельно-водных ресурсов, неразвитости экономической инфраструктуры, нерешенности острых экономических и социальных проблем; многочисленных фактов нарушения социальной справедливости, массовой безработицы, бедности населения значительно отставал от Севера. Нахождение столицы республики на севере Киргизии также способствовало опережающему южные области страны развитию. Если прибавить к этому усиление роста религиозного экстремизма на юге республики, то неудивительно, что этот регион стал настоящей «пороховой бочкой», которая могла взорваться в любой момент.

К революционным событиям 7 апреля 2010 г. привел массовый социальный и политический взрыв, который, наверно, спровоцировал в 2011 г. подобные взрывы народного негодования в странах арабского мира. Киргизстан – первая страна, доказавшая

дважды, что недостойный президент должен предстать перед народом или покинуть страну. За короткое время правления Бакиева началась безудержная приватизация государственных объектов, распродажа за бесценок народного достояния стратегического характера, неоправданное повышение цен и тарифов на электроэнергию, коммунальные услуги, создание под сына президента различных неконституционных государственных структур по отмыванию денег, криминализация всей структуры власти и т.д. Для обеспечения этой кампании по разворовыванию страны через органы государственной безопасности, исполнителей заказа в лице криминалитета, террористических организаций начались системные преследования свободомыслия, гонения и запугивания политических оппонентов, правозащитников, журналистов, заказные убийства и устранения негодных политиков, закрытие оппозиционных СМИ. В результате этих событий обстановка в республике характеризовалась отсутствием твердой и монолитной власти по вертикали, полной деморализацией правоохранительных органов, повсеместной активизацией деятельности организованных преступных групп, экстремистских, националистических и сепаратистских сил, а также лиц, претендующих на политическое лидерство.

По информации Национальной комиссии по расследованию трагических июньских событий на юге Киргизстана, «ради достижения этих целей сразу после апрельских событий 2010 г. по инициативе сына президента Максима Бакиева проходит его встреча в Дубае (ОАЭ) с эмиссарами экстремистского Исламского движения Узбекистана (ИДУ). А в начале мая 2010 г. в Афганистане, в г. Бахорак на совещании эмиссаров и полевых командиров движения “Талибан”, ИДУ, ОТО (Объединенная таджикская оппозиция) при личном участии Мулло Абдулло и двух представителей семьи Бакиевых была достигнута договоренность об оказании помощи силами этих движений в дестабилизации ситуации в Киргизстане.

Этими деструктивными силами были поставлены следующие задачи: 1) расшатывание политических, экономических и общественных устоев государства; 2) разжигание межэтнических, межконфессиональных и внутриконфессиональных конфликтов. 3) устрашение общества».

На Севере разжечь конфликт им не удалось, юг подходил для этих целей как нельзя лучше. Во-первых, Юг Киргизстана всегда был потенциальным источником конфликтов, во-вторых, перенаселенность в условиях ограниченности земли и водных ресурсов, в-третьих, неразвитость экономической инфраструктуры,

в-четвертых, массовая безработица и бедность населения, в-пятых, рост религиозного экстремизма на юге республики. Эти проблемы всегда были потенциальным источником конфликтов, «пороховой бочкой», которая могла взорваться в любой момент.

Юг Киргизстана имеет свои характерные особенности, обусловленные историческим развитием. В свое время он, как и весь Киргизстан, входил в Кокандское ханство. Демографический «взрыв» и перенаселенность были постоянным фактором межэтнических стычек на бытовой почве, но летом 2010 г. эти конфликты привели к трагическим событиям на юге Киргизстана. Межэтнические столкновения в этот раз во многом были спровоцированы имамами мечетей и лидерами «Хизб ут-Тахрир», которые призывали уничтожать тех, кто не предан устоям ислама и не выполняет традиционных мусульманских обрядов.

Это стало возможным из-за отсутствия, во-первых, сильной власти в стране, во-вторых, объединяющей наднациональной идеи (системы ценностей) в обществе, в-третьих, из-за низкого уровня культуры межэтнического общения, неумения или нежелания вести диалог. Эти факторы привели к тому, что:

- стала усиливаться тенденция бурного обсуждения межэтнических отношений (узбеки–киргизы) в негативном свете, значительно повысился потенциал агрессии в обществе, негатив перешел из сферы обыденного, бытового сознания на уровень политический;

- из-за отсутствия соответствующих идей, установок, программных целей нарушилась система воспитания культуры межэтнического отношения и толерантности (до развала СССР это направление развивалось как интернациональное и патриотическое воспитание);

- усилились экономические, социальные, культурные, этнические барьеры, в том числе языковые, из-за изолированности населения, компактно проживающего в моноэтнических районах южной столицы Киргизстана. Так, например, при посещении спортивных клубов и секций молодежь разделена (киргизы ходят в один спортивный зал, узбеки – в другой); школы, мечети изолированы по этническому признаку, что отрицательно действует на процесс взаимопонимания, диалога, интеграции, а вследствие миграционных переселений, неумение адаптироваться в полиэтнических сообществах.

Когда государство не ведет планомерной политики в отношении культуры, религии, не занимается вопросами воспитания, межэтнического, межконфессионального, внутриконфессиональ-

ного, межкультурного диалога, пуская все на самотёк, то нетрудно заметить, откуда произрастают семена непонимания, нетерпимости и ненависти. И что самое страшное, идет угроза развала государства не снаружи, а изнутри. Важнейшая задача для киргизстанцев сегодня – преодолеть последствия межэтнического конфликта в Оше, ставшего колоссальным потрясением для всей страны, всего региона. Поляризация общества еще долго будет напоминать о себе, задача примирения, диалога двух этнических групп является очень непростой, и на залечивание ран потребуются годы и годы. Для осуществления конструктивного диалога надо тщательно разобраться в причинах и обстоятельствах возникающих конфликтов – это во-первых. Во-вторых, необходима упредительная, превентивная политика, разъяснительная, воспитательная работа, и не от случая к случаю, а на постоянной основе. В-третьих, последовательное разрешение проблем, накапливающих конфликтный потенциал. В-четвертых, надо неустанно разъяснять недопустимость любых дезинтеграционных шагов. В-пятых, диалог «национальные ценности – мировой опыт» позволит укрепить нашу полиэтничность, поликонфессиональность, что является ключевым фактором цивилизованного будущего Киргизстана.

«Национальная идея», которую киргизские националисты понимают в узком смысле этого слова, ведет к дезинтеграции общества. Идеология национализма ведет к фашизму, она не умерла с падением Третьего рейха, а лишь трансформировалась и продолжает свое существование, несмотря на совершенно ложное понимание превосходства одного этноса над другим. Видный общественный деятель Киргизстана Ишенбай Абдразаков в одном из своих интервью отметил: «Мы должны строить национальную политику с учетом полиэтнического и поликонфессионального характера нашего общества. Сможем ли мы добиться того, чтобы все граждане, независимо от этнической и религиозной принадлежности, считали себя киргизстанцами, т.е. нацией в западном понимании?» Будущее Киргизстана – в неделимости судьбы всех народов, этносов, представителей всех конфессий, проживающих в республике. Сегодня как никогда для стабильного развития и безопасности страны, для становления политической нации важно развитие гармоничных взаимоотношений между различными этничностями и конфессиями.

*«Мировые религии в контексте современной культуры:
Новые перспективы диалога и взаимопонимания»,
СПб., 2011 г., с. 144–152.*

Анатолий Адамишин,

заместитель министра иностранных дел СССР (1986–1990), первый заместитель министра иностранных дел России (1993–1994), министр РФ по делам СНГ (1997–1998);

член научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике»

УРОКИ ПРИМИРЕНИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Летом 2012 г. в Таджикистане вновь заговорило оружие, на этот раз в Горном Бадахшане, куда были введены правительственные войска. Произошло это через несколько недель после того, как страна отметила 15-летие прекращения гражданской войны, которая едва не разрушила хрупкую государственность, появившуюся в результате упразднения Советского Союза. Мирное соглашение, подписанное в 1997 г. в Москве, открывало перспективу преодоления кланово-региональных противоречий в таджикском обществе на путях его постепенной демократизации. Руководство страны предпочло другую политику, в ней причина нынешних проблем. Рано или поздно их придется решать по сути дела повторно.

Таджикистан был, пожалуй, наименее развитой республикой СССР. Демография была через край, а пахотной и пастбищной земли не хватало. Невысокий жизненный уровень, отсталая социальная сфера, монокультура – хлопок, отравленная окружающая среда. Стабильность Таджикской ССР придавал этнотерриториальный расклад. Первый секретарь ЦК компартии всегда из Ленибада (ныне Худжанд), председатель Президиума Верховного Совета – из Горного Бадахшана или Гарма. Кулябцы преобладали в силовых структурах. Второго секретаря ЦК присылали из Москвы, как и главу местного КГБ.

В стране накопилось серьезное и законное недовольство прежним коммунистическим режимом. Раздражения добавляло то, что в ноябре 1991 г. президентом был избран Рахмон Набиев, в прошлом первый секретарь ЦК, руководитель, по многим оценкам, слабый. Ставилась под сомнение и законность его избрания (кандидатом демократов был известный кинорежиссер и общественный деятель Давлат Худоназаров). Набиева поддержали Ташкент и, скорее всего по его совету, Москва. Таджикистан напрямую зависит от своего соседа: через узбекскую территорию проходят газовые и транспортные магистрали.

В марте 1992 г. недовольство выплеснулось на улицу. На площади Шахидон, бывшей Ленина, в Душанбе, митинговали: Демократическая партия Таджикистана (ДПТ), значительная ее часть вдохновлялась идеями горбачёвской перестройки и гласности. Партия Исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) – с декабря 1991 г. она действовала легально; и ряд мелких движений. С самого начала противостояние определялось не столько политическими и религиозными, сколько региональными факторами.

Из-за упорства власти умеренные поначалу требования приобрели политический характер, вплоть до отставки правительства и избрания нового Верховного совета. Не справившись с митингом, принявшим постоянный характер, Набиев сначала объявил, что он президент «по воле Аллаха», а затем вызвал подкрепление из Куляба и раздал оружие. В начале мая пролилась первая кровь. К середине месяца столица и подъезды к ней, а также телевидение перешли в руки митингующих. В Душанбе было сформировано коалиционное правительство, где оппозиция, включая ПИВТ, получила больше трети мест. В Худжанде и Кулябе этот шаг восприняли как антиконституционный переворот.

События в столице стали детонатором для сельского юга – Кулябской и Курган-Тюбинской областей. Борьба за власть сместилась в Вахшскую долину и другие районы. Наружу вышли, казалось бы, преодоленные за годы советской власти регионально-общинные противоречия. Пагубную роль играли и вышедшие на свет дельцы теневой экономики, торговцы наркотиками, выпущенные из тюрем преступники. Начались ожесточенные бои, грабежи, этнические чистки. Быстро наступил беспредел: кто с автоматом, тот прав.

На Таджикистан я был «брошен» в конце октября 1992 г., мало что о нем зная. Учиться пришлось на ходу, равно как и собирать команду. Благо было немало крепких профессионалов, оставшихся не у дел после чистки союзного МИДа. Поначалу не мог избавиться от впечатления, что Россия в стороне от таджикского кризиса. Российская внешняя политика находилась еще на этапе болезненного становления. В конкретном случае с Таджикистаном (и Средней Азией в целом) не было четкого представления о том, чего мы, в сущности, хотим в новых условиях, когда бывшие союзные республики в одночасье превратились в независимые государства. Отсюда спонтанность и импровизация в решениях, до многого просто не доходили руки.

Судьба 201-й мотострелковой дивизии, оставшейся в Таджикистане после разлома Советского Союза и по большей части заблокированной в военных городках, решается лишь осенью 1992 г. Генерал-полковник Эдуард Воробьев, направленный со специальной миссией в Душанбе, предложил: дивизию не выводить, оружие, раздачи которого требуют вооруженные группировки, никому не отдавать, городки деблокировать, что и было сделано силами вновь введенных пяти десантных батальонов. В обстановке анархии дивизия – единственно реальная сила, в первую очередь для защиты русского населения, а его там больше чем 300 тыс. человек.

Тем более меня озадачивает, что министр иностранных дел Андрей Козырев поддерживает идею о передаче 201-й дивизии в двойное подчинение – наше и таджикское. Ею может распоряжаться и.о. председателя Верховного совета Акбаршо Искандаров. Он уже отдает распоряжения командиру дивизии Мухридину Ашурову (в будущем Герою России). Мы втягиваемся в поддержку одной из сторон в конфликте, неминуема жесткая реакция кулябцев и вооружающих их узбеков. Не говоря уже о такой «мелочи», как использование вооруженных сил за рубежом без санкции Верховного Совета РФ. Не сумев убедить Козырева, решаюсь обратиться к главе правительства Егору Гайдару. Он отвечает: назад хода нет, уже есть договоренность на этот счет с Ельциным.

На мою мельницу льет воду сообщение от Виктора Комплектова, направленного мной в Среднюю Азию, что ни президент Киргизии Аскар Акаев, ни казахстанский президент Нурсултан Назарбаев не будут поддерживать Искандарова. За ним, считают они, стоит ПИВТ, а за ней Иран. Не помогает: соглашение о временном двойном подчинении подписывается. Довод: надо искать фигуру вроде Наджибуллы, Искандаров с Ашуровым (он таджик по отцу) наведут порядок и защитят русскоязычное население. Но оно сразу же попадает под огонь другой стороны. Глава ДПТ Шодмон Юсуф, обвинив российских военных во вмешательстве во внутренние дела Таджикистана, заявляет, что теперь русскоязычное население становится заложником. Бегство русских из страны резко увеличивается, осуществлять эвакуацию приходится в экстремальных условиях.

Помощь приходит с неожиданной стороны: уже подписанное с Искандаровым соглашение не прошло через Государственно-правовое управление Президента РФ. Те потребовали: заключайте соглашение о передаче дивизии таджикам, но при условии рати-

фикации Верховными советами обеих стран. Таджикский неизвестно когда будет созван, а наш не ратифицирует ни под каким предлогом. Но и это не конец: через несколько дней вернулись к двойной юрисдикции. Искандаров в Москве, ему обещают оружие и поддержку: в каждом кабинете своя внешняя политика. В ответ Узбекистан готовит наступление кулябцев. Их лидер грозит, что «разрежет Ашурову живот и набьет его камнями». Вернувшийся из поездки в Среднюю Азию Козырев рассказал, что Назарбаев в его присутствии многозначительно бросил Каримову: «Ты смотри. Душанбе не возьми, пока мы тут разговариваем». Совместное воздействие на министра среднеазиатских президентов окончательно снимает вопрос о передаче дивизии.

13 ноября, заседание глав правительств стран СНГ. В перерыве Гайдар обращается ко мне (я представляю МИД в качестве первого зама Козырева): «Анатолий Леонидович, у нас ведь нет позиции по Таджикистану?» Отвечаю: «Есть, Егор Тимурович, позиция». – «И вы можете ее назвать?» – «Да, могу», – и перечисляю те пункты, которые успела наработать «таджикская» команда: – не присоединяться ни к одной группировке, особенно не заключать соглашения с Искандаровым, который вот-вот уйдет; подталкивать страны СНГ к введению в Таджикистан миротворческих сил, лучше, чтобы мы там были не одни; попытаться усадить противоборствующие стороны за стол переговоров, попробовав созвать Верховный совет; защищать русскоязычное население силами 201-й дивизии, но не более того, в остальном она должна соблюдать нейтралитет; оказывать гуманитарную помощь, где только можно. Главное: определить конечной целью наших усилий национальное примирение. Гайдар: «Да, пожалуй, что так». Еще я предложил, исходя из советского опыта, создать при президенте межведомственную группу по Таджикистану во главе с министром иностранных дел.

Встречаясь в Алма-Ате с руководителями среднеазиатских республик, Козырев публично заявил: «Россия не может отказаться от многолетних тесных связей с Таджикистаном». Это было принципиально важно на фоне настроений об уходе в стане российских демократов. Участники встречи обратились к Акбаршо Искандарову с коллективным призывом срочно созвать внеочередную сессию народных депутатов в Худжанде, наиболее спокойном городе страны. 16 ноября 1992 г. там удалось собрать не только Верховный совет, но и республиканское собрание предста-

вителей регионов и даже полевых командиров. Это-то вообще рассматривалось как совершенно невероятное.

В результате двухнедельной работы сделаны начальные шаги к национальному согласию. Конституционную законность приобрела добровольная на этот раз отставка Рахмона Набиева. В сентябре в душанбинском аэропорту оппозиция заставила его силой подписать заявление об уходе. Пост президента решили вообще отменить, ушел Искандаров и еще ряд деятелей. Председателем Верховного совета был избран Эмомали Рахмонов. Скорее всего, имел место компромисс между худжандцами и кулябскими полевыми командирами, среди которых выделялся жесткий и решительный Сангак Сафаров. Впервые в новой истории Таджикистана власть перешла к кулябскому клану. Ее укрепление станет в дальнейшем для кулябцев центральной задачей. Россия в отношении кандидатуры Рахмонова была поставлена перед свершившимся фактом.

Верховный совет обратился к странам СНГ с просьбой ввести миротворческие силы. Уже 1 декабря заключено соответствующее соглашение. Миротворцы состояли в основном из российских военнослужащих, но «бренд» был многосторонний, службу несли также небольшие подразделения Казахстана, Узбекистана и Киргизии. Вклад миротворцев велик: они, в частности, доставили, в том числе в труднодоступные горные районы, сотни тонн гуманитарных грузов. Нередко это означало спасение от голодной смерти.

Результаты Худжанда российская пресса встретила плохо. В то время наши демократы с порога выступали против возвращения к власти «прежних», вне зависимости от того, как складывались конкретные обстоятельства. Правительству Рахмонова предрекали короткую жизнь. (Эмомали Шарифович через два года был избран на восстановленный пост президента и занимает его до сих пор.) Но какова была альтернатива? Продолжение безвластия и хаоса, окончательная криминализация общества, распад страны? Неизвестно, как повели бы себя в этих условиях Афганистан, где к власти шли талибы, и Иран, где господствовали муллы. Появившаяся в Таджикистане власть имела наибольшую легитимность, какой можно было добиться на декабрь 1992 г. Под российско-таджикские отношения стал подводиться международно-правовой базис. В случае внешней угрозы Россия могла бы прийти на помощь на законных основаниях.

Другое дело, что в качестве следующего шага напрашивался поиск согласия с оппозицией. Худжандская сессия Верховного совета именовалась примирительной. К сожалению, новые власти сделали упор на силу. Был вооружен (главным образом, Узбекистаном) так называемый Народный фронт (НФ). Его костяк составили кулябцы и узбеки, как таджикские, так и из соседней республики. Военными советниками служили узбеки и, приходится признать, россияне; эти последние нанимались на личной основе. Уже в начале декабря – Назарбаев как в воду глядел – вооруженные отряды НФ захватили Душанбе. Рахмонов, говорили его противники, въехал в столицу на узбекском танке. Есть свидетельства, что в последовавшей расправе пострадали несколько сот памирцев и гармцев, значительную часть которых составила интеллигенция. Был брошен лозунг: «Победителям можно все!». Гражданская война не утихла, скорее ужесточилась. Бои развернулись к востоку и югу от Душанбе, в некоторых использовалась авиация, по данным российских историков Валентина Бушкова и Дмитрия Миккульского, узбекская. Этнические чистки приобрели широкие масштабы, убивали друг друга только из-за принадлежности к различным регионам. Вооруженные бандиты расстреливали безоружных крестьян, насиловали женщин, грабили. Десятки тысяч людей, боевиков, но больше мирных жителей были выдвинуты в Афганистан, уходили целыми совхозами. Бежали и в соседний Узбекистан. Летом 1993 г. демократические и исламистские партии и движения были запрещены.

Наши постоянные обращения к правительству с призывом начать поиски мирного урегулирования результата не давали. Что удалось на том этапе сделать, это подключить ООН. Ее генеральный секретарь назначил своим специальным представителем по Таджикистану бывшего уругвайского посла в Москве Рамиро Пирис-Бальона.

По-прежнему были сильны настроения насчет того, что нам нечего делать в Таджикистане, «втором Афганистане», что он дорого обходится и самое разумное – уйти. Но это означало бросить на произвол судьбы русскоязычное население, пренебречь уникальными экономическими интересами, оставить оголенной границу. На тысячи километров дальше в Среднюю Азию и в Россию не осталось бы никакой преграды ни для заброски наркотиков, ни для проникновения террористов. Единственную возможность удерживать какие-то рубежи давали внешние границы СССР. С другой стороны, надо было действительно следить за тем, чтобы

не повторять афганских ошибок. Мы исходили из того, что Россия должна помочь таджикам, но не может действовать за них. На местном руководстве лежит ответственность за то, чтобы навести порядок, договориться о балансе клановых, региональных и политических сил.

Гром грянул в июле 1993 г. Вооруженная оппозиция, базировавшаяся в Афганистане, постоянно совершала набеги на таджикскую территорию, иногда подолгу удерживая довольно обширные плацдармы. Это вело к непрерывным стычкам с российскими пограничниками. Охраняли границу именно они в соответствии с соглашением между Россией и Таджикистаном, 16 тыс. пограничников составляли мощное прикрытие. Удар, нанесенный 13 июля по 12-й погранзаставе, был из ряда вон выходящим. Огонь шел и со стороны Афганистана, и в спину пограничникам с таджикской территории. Подходы, откуда шла помощь армейцам, заминировали. В результате застава разгромлена, погибли 25 пограничников из 51.

На совещании, созванном премьером Виктором Черномырдиным, выяснилась серьезнейшая неподготовленность и пограничников, и 201-й дивизии. Между ними шли постоянные препирательства. Министерство безопасности не может сговориться с Министерством обороны, в погранотрядах не хватает людей. Вопрос вынесен и на заседание Совета безопасности под председательством президента. Завершилось оно указанием Бориса Ельцина подготовить указ о мерах по урегулированию конфликта на таджикско-афганской границе, что мы и сделали в кратчайшие сроки. Приоритетными назывались мероприятия политического характера. Впервые на таком уровне Россия с полной определенностью заявила, что будет содействовать установлению контактов между правительством Таджикистана и оппозицией.

Когда слово дали МИДу, я попытался объяснить, что главное не таджикско-афганский и не русско-афганский, а таджикско-таджикский конфликт. Вытесненная в Афганистан оппозиция продолжает бороться с правительством, пытаясь привлечь на свою сторону моджахедов. Афганцы используются лишь в качестве наемников и не всегда лезут на рожон. Есть данные, что Ахмад Шах Масуд запретил полевым командирам поддерживать таджиков. Важно было сделать на этом акцент, поскольку таджикское руководство нередко списывало свои упущения на то, что ему приходится воевать с Афганистаном. Президент одобрительно закивал, но тут меня перебил министр обороны Павел Грачёв: «Посол у них

там паршивый в Душанбе, надо менять». Я был о после другого мнения и ответил: «Сами будем разбираться, кто и как работает, кого менять». На это последовал выговор от Бориса Николаевича: «В МИДе должны прислушиваться к мнению опытных людей»; вступил в разговор премьер, предложивший уволить еще и Георгия Кунадзе, заместителя Козырева, так что обсуждение было свернуто. (И того и другого МИДу удалось отстоять.) В числе мер, принятых после трагических событий на границе, Грачёву было поручено координировать деятельность военных и политических ведомств, а Козырева назначили специальным представителем президента по таджикскому конфликту. Но на следующий день оба они ушли в отпуск.

После заседания Совета безопасности лечу на Юг. В делегацию включили представителей МО и МЧС, с тем чтобы принять меры по техническому и военному обеспечению охраны границы. Всем главам среднеазиатских республик везу послание российского президента. Благодаря этому могу обращаться с просьбой быть принятым первыми лицами. Излагаю им основные положения позиции России: предотвратить новый раунд гражданской войны в Таджикистане, который может перерасти в крупномасштабный конфликт, обеспечить безопасность многонационального населения, вывести страну на путь демократизации и национального примирения, не допустить превращения Таджикистана в источник экстремизма и насилия для всего региона СНГ. Российский подход встречает понимание во всех пяти столицах.

С Эмомали Рахмоновым 30 июля разговор длительный и серьезный на базе послания Ельцина. А в нем жесткая позиция Москвы: вызывает сожаление, что в Таджикистане не действуют многие демократические законы, принятые ранее, нет гарантий безопасности для возвращающихся из Афганистана беженцев, нет спокойствия у русскоязычного населения. Пора крепко задуматься о гражданском примирении. Россия твердо за переговоры с оппозиционными лидерами и командирами вооруженных группировок. В свою очередь, мы выполним все обязательства по отношению к Таджикистану, которые вытекают из двусторонних соглашений. Мне показалось, что в настрое главы Таджикистана появились подвижки. Не успели мы, однако, уехать из Душанбе, как на официальном уровне было сказано, что возможность переговоров с оппозицией – «людьми, у которых руки по локоть в крови» – исключается. Захватывающие командные высоты кулябцы считают, что продолжение боевых действий играет им на руку. Тем более

так важна встреча в Москве, на которую Ельцин пригласил высших руководителей пяти республик. Для достижения своих целей Россия пускает в ход «тяжелую артиллерию». Встреча, первая в таком формате после образования СНГ, состоялась 7 августа. Удалось собрать всю «пятерку», включая Туркмению, она, правда, представлена не на высшем уровне. Как я ни уламывал Сапармурата Ниязова приехать в Москву, он отказался, прислав зампреьера Бориса Шихмурадова.

Первое, что поразило меня на встрече, это поведение лидеров, стремившихся заполучить расположение Ельцина, «руководителя великой державы, играющей решающую роль в Центральной Азии», и все в том же цветистом стиле, весьма схожем с прежним советским. Разительный контраст по сравнению, скажем, с выволочкой на имперские темы, которую узбекский президент устроил мне за несколько дней до этого в Ташкенте, когда мы три часа провели за коньяком. Самое обидное, что не во всем он был не прав. Наивно думал, что и тут он будет возмущаться по поводу политики Москвы. Ничего подобного. Потом я понял, что такая манера была весьма эффективна в смысле получения льгот у России.

Главное, естественно, – результаты встречи. Они оправдали ожидания. Шесть государств заявили, что ключевой задачей является политическое урегулирование, и призвали международное сообщество поддержать направленные на это усилия. На Рахмонова навалились все. В какой-то момент Назарбаев сказал: «Эмомали, ты же сам воевал, что это за разговоры: “по локоть в крови”». В итоге правительство Таджикистана впервые согласилось начать диалог с оппозицией.

Но даже Московский саммит полного результата не достиг. Душанбе либо не мог, либо не хотел договариваться со своими противниками. Точнее, там были готовы говорить только с внутренней оппозицией при условии, что будут разоружены отряды, находившиеся в Афганистане. А это была основная боевая сила ОТО – Объединенной таджикской оппозиции. К чести правительства, оно способствовало возвращению из Афганистана нескольких тысяч беженцев. Но сил на подавление оппозиции вооруженным путем у него не хватало. Отсюда тупик и опасность ползучего втягивания России в военные действия по афганскому сценарию. В числе других мер задействовали межведомственную комиссию по Таджикистану. Пришли к общим выводам: Рахмонов убежден, что при всех обстоятельствах Россия и Узбекистан будут его под-

держивать. Он выдвигает к оппозиции требование сложить оружие в качестве предварительного условия для начала разговора. На такой основе никто с ним говорить не будет. В то же время Рахмонов – лучшая из возможных фигур для руководства страной, надо откровенно поговорить с узбеками, пусть прекратят попытки сместить его. Самого Рахмонова нужно постоянно нацеливать на диалог с оппозицией и в перспективе на то, чтобы поделиться властью. В качестве одного из рычагов воздействия рассмотрели возможность приостановить военную помощь, но решили пока держать это в уме.

Но, в общем-то, нам плохо давались нажимные методы. Брежневский 18-летний период не прошел даром. Власть в республиках привыкла к парадигме: Москва делает вид, что командует, мы делаем вид, что подчиняемся. Нас обвиняют в имперских привычках, но как раз имперскому управлению мы так и не научились.

Перелом произошел в феврале 1994 г. Козырев был с весьма продуктивным визитом в Ташкенте, за ним туда проследовал я. Узбеки проявили полную готовность к сотрудничеству по Таджикистану: пора сажать за один стол правительство и оппозицию. Не сошлись мы в том, что касается внутренних таджикских дел. Узбеки выступали за кадровые перестановки, что иногда казалось правильным по существу, ибо клановая борьба могла развалить страну на ряд самостоятельных регионов. Но перемены они хотели сделать нашими руками, на что мы, разумеется, не шли. Пусть будет референдум, как хотят таджики, пускай пройдут выборы, как хотят таджики, пусть выберут того, кого они сами хотят.

В Душанбе, куда перелетели из Ташкента через великолепный Гиссарский хребет, теплый и вроде даже доверительный разговор состоялся с Эмомали Рахмоновым. На этот раз он согласился на мою поездку в Тегеран для переговоров с оппозицией. Долго противился, неровен час придется делиться властью. Но в Москве твердо исходили из того, что без такого, безусловно, трудного шага риск возобновления гражданской войны снят не будет. Очень просился Рахмонов к Ельцину в Москву, поскольку ситуация действительно тяжелейшая, муки в городе осталось на три дня. В депеше в Москву я обозначил возможность короткого рабочего визита Рахмонова для встречи с российским президентом, сильно сомневаясь, что это получится. Самадов, новый таджикский премьер, прилетел в Москву специально для встречи с Черномырдиным, тот его проволынил несколько дней, но так и не принял. Затем и зам-

премьера отказался от встречи: «Нечего летать, пока не позвали, захотели независимости, так ешьте ее».

Теперь Тегеран, поскольку пришло подтверждение от специального представителя Генерального секретаря ООН по таджикскому урегулированию, что нас там ждут лидеры оппозиции. Когда мы обсуждали с ним вопрос о месте будущих переговоров, почувствовал, что Пирис-Бальон не будет отстаивать Москву. По его словам, этого не хочет оппозиция, она предпочитает Тегеран или Исламабад, в крайнем случае Женеву. Тогда я предложил такой ход: скажите оппозиции, что я прилечу к ним в Тегеран, чего они добиваются, но они за это согласятся на Москву как место для переговоров. До отлета в Тегеран ответа мы не получили, и я сказал министру: возможны напрасные хлопоты, Москву они могут не дать. Решили, что все равно лететь надо.

В ключевом для нас вопросе – таджикском – у иранцев произошли перемены. В начале смуты они вели себя весьма активно: первыми открыли посольство, их дипломатов замечали раздающими деньги таджикам. Тегеран был явно не прочь посадить в Душанбе послушное ему правительство. Ничего не вышло, поскольку в дело вступила Россия. Не отказываясь окончательно от перетягивания Таджикистана на свою сторону, персы намеревались теперь помочь близким им по духу деятелям сохранить влияние в стране. А это было невозможно без достижения модус вивенди с правительством. Тут наши интересы стыковались.

Первый контакт с оппозицией состоялся в иранском МИДе, встречу открыл министр Велаяти. От оппозиции было четверо: два исламистских лидера. Ходжа Акбар Турадзонзода, руководитель делегации, и Мухаммад Шариф Химматзода; и два демократа – Отахон Латифи, единственный, кого я знал, ибо он был в свое время корреспондентом «Правды», и Абдунаби Сатторов, доктор филологических наук, профессор Таджикского университета. Все они показались мне людьми, с которыми можно разговаривать. Слегка, как водится, блефовали. Уверяли, что могли бы свергнуть правительство вооруженным путем, но не делают этого, поскольку гражданская война уничтожит таджиков как нацию. В ходе переговоров добились их согласия начать прямой разговор с правительством Душанбе. До сих пор они отвергали это под высокомерным предлогом, что будут говорить только с русскими. Кстати, я отвечал на это так: если бы Россия была хозяином в Таджикистане, диалог с оппозицией уже шел бы полным ходом.

У нас с Бахтияром Хакимовым, главным нашим экспертом по Средней Азии, была задумка: перетащить встречу в посольство, на нашу территорию. Помимо всего прочего мы бы избавились от излишней опеки персон. Когда дело в иранском МИДе шло к концу, сказал, что мы хотим продолжить разговор и я приглашаю таджикских представителей в посольство России. К некоторому нашему удивлению, Акбар сразу же ответил: «Мы приедем обязательно». В посольстве мы хорошо их приняли, накормили обедом, показали зал, где проходила тегеранская конференция 1943 г. Если на встрече в иранском МИДе наше предложение избрать местом переговоров Москву они встречали уклончиво, то в посольстве вполне определенно согласились и на проведение переговоров, и на их первый раунд в российской столице.

Сложности пришли с неожиданной стороны. Побывал в Душанбе Козырев, собрав там министров иностранных дел среднеазиатских государств. Каково же было мое изумление, когда, рассказывая нам об этом, он вдруг начал говорить, что политический диалог с оппозицией не нужен. Таджики не хотят переговоров, узбеки тоже, вернее, обе стороны хотят, но позже, а сейчас важнее заняться таджикскими внутренними делами, прежде всего экономическими. Было ясно, что настропалили министра в Душанбе, где Рахмонов снова попытался уйти от переговоров. Но это уж, действительно, дальше некуда: столько месяцев добиваться своего, уговаривать вместе с узбеками Рахмонова, сделать, как написала одна газета, невозможное в Тегеране, вытаскивая оппозицию в Москву, и все для того, чтобы самим отказаться от переговоров. Министр, надо отдать ему должное, упорствовать не стал, мы ему оппонировали вчетвером. Потом началось тоже нелегкое дело, ибо таджики настроились на одно, а тут звоню я и вытаскиваю их на прежний путь. Они твердят: разве Козырев не передал, что договорились отложить переговоры? Не выдержав, говорю премьеру Самадову: «Вы просите денег, но мы не можем позволить такого положения, при котором Россия одной рукой дает рубли, а другой получает пощечины». Не очень складно по-русски, но понятно.

На следующий день раздается по ВЧ звонок (советская связь работает), на трубке Рахмонов. Ему я, естественно, ни слова насчет увязки между деньгами и приездом делегации в Москву не сказал. Больше того, подтвердил, что Дубинин, министр финансов, выделяет Таджикистану наличность. С Дубининым мы сговорились накануне, что задержим выплату, причем я ему честно сказал: у меня, Сергей Константинович, нет на этот счет разрешения,

действую по собственному пониманию. Дубинин вник в ситуацию и на день-два деньги задержал. Без этого, возможно, ничего бы не получилось. В Таджикистане убили зампреьера Моеншо Назаршоева, горного бадахшанца, который должен был возглавить делегацию в Москву. В преступлении обвинили оппозицию, и Рахмонов заявил на митинге, что не сядет за один стол с убийцами.

Накат против переговоров вообще был сильный. Приводились доводы, что никого тегеранская оппозиция не представляет, хотя имена тех, с кем мы разговаривали, были согласованы с таджиками, утверждены в Москве. Пустили, не без помощи некоторых наших военных, слух о том, что Абдулло Нури, верховный лидер исламистов, дезавуировал тегеранцев. На поверку выясняется, что заявлений такого рода со стороны Нури нет, все наоборот, он поддерживает переговоры. Но и на эти темы я с Рахмоновым говорить не стал, упирал на то, что переговоры, имеющие целью национальное примирение, еще больше повысят его авторитет. И услышал в ответ такие слова: «Вы самый уважаемый в Таджикистане человек, и я направляю в Москву делегацию».

Теперь начали тянуть таджики с той стороны. Это волновало меня меньше: если они сорвут переговоры, то вся ответственность ляжет на них. МИД и о таком варианте предупреждал. Позже узнал, что Тураджонзода не капризничал. От своих людей в Таджикистане и от иранцев до него доходили слухи, что в Москве его могут убить. Скорее всего, его запугивали, пытаясь в последний момент помешать московским переговорам. Изобретательный «Бах» Хакимов уговорил министра выдать двум исламским лидерам на короткий срок российские дипломатические паспорта, случай беспрецедентный. Дело накануне переговоров усугубилось еще и тем, что военные собрались проводить учения миротворческих сил с танками и самолетами, да еще вблизи Тигровой балки, уникального таджикского заповедника.

Так что когда 5 апреля 1994 г. в Москве начались таджикско-таджикские переговоры, это был действительно прорыв. Присутствовали наблюдатели от ООН, России, Афганистана, Ирана, Узбекистана, Казахстана, Киргизии, Пакистана. На начальной церемонии министр Козырев предупредил: «В России не поймут, если одна из сторон покинет переговоры и возьмется за оружие». Это стало камертоном на весь длительный процесс. Переговоры – их второй раунд состоится, как и договаривались, в Тегеране (июнь 1994 г.), третий в Пакистане (сентябрь), а всего их будет восемь, – так и пойдут со спадами и подъемами и под аккомпане-

мент боевых действий. Ни та ни другая сторона длительное время не отказывалась от силы как решающего средства воздействия на противника. От нас требовалось постоянное внимание, как в том, что касается правительства и оппозиции, так и в том, что касается посредников ООН. У душанбинцев складывалось впечатление, временами обоснованное, что ООН поощряет оппозицию и недолюбливает правительство («прокоммунистическое», как выражались ооновцы, хотя коммунистического в нем точно ничего не было). Мы не стеснялись при необходимости указывать, что в позиции Организации Объединенных Наций имеется перекося, который надо исправить. Но то, что с самого начала к таджикскому урегулированию удалось подключить ООН, было крупным достижением. В целом она и ее военные наблюдатели – мы долго пытались их привлечь, что и удалось в октябре 1994 г., – сыграли положительную роль.

Общая для всего постсоветского пространства борьба за власть, за раздел и передел собственности сплела в один клубок в Таджикистане социально-экономические, кланово-родственные, региональные и религиозные противоречия. Их конгломерат принял причудливые формы современных политических движений. Здесь не подходило прямолинейное деление на демократов и бывших коммунистов с безусловной поддержкой первых и априори отметания вторых, что превалировало в нашем первоначальном отношении к таджикским событиям.

Значение религиозного фактора, возможно, преувеличивалось, порой он использовался как жупел соседним Узбекистаном. Какое-то время Ташкент не проявлял активности в деле национального примирения в Таджикистане, уповая больше на силу. Но с первых месяцев 1994 г. Узбекистан и его президент Ислам Каримов внесли существенный вклад в достижение договоренностей между Душанбе и оппозицией. Реальной угрозой исламский фундаментализм стал позднее, не в последнюю очередь в силу жестких методов правления в среднеазиатских странах. Тем не менее, если бы мы продолжили поддерживать коалицию ДПТ и ПИВТ (это им хотели передать 201-ю), то с учетом слабости первых и более организованной силы вторых могли бы сыграть на руку тем в Таджикистане, кто втайне вынашивал идеи исламистского государства. На это были нацелены усилия ряда стран Ближнего Востока, международных мусульманских организаций.

В те времена бывшие советские республики сравнивали с чемоданом без ручки: и тащить тяжело, и бросить жалко. Россия

не бросила. Уйди мы из Таджикистана, кто заполнил бы вакуум?! Не получилось бы так, что исламский экстремизм раскачал бы, пользуясь выражением Назарбаева, одну бывшую республику за другой. Уйди мы из Средней Азии, не превратилась бы она в котел, постоянно хлопочущий у наших границ? Таджикистан остался на российской орбите, и решилось это в 1992–1994 гг.

Активно поддерживая правительство Таджикистана, мы одновременно весь наш вес бросали на достижение примирения между таджиками, сдерживали, как могли, воинственные настроения и правительства, и оппозиции. Куда было воевать дальше? Жертвы таджиков, узбеков, русских, прежде всего среди мирного населения, были огромными. Позже были названы такие цифры: погибли более 60 тыс. человек, пропали без вести 100 тыс., 55 тыс. детей остались сиротами. Беженцы и вынужденные переселенцы насчитывались сотнями тысяч. Промышленность была парализована, сельское хозяйство разрушено. Материальный ущерб от войны оказался сопоставим с национальным доходом республики за 15 лет. Из всех конфликтов, разгоревшихся на постсоветском пространстве после «бескровного» упразднения СССР, таджикский был наиболее разрушительным.

Посадила таджиков за стол переговоров Россия, это можно сказать с полной определенностью. Она же удерживала их за переговорным столом, когда возникал очередной тупик. Вместе с тем мы всегда исходили из того, что не можем достичь договоренности за таджиков. В условиях тяжелейшей кровавой встряски, в атмосфере взаимной ненависти и продолжающихся вооруженных столкновений мирный процесс не мог не быть долгим. Он занял три с половиной года. 27 июня 1997 г. в Москве, там, где начались переговоры, Эмомали Рахмонов и лидер ОТО Саид Абдулло Нури подписали Общее соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане. Россия – один из международных гарантов этого соглашения.

Рахмонов поделился властью, отдав оппозиции 30% властных полномочий на разных уровнях, от правительственного до местного. Таджикистан оказался единственным среднеазиатским государством, где исламисты были допущены в правительство. Несколько тысяч боевиков нашли место в гражданской жизни, огромное число беженцев репатриировано. Многие из того, что Рахмонов, отдал, Рахмон, как теперь именуется таджикский президент, отыграл назад, ряд обещаний, касающихся демократических

реформ, не выполнил. Но это уже сюжет для другого рассказа, к сожалению, не очень веселого.

Было бы прегрешением против истины утверждать, что российские солдаты ни разу не были вовлечены в межтаджикские столкновения. Но пограничники, бойцы 201-й дивизии главным образом, давали отпор вооруженным нападениям. Потери мы понесли сравнительно небольшие.

Есть законная гордость за то, что Россия добилась в 1992–1994 гг. основных целей, которые ставила перед собой. (Если вспомнить перечень, предложенный Гайдару, он оказался полностью выполненным.) Причем добилась почти исключительно мирными средствами, даже если обе стороны пытались втянуть Россию в свою борьбу. Мы не сделали из Таджикистана свой протекторат, хотя не раз высказывалась просьба об опеке со стороны России и даже о вхождении в ее состав. Кстати, тем более беспочвенны утверждения о геноциде русских.

*«Россия в глобальной политике», М., 2012 г.,
Т. 10, № 4, июль-август, с. 95–110.*

Александр Шустов,
политолог
**ПОЛУЧАТ ЛИ США ВОЕННУЮ БАЗУ
В УЗБЕКИСТАНЕ?**

Геополитическая реконфигурация Центральной Азии, последовавшая за «арабской весной» постепенно приобретает все более отчетливые очертания. Одним из ее результатов может стать переход Узбекистана, недавно заявившего о приостановлении членства в ОДКБ, в лагерь военно-политических союзников США. И это – на фоне продолжающихся попыток Вашингтона свести на нет влияние Москвы в Киргизии и Таджикистане, где расположены российские военные базы.

15–17 августа 2012 г. состоялось трехдневное турне помощника госсекретаря США Роберта Блэйка по странам Центральной Азии. Первоначально он планировал посетить Киргизию, Узбекистан и Казахстан. В Астане предполагалось провести презентацию «Нового Шёлкового пути» – активно продвигаемого Соединенными Штатами проекта региональной интеграции, нацеленного на изоляцию России от важнейших трансконтинентальных коммуникаций в Евразии. Однако в последний момент график визита

Р. Блэйка неожиданно был изменен в пользу Ташкента. 15 августа помощник госсекретаря США был принят президентом Узбекистана Исламом Каримовым. 16 августа в Министерстве иностранных дел Узбекистана состоялись третий раунд узбекско-американских политических консультаций и узбекско-американский бизнес-форум. Официально было сообщено, что на переговорах обсуждался «широкий круг вопросов двустороннего взаимодействия, в числе которых вопросы сотрудничества в политической, торгово-экономической, социальной сферах и в области безопасности». Ни о каких конкретных договоренностях, если не учитывать наметившуюся активизацию торгово-экономического сотрудничества, не сообщалось. На деле, однако, такие договоренности, по-видимому, все же имели место.

Главной интригой визита Р. Блэйка в Ташкент стало высказанное накануне казахстанской газетой «Литер» предположение о возможности размещения в Узбекистане военной базы США. Такой шаг, по мнению газеты, вытекает из внешнеполитического курса Ташкента, лишь на короткий период после андижанских событий 2005 г. вынужденно установившего союзнические отношения с Россией. Газета предположила, что Узбекистан войдет в число ключевых союзников США и это даст ему военную и финансовую помощь, а также «определенные гарантии относительно внешних и внутренних узбекских отношений». Кроме того, Ташкент сможет «спокойно отпустить вожжи в отношениях с соседними странами, с которыми часто возникают ресурсные споры», а США, разместив свои военные объекты в Узбекистане, получат возможность влиять на Россию и Китай.

По всей видимости, публикация в «Литере», который является органом правящей в Казахстане партии «Нур Отан», появилась не случайно. 23 августа российская газета «Коммерсант» со ссылкой на источники, близкие к МИД Узбекистана, сообщила, что Вашингтон и Ташкент начали переговоры о создании на узбекской территории Центра оперативного реагирования с задачами «координации действий» на случай обострения ситуации после намеченного на 2014 г. вывода войск США из Афганистана. Речь, по словам источника «Коммерсанта», идет о крупнейшем военном объекте США в Центральной Азии. Прояснился и смысл планов США оставить часть вывозимой из Афганистана военной техники странам региона. Большая ее часть достанется Узбекистану и будет использована для создания упомянутого Центра оперативного

реагирования. Часть оборудования передается Узбекистану безвозмездно, другая – на временное хранение.

Американцы уже имеют опыт использования военных баз в Узбекистане. С 2001 по 2005 г. на военном аэродроме в Ханабаде, расположенном на территории Кашкадарьинской области в 10 км от города Карши, находилась военная база США, получившая название «Карши-Ханабад». Статус базы регулировался соглашением, заключенным в октябре 2001 г. США фактически заново построили аэродром, разместив на нем эскадрилью военнотранспортных самолетов С-130, около десяти вертолетов Black Hawk и 1500 военнослужащих. База в Карши-Ханабаде использовалась для поддержки военных действий США в Афганистане. «Медовый месяц» в отношениях двух стран закончился после того, как США под давлением общественности потребовали от узбекских властей независимого расследования андижанских событий 2005 г. В июле 2005 г. Узбекистан заявил, что США должны прекратить использование базы в течение полугода, и в ноябре последний американский самолет покинул Карши-Ханабад. Авиация частично была переброшена в Баграм, частично – на базу США в киргизском аэропорту «Манас».

Создание Центра оперативного реагирования, о котором пишет «Коммерсант», предполагает гораздо более серьезное американское военное присутствие. Часть американских войск, оставляя Афганистан, продвинется на север, на территорию бывшего СССР. На новой военной базе США, если американцы ее получают, должны базироваться, помимо боевой и военно-транспортной авиации, также и бронетехника, транспорт, помещения для военнослужащих, склады с продовольствием и вооружением и т.п. Численность размещенных здесь войск значительно превзойдет ту, что была на авиабазе в Карши-Ханабаде. В Вашингтоне, таким образом, рассчитывают сделать своим союзником крупнейшую по численности населения и вторую по экономическому потенциалу страну Центральной Азии с исключительно выгодным географическим положением. Узбекистан граничит с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Туркменией, Афганистаном и находится в непосредственной близости к границам Китая и Ирана. Все эти страны окажутся в зоне прямой досягаемости тех сил и средств, которые предположительно разместятся на новой военной базе США.

В этих условиях Москва не может не предпринимать шаги по укреплению своих позиций в Киргизии и Таджикистане. В се-

редине августа в Киргизии завершились двухдневные переговоры между президентом Алмазбеком Атамбаевым и российской делегацией во главе с первым заместителем председателя Правительства РФ Игорем Шуваловым. Осенью планируется подписать три соглашения: о сотрудничестве в военно-технической, экономической и энергетической сферах. Крайне важное для Киргизии соглашение с российской стороной о строительстве ГЭС «Камабарата-1» и Верхненарынского каскада ГЭС планируется подписать еще до 15 сентября. Самое главное – Киргизия согласилась на подписание соглашения о создании на ее территории объединенной российской военной базы (срок действия соглашения – 15 лет). Остается, однако, нерешенным вопрос: продолжит ли после 2014 г. действовать авиабаза США в Манасе или же Алмазбек Атамбаев выполнит, наконец, свое предвыборное обещание, и база будет закрыта.

Неясно и место в новой расстановке сил Таджикистана, с которым Москве пока не удается договориться о сроках размещения 201-й российской базы. По неофициальной информации, таджикское руководство предложило Москве на время отказаться от подписания нового соглашения, выразив готовность продлить действие нынешнего договора. Дескать, после 2018 г. в Душанбе будут готовы заключить соглашение на тех условиях, которые устраивают Россию. Дело в том, что в 2013–2014 гг. республике предстоят президентские и парламентские выборы, и не исключена смена руководства (желающие занять место Э. Рахмона имеются; поддержка, в том числе за океаном, у этих желающих тоже есть). Поэтому устроит ли российскую сторону оттягивание решения вопроса по 201-й базе сказать трудно.

В случае если в Узбекистане действительно появится Центр оперативного реагирования США, Россия будет поставлена перед необходимостью решать принципиально новые геостратегические задачи. Вместо временных, как утверждалось ранее, баз, предназначенных для снабжения войск НАТО в Афганистане, полномасштабная американская военная база будет развернута на неопределенно длительный срок на территории, еще недавно составлявшей единое с РФ государство. А это равнозначно тому, как если бы Россия разместила свою военную базу в Мексике, Никарагуа или на Кубе...

Ислам Каримов: Деструктивные силы пытаются подвергнуть сомнению правильность избранного пути

Президент Узбекистана Ислам Каримов в своем выступлении на торжествах, посвященных 21-летию независимости республики, призвал соотечественников беречь как зеницу ока мир и спокойствие, атмосферу доброты и милосердия, гражданского и межнационального согласия в обществе, сообщает 12news.117. «Неспокойный и сложный период, продолжающийся на протяжении многих лет в ближнем и дальнем зарубежье, конфликты и противостояния в нашем регионе и все более обостряющаяся напряженность требуют от нас постоянной бдительности, чуткости, готовности пресечь и нейтрализовать все попытки, представляющие угрозу нашей безопасности», – отметил Ислам Каримов.

По его словам, достижение поставленных рубежей и огромные успехи в ходе осуществленной в годы независимого развития огромной работы, кардинально изменившей сознание, мировоззрение и жизнь народа, дались ему нелегко. «Мы должны всегда помнить, что на этом пути наш народ, какие бы угрозы в его адрес ни звучали, какие бы суровые и тяжелые испытания ни пришлось ему пережить, всегда оставался преданным идее независимости и достиг нынешних светлых и благополучных дней прежде всего благодаря своему трудолюбию, мужеству и стойкости», – считает узбекский лидер.

Он обратил внимание на то, что и сегодня есть немало деструктивных сил, которые пытаются подвергнуть сомнению правильность избранного страной пути, сбить с толку молодежь, не испытавшую трудных дней, пережитых народом, извратить суть и значение независимости государства и вновь вернуть его к прежним условиям бесправия и зависимости.

«Однако такие силы должны четко уяснить себе, что сегодня мы – совсем не те наивные люди 1990-х годов, не имеющие достаточного политического опыта. Сегодня мы – народ, закалившийся в испытаниях и трудностях переходного периода, с твердым мировоззрением, активной политической, гражданской и социальной позицией. Наш народ, прежде всего сформировавшееся в годы независимости молодое поколение с самостоятельным мышлением, растущим уровнем самосознания, с большой уверенностью смот-

рит в будущее и никогда, я повторю: никогда не свернет с избранного собственного пути развития», – резюмировал глава Узбекистана.

* * *

Глава МИД Узбекистана: У нас не будет никаких иностранных военных баз

Сенаторы утвердили предложенную президентом Исламом Каримовым «Концепцию внешнеполитической деятельности Узбекистана», в которой подчеркивается, что Узбекистан не допускает на своей территории размещения иностранных военных баз и объектов. Как передает 12news.uz, соответствующий закон был одобрен 30 августа на открывшемся в Ташкенте 9-м пленарном заседании Сената Олий Мажлиса (парламента).

Иностранные военные базы и объекты в Узбекистане размещаться не будут, подтвердил глава узбекского МИДа Абдулазиз Камиллов, выступая 30 августа перед сенаторами. «В Узбекистане не будет никаких иностранных военных баз и объектов. Тем более не будет никаких оперативных групп слежения», – подчеркнул Камиллов. Ранее в СМИ появились сообщения о планах создания на территории Узбекистана специального Центра оперативного реагирования, главной задачей которого станет координация действий на случай обострения ситуации после вывода большей части американских войск из Афганистана в 2014 г.

Камиллов сообщил также, что Узбекистан имеет право выхода из государственных образований, если они трансформируются в военный блок, передает РИА Новости. Он подчеркнул, что узбекская армия не участвует в миротворческих операциях за рубежом. «Узбекский солдат никогда не будет воевать в зарубежных странах», – заявил Камиллов.

«Медина ал'ислам», М., 2012 г., сентябрь, с. 6–11.

Адиб Халид, эксперт по Центральной Азии (США) ПОСТСОВЕТСКИЕ СУДЬБЫ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ИСЛАМА

В 1991 г., накануне распада Советского Союза, я невольно оказался вовлеченным в беседу двух мужчин, стоявших рядом со

мной в очереди в одном из ташкентских кафе. Они были рады встрече с человеком «оттуда», из внешнего мира, доступ к которому еще совсем недавно был закрыт. Мужчинам особенно импонировал тот факт, что их иностранный собеседник оказался мусульманином. Наконец подошла моя очередь, и я поспешил уединиться в уголке, чтобы приступить к трапезе. Однако спустя несколько минут мои новые знакомые, не спрашивая разрешения, подсели ко мне за столик с бутылкой водки и предложили тост за встречу с мусульманином, прибывшим из-за рубежа. Их чувства были вполне искренними: очевидно, мысль о том, что наше знакомство следует непременно отметить употреблением большого количества алкоголя, не выглядела для них странной.

Этот случай, едва ли воображимый в какой-либо другой мусульманской стране, как нельзя лучше иллюстрирует роль ислама в жизни среднеазиатских национальных обществ в конце советской эпохи. Что означало быть мусульманином после 70-летнего советского правления? СССР распался в 1991 г., и в последующие годы среднеазиатский регион, подобно многим другим, стал свидетелем религиозного возрождения. Присутствие ислама стало более ощутимым в Средней Азии, что привело к появлению в общественном мнении представления о безудержном религиозном фундаментализме, угрожающем существующим в регионе светским политическим режимам. Однако гордость от ощущения себя мусульманином (как и желание узнать больше об остальном исламском мире) и достаточно распространенное игнорирование запретов, связанных с исламом, парадоксальным образом продолжают сосуществовать.

Историческая литература, освещающая советский и постсоветский периоды, едва ли способна дать приемлемое объяснение этому парадоксу. Ощущается серьезный недостаток, связанный с отсутствием сравнительно-исторического подхода к данной проблеме. Доминирующие в историографии работы экспертов-политологов, получивших образование в области советологии или русистики, часто игнорируют наработки других академических направлений, таких как исламоведение или сравнительное изучение мусульманских обществ. Имеющаяся литература недооценивает влияние и роль государство- и нациестроительства в советскую эпоху, что не могло не сказаться на понимании среднеазиатского типа ислама в целом. Ислам, таким образом, представляется как нечто заданное, как некая монолитная система

верований, которая предопределяет политические действия ее приверженцев.

И это не удивительно. Вскоре после революции 1917 г. Средняя Азия выпала из поля зрения исламоведов: ее изучение стало уделом ученых, работающих в рамках *nationalities studies* – советологической субдисциплины, которая в духе ориентализма постулировала уникальность своего предмета и не питала особых симпатий к сравнительному методу и концептуальным инодисциплинарным подходам. Исследователи симпатизировали советским мусульманам как жертвам коммунизма, хотя само это отношение основывалось на противоречивом и эссенциалистском взгляде как на коммунизм, так и на ислам. Поскольку в качестве архетипов они рассматривались как враждебные друг другу явления, в глазах адептов подобного подхода ислам представлял едва ли не самую большую внутреннюю угрозу советскому государству. В соответствии с этой логикой, приверженность исламу автоматически приобретала в советском контексте политическое значение. Несмотря на то что некоторые специалисты по несоевским мусульманским обществам оспаривали эти утверждения еще в годы «холодной войны», а за последнее десятилетие вышел ряд серьезных исследований, посвященных среднеазиатским аспектам религиозной политики, характерный для эпохи «холодной войны» взгляд, автоматически приписывающий политическое значение исламу, продолжает оставаться в центре дебатов. Правда, нынешняя ситуация существенно отличается от советской: из жертвы советского гнета ислам перекалфицировали в угрозу региональной безопасности, демократизации и процессу становления открытых обществ.

Такая позиция характерна и для русскоговорящих ученых из республик бывшего Советского Союза, в чьем академическом багаже преобладают объективистские и позитивистские представления о природе социального, способствующие, в свою очередь, формированию эссенциалистского восприятия ислама. Многие постсоветские исследователи усматривают наличие причинно-следственной связи между приверженностью среднеазиатских народов мусульманству и характером их политической активности. «Появление ислама на политической арене вполне закономерно, – утверждает Алексей Малашенко, один из известных российских политологов. – Он является феноменом политики и естественной частью исламского общества, без которой последнее было бы “неполным”». Другие исследователи указывают на существование характерной для среднеазиатского общества традиции, статичной

и сопротивляющейся историческим изменениям. Современная политическая ситуация в регионе, по их мнению, просто воспроизводит древние модели власти. Так, в представлении С. Полякова традиция «является полным отвержением чего-либо нового, привносимого извне в привычный, “традиционный” образ жизни. Традиционализм не только противостоит нововведению; он активно требует постоянного выправления образа жизни в соответствии с древней, примордиальной, или классической моделью». По мнению Д. Вайсмана, среднеазиатская политическая модель «действительно представляет собой слепок с добольшевистской политической структуры. Изменились только названия должностей, которые занимали местные политические деятели. Рашидов, первый секретарь Коммунистической партии Узбекистана в 1959–1983 гг., в прошлом мог бы быть ханом или эмиром; члены его партбюро – визирями, а аппаратчики из ЦК – придворными фигурами по бухарскому, кокандскому или хивинскому образцу».

Подобный анализ противоречит выводам западных исследователей, изучающих исламские общества в историческом, антропологическом и религиозном аспектах и подчеркивающих, что «классического», первозданного или эссенциализированного ислама, который бы определял политическую активность мусульман, не существует вовсе. Согласно этой трактовке, ислам представляет собой скорее систему интерпретаций, внутренне разнообразную и полифоничную, внутри которой могут дискутироваться и оспариваться даже основные его постулаты. Тот факт, что ислам не превратился в Церковь, свидетельствует о том, что исламская традиция сохраняет значительный заряд плюрализма – даже больший, чем в других семитических религиях. То, что подразумевают под исламом сами мусульмане, зависит от конкретного контекста. Все они ощущают бремя собственных исторических традиций, которые и определяют не только их отношение к исламу, но также и то, какие институциональные формы эта религия принимает в обществе и какую роль играет в построении социальной идентичности.

Современное положение ислама в Средней Азии может быть осмыслено только в контексте советской истории. Настойчивые попытки советского государства, направленные на секуляризацию и насаждение этнонациональных идентичностей, имели следствием значительные изменения в жизни среднеазиатских обществ. После распада Советского Союза регион был вовлечен в процесс реисламизации, который, будучи не до конца естественным

по своему характеру, остается контекстуально (и институционально) связан со структурами, унаследованными от советской эпохи, а также с мировой конъюнктурой, специфичной для начала XXI столетия.

Ислам в годы советского правления

В отличие от нерешительных правителей имперского периода, большевики энергично приступили к целенаправленной реализации утопического проекта радикальной трансформации общества и личности. 20-е годы прошлого столетия вошли в историю Средней Азии как эпоха культурной революции, включавшей в себя несколько компонентов: замену исламской образовательной модели сетью современных светских школ; кампанию по борьбе с безграмотностью; революционные нововведения в орфографии, приведшие к латинизации алфавита тюркских народов СССР; критику обычаев и традиций в целом.

Два аспекта программы культурной революции представляют в нашем случае интерес.

Во-первых, это радикальная социальная трансформация, повлекшая за собой изменения в форме собственности и статусе старой элиты (уже и так пострадавшей к тому времени из-за экономического кризиса, вызванного Гражданской войной) и возникновение новой элиты.

Во-вторых, фронтальное наступление на религию во всех ее проявлениях.

Кульминацией наступления на традиционный образ жизни стал хужум – кампания, направленная на удаление из повседневного быта женской паранджи. И хотя «материальная» сторона хужума была связана именно с паранджой (тысячи женщин расставались с ней публично, бросая вызов традиции), символическая сторона этой политики выражала отношение государства к местным обычаям и традициям, которые подлежали обновлению в более «рациональном» ключе. В краткосрочной перспективе тактика хужума, со всеми его эксцессами, была неудачной и даже контрпродуктивной: обычаи, которые должны были уйти в прошлое, стали неотъемлемым маркером местной идентичности, сформировавшейся в ответ на репрессивно-агрессивные устремления государства. Однако в долгосрочной стратегической перспективе многие цели кампании были реально достигнуты: паранджа исчезла, позволив большому количеству женщин влиться в состав рабочего

класса, трудившегося в печально известном хлопковом секторе экономики.

В 1920–1930-х годах сотни медресе и суфийских лож были закрыты: часть из них уничтожили, часть использовали в других целях, некоторые сохранили как «памятники архитектуры». Мечети закрывались, а во многих случаях и сознательно разрушались; вакуфная собственность конфисковывалась; духовенство и богословы (улемы), выглядевшие в глазах государства одновременно и врагами разума, и «врагами народа», безжалостно преследовались, уничтожались, отправлялись в концентрационные лагеря или же лишались средств к существованию, что вынуждало их уходить в подполье. Эта политика нанесла сокрушительный удар по исламу как религии, лишив его возможности регенерации. Вдобавок, изоляционистская политика советского государства привела к разрыву связей с внешним мусульманским миром. Средняя Азия оказалась фактически отрезанной от остального исламского мира.

Таким образом, ислам в Советском Союзе был провинциализирован и отождествлялся с традицией. В условиях, когда мусульманские образовательные учреждения оказались упраздненными, ряды хранителей сакрального знания значительно поредели, а историческая преемственность стала проблематичной из-за изменений в письме, семья превратилась в единственное средство трансляции исламской традиции. Однако поскольку публикация новых религиозных текстов была невозможна, а устная передача опыта часто затруднена, доступ к религиозному знанию, как правило, ограничен.

Одно отступление от доминировавшей политической линии советским властям пришлось сделать под давлением обстоятельств военного времени. В 1943 г. советское правительство санкционировало учреждение Среднеазиатского духовного управления мусульман (САДУМ). Эта официальная организация, подотчетная Совету по делам религиозных культов, занималась регулированием жизни религиозных общин в регионе. Роль САДУМ была двойственной, поскольку Духовное управление имело целью не только контролировать религиозную деятельность, но и в равной степени способствовать ей. Бюрократические структуры, подобно этой, чужеродны исламской традиции, не признающей авторитета официальных представителей светской власти в делах веры и культа, поэтому полномочия САДУМ никогда не принимались мусульманами безоговорочно. Тем не менее управление смогло способствовать обучению небольшого числа теологов и организации ста-

жировок для некоторых из них в высших учебных религиозных заведениях зарубежья.

Развитию ситуации сопутствовал еще один важный фактор: возникновение и консолидация стойких этнонациональных идентичностей в регионе. В Советском Союзе осуществлялся, пожалуй, самый грандиозный в человеческой истории проект нациестроительства. Дискурсы национализма и нации проникли в Среднюю Азию задолго до революции 1917 г., поэтому усилия советского режима, направленные на формирование национальных идентичностей у среднеазиатских народов, попадали на благодатную почву. В роли хранителя национального наследия выступала региональная интеллигенция – порождение советской власти. Интеллигенты находили возможность заработка в системе высшего образования: университетах, институтах и академиях, щедро финансируемых государством. Замешанный на национализме шовинизм, естественно, не мог фигурировать в официальном дискурсе, основанном на идеологемах «дружбы народов», «советского интернационализма» и «главенствующей роли великого русского народа, старшего брата». Тем не менее это не помешало национальным интеллигенциям во всех пяти среднеазиатских советских республиках вполне уверенно артикулировать собственные национальные идентичности за десятилетия до завершения советской эпохи. Период «развитого национализма» (разумеется, до того, как он перешел в эпоху застоя) был «золотым веком» для представителей национальных интеллигенций. Это было время, когда союзные республики управлялись национальными партийными элитами, использовавшими политические принципы, далекие от провозглашенных официально.

Выполняя экономические обязательства перед Центром и удерживая политические притязания под контролем, республиканские лидеры получали карт-бланш на управление на местах. Схема подразумевала исполнение предписанной Среднеазиатскому региону роли хлопковой плантации: несмотря на значительный промышленный рост, хлопковая монокультура доминировала в экономиках всех среднеазиатских республик за исключением Казахстана. Эта монокультура взрастила местный политический класс, хорошо приспособленный к условиям функционирования советской системы. Пребывание Брежнева на посту первого секретаря Коммунистической партии СССР протекало на фоне такого же длительного пребывания у власти Шарафа Рашидова в Узбекистане и Динмухамеда Кунаева в Казахстане.

Впрочем, влияние советской власти никогда не было столь сильным, чтобы заменить региональные общности чисто советскими. В действительности, в структурном отношении низовые ячейки государственных и партийных организаций часто совпадали с границами традиционных социальных локальных образований. В городах, к примеру, партийные и государственные организации основывались на махалля, исторически служивших генераторами социальных взаимосвязей и коллективной памяти и выполнявших эту же функцию в советскую эпоху. В деревнях колхозы являлись элементами системы общностей, основанных на родстве. Реальная власть на низшем уровне оставалась у местной администрации. Партийные лидеры, подобные Рашидову или Кунаеву, находились на верху политической пирамиды, основание которой составляла разветвленная сеть локальных общностей.

Именно эти общности являлись источниками сохранения ислама в советских среднеазиатских республиках. В каждом колхозе, по всей видимости, были: мечеть, фигурировавшая в официальных документах как складское помещение или место для собраний; имам, получавший зарплату как тракторист или механик. Культовая обрядность обеспечивалась людьми, происходившими из одного из уважаемых местных родов; они передавали знания, часто весьма скудные, членам своих семей. Прежние формы отправления культа продолжали существовать, однако появились и новые, позволявшие обходить установленные властью ограничения. Паломничество к святыням и гробницам было неотъемлемой частью исламской традиции в Средней Азии; в советскую эпоху оно стало еще и наиболее распространенной формой проявления религиозного благочестия, поскольку совершить настоящий хадж не представлялось возможным. Суфизм также получил широкое распространение. Государственный контролирующий аппарат не мог оставаться вне влияния системы локальных общностей и не препятствовал распространению суфизма, постольку поскольку приверженность этому учению не приобретала угрожающих масштабов. Профессиональным пропагандистам атеизма оставалось только с сожалением констатировать факт устойчивого влияния религии и традиции на население.

Локальные общности действительно позволили выжить исламской традиции в Советском Союзе, но они также наложили на нее свой отпечаток. Идентичность мусульманина определялась не только соблюдением религиозных норм и предписаний. Скорее наоборот, внешняя принадлежность к исламу стала маркером на-

циональной идентичности, для артикуляции которой не требовалось ни проявления набожности, ни следования религиозным установкам. Ислам стал рассматриваться как неотъемлемая часть национальных традиций и обычаев, отличающих среднеазиатские народы от их соседей. В число таких традиций входили: обрезание мальчиков (к которому неодобительно относилась советская медицина, превращая тем самым практику обрезания в акт оппозиции); поддержание системы патриархальных родственных общностей; соблюдение традиций и ритуалов. Такие мусульманские ритуалы, как застолья (туй), обрезание и бракосочетание, заняли главенствующее положение среди прочих национальных обычаев в брежневскую эпоху. В частности, застолью приписывали несколько значений: во-первых, оно служило отличительной (этнографической) особенностью среднеазиатских народов; во-вторых, способствовало утверждению определенного социального статуса внутри национального сообщества.

Расходы, связанные с приобретением труднодоступных потребительских товаров и просто предметов роскоши, являлись наиболее приемлемым способом повышения социального статуса и степени влияния в годы советской власти. Застолья, в том числе с участием членов партии (что превратилось в повсеместное явление), давали хороший повод засвидетельствовать свой статус. Однако редкий застольный церемониал обходился без обильного употребления водки, ставшего также частью национальной традиции. Похожим образом проходил обряд захоронения по исламским правилам на мусульманских кладбищах. Даже учитывая то, что традиции – довольно гибкий феномен (одни изобретаются, другим приписывается значение, которого они прежде не имели), именно они играли главную роль в процессе артикуляции национальной идентичности в советском историческом и культурном контекстах. Ислам находится в зависимости от национальных идентичностей. В то же время, жители Средней Азии – представители мусульманской цивилизации и традиции – являются частью современного мирового сообщества. В позднесоветскую эпоху ислам был главной составляющей идентичности, устанавливающей границы между местными (мусульманами из числа среднеазиатских народов) и пришлыми (европейцами или русскими). В определении идентичности акцент делался, таким образом, на обычай и стиль жизни. «Ислам» воспринимался как некая форма региональной идентичности (localism), практически не связанная с исламскими догматами и соответствующими ограничениями.

В трактовке ислама как явления, неотделимого от обычаев и традиций мусульманского сообщества, нет ничего нового. В до-модерный период подавляющее большинство мусульман именно так и понимало ислам, что было, впрочем, характерно для всех религиозных конфессий. С приходом эпохи модерна реформистские движения попытались отделить его от традиций и найти «подлинный ислам» в мусульманских текстах.

В Среднеазиатском регионе подобные намерения претворяли в жизнь приверженцы джадидизма – реформистского культурно-религиозного течения, стремящегося вернуть ислам к его «первоначальному виду», очистив от «примесей обычая» посредством прямого обращения к Корану. Джадиды, в частности, критически относились к застолям как бесполезному занятию, непредусмотренному исламскими религиозными канонами. Они также скептически смотрели на паломничества и суфийские духовные практики. В этом свете действительно парадоксальным выглядит следующий факт: целенаправленные модернизационные усилия советского режима в итоге имели противоположный эффект и фактически демодернизировали ислам. Однако нельзя утверждать, что произошел банальный возврат к ситуации, существовавшей до появления на арене джадидизма.

В советскую эпоху ислам стал частью цивилизационного и культурного наследия нации, вообразенной в форме этнической общности. Вместо того чтобы способствовать изменению традиции и основанных на ней практик, ислам сам стал ассоциироваться с традицией. Здесь, прежде всего, следует учитывать тот факт, что он существовал в деисламизированном общественном пространстве. Религиозная фразеология была чужда официальной риторике советского режима, подчеркивавшей ценности всеобщего человеческого прогресса; сама же религия рассматривалась как продукт человеческого воображения, свойственного определенному (примитивному) этапу общественного развития. Власти не уставали напоминать об идеологической функции религии как «опиума для народа». Жизнь советского общества не мыслилась вне стандартных средств социализации, включавших школьное образование и армейскую службу. Таким образом, ислам был вынужден функционировать в среде, принципиально неприемлющей какую-либо религиозную инфильтрацию.

Несмотря на все сказанное, он оставался нейтральным в политическом отношении: идентичность среднеазиатских народов была мусульманской, но отнюдь не «панисламской». Не знакомые

с обычаями среднеазиатских народов приверженцы ислама из других стран не могли соответствовать критериям «мусульманскости», формально не исключавшей возможности антагонизма с другими азиатскими мусульманскими народами внутри Советского Союза и за его пределами. Подобная идентификация, разграничивающая местных и пришлых, тем не менее не вступала в противоречие с советской идентичностью среднеазиатских мусульман. Московские власти использовали Ташкент как своего рода витрину для представителей Третьего мира, демонстрируя собственные достижения в борьбе с отсталостью. Город принимал большое количество иностранных студентов, в том числе из мусульманских стран. Но как раз из-за указанной выше специфики идентификации гостей и хозяев едва ли могла связать некая устойчивая симпатия. Жители Средней Азии гордились тем, что являлись гражданами сверхдержавы, выступавшей против колониализма и порабощения. Во время пребывания за границей, особенно в мусульманских странах, советская идентичность возвышала их, позволяя считать себя «передовыми» по отношению к остальным единоверцам.

Советский вариант в сравнительной перспективе

Исторически сложилось так, что первоначально религиозные исламские институты развивались вне государственного контроля. Ситуация изменилась в Новое время. Для современных государств была характерна общая тенденция, выражавшаяся в стремлении придать новый вид исламу, установить бюрократический контроль над ним, «заставить его работать» на поддержание легитимности режимов и создание новых форм общественной морали. Эти попытки различались по интенсивности, которая зависела как от исторических особенностей того или иного социума, так и от степени использования государственной мощи. Однако общее правило оставалось непреложным: везде ислам испытывал на себе государственное воздействие. В этом смысле советский вариант не был уникальным. Тем не менее его отличали масштабы государственного влияния на исламские институты и долговечность самого режима.

В 1920 г. Ататюрк инициировал ряд культурных реформ в Турции, сходных по масштабу и целям с культурной революцией в Средней Азии. Турецкие реформаторы отказались от тотального наступления 1920-х годов на ислам, однако сумели поставить под

государственный контроль исламские институты, распустить суфийские ордена, разграничить шариат и гражданское право, ввести в действие Уголовный и Гражданский кодексы, составленные по европейскому образцу, и лишить привилегий священнослужителей. Ататюрк яростно выступал против «примитивных» религиозных практик, которым, по его мнению, не должно быть места в просвещенном обществе. Ислам, однако, не исчез окончательно из общественной сферы и образовательных заведений в Турции. В приемлемой для государства «национализированной» форме он продолжал оставаться основой нравственного обучения для всех учащихся.

Меньшей степенью радикальности отличались сходные процессы в Египте, Малайзии и Индонезии, где власти посягнули не только на исламское образование, но и религиозные обряды. Успехи в деле «национализации» ислама в странах со слабой государственной традицией, к примеру, в Бангладеш или Пакистане, не были столь существенными. Суровые гонения ислам испытал в социалистических странах, приступивших к полномасштабной трансформации общества и культуры: в Китае в эпоху культурной революции и в Албании (в годы правления Энвера Ходжи), в 1967 г. провозгласившей себя единственным атеистическим государством в мире. Впрочем, в обоих случаях религиозные гонения не затянулись на шесть десятилетий, как в СССР.

Попытка советских властей бюрократизировать ислам посредством САДУМ и его региональных аналогов, созданных в Европейской России, Северном Кавказе и Закавказье, не была единственной в российской истории. САДУМ имело предшественников в лице ранее учрежденных духовных собраний: «Оренбургского магометанского духовного собрания», созданного в Уфе указом Екатерины II для удовлетворения духовных нужд татар и башкир; Таврического (1831) и двух Закавказских духовных управлений мусульман (1872). В то время подобные учреждения не имели аналогов в истории ислама. После приобретения Боснии-Герцеговины в 1878 г. Габсбурги пытались сходным образом контролировать исламское влияние, а к началу XX в. во всех государствах Юго-Восточной Европы с мусульманским населением появились государственные контролирующие институты. Вскоре та же практика была взята на вооружение и в странах, большинство населения которых составляли мусульмане. В новоявленной Турецкой Республике религиозная деятельность находилась в ведении специально созданного управления (*Diyanet isleri Bakanligi*),

в состав полномочий которого входили регулирование отправлений культа и контроль над системой религиозного образования. Имамы превратились в государственных чиновников, а жизнь религиозных общин стала протекать под наблюдением государства. Примечательно, что управление обладало правом выносить суждения относительно ортодоксальности веры или отклонений от нее. Таким образом, в Турции появился «государственный ислам», имеющий собственную бюрократическую структуру. Недавно и французские власти создали Совет по делам мусульманского вероисповедания, открыто провозгласивший своей целью утверждение «официальной формы исламского вероисповедания во Франции».

Ислам в современной Средней Азии

Политика гласности и открытости, проводимая Михаилом Горбачёвым, ознаменовала наступление эры религиозного возрождения, продолжившейся и после распада Советского Союза. Сегодня открываются заброшенные мечети и строятся новые; тысячи паломников совершают хадж каждый год; публичное выражение набожности стало более заметным; печатаются религиозные тексты; молодежь получает доступ к религиозному образованию. То, что эти тенденции свидетельствуют о религиозном ренессансе, не вызывает сомнения, однако нередко его масштаб и влияние преувеличиваются. Многие наблюдатели, как в странах СНГ, так и за рубежом, указывают на наличие «исламской угрозы» в Среднеазиатском регионе. В соответствии с такой оценкой ситуации, часто высказываемой представителями региональных элит, а также западными комментаторами, следствием религиозного возрождения неминуемо должно стать появление ислама на политической арене, что может привести к дестабилизации всего региона и возникновению угрозы легитимности светских политических режимов. Более пристальный и внимательный взгляд на исламское: возрождение и его связи с глубинными культурными и социальными силами, с одной стороны, и с государственной властью – с другой, позволяет сделать вывод о том, что эти тревожные прогнозы совершенно неоправданны.

Сегодняшний исламский ренессанс возник в контексте открытого утверждения национальной идентичности – явления, типичного для всех советских республик в конце 1980-х годов. С исчезновением последних препятствий, воздвигнутых советским режимом, националистические дискурсы получили возможность

апроприировать культурное и национальное достояние. В Среднеазиатском регионе этот процесс был связан с возвращением к истокам – исламу и исламской культуре; восстановлением отношений с мусульманским миром, прерванных в годы доминирования советской ксенофобии, принижавшей значение исторических связей с несоветскими народами; поиском утраченных духовных и нравственных ценностей. Религиозный ренессанс в этом смысле глубоко национален, он является одним из аспектов обретения заново национальной идентичности. Возможно, внешне религиозное возрождение в России выглядело более захватывающе, чем в Средней Азии. Православная церковь завоевала устойчивое положение в государстве, действуют все московские кремлёвские храмы, сотни новых строятся по всей России. Однако в целом процесс носил универсальный характер и охватывал также большое количество немусульманского населения, проживающего в Средней Азии, преимущественно переселенцев из европейской части Советского Союза.

Влияние возрождающегося ислама было особенно ощутимым в одной из общественных сфер – в дискуссиях о гендерных ролях и, в частности, в риторике культурной аутентичности, проповедующей возврат к «действительно исламским» нормам повседневной жизни для женщин. Акцент на значении традиционного образа жизни стал неизменным компонентом споров о том, был ли необходим и, следовательно, осмыслен худжум. Примечательно, что дебаты о возрождении национальных традиций ведутся с большим успехом, чем дискуссии об исламизации повседневной жизни, поддерживаемые исламистскими идеологами. Из сравнительно небольшого числа увидевших свет исламских руководств, регулирующих поведение женщин, более половины составляют собственно переводы отечественных реформистских трактатов начала XX столетия. Переоценка общественной роли женщины имеет также и экономическую подоплеку: экономический кризис, разразившийся после коллапса советской системы, привел к существенному сокращению числа рабочих мест и даже к безработице.

Религиозный минимализм и сила традиции

Общественный дискурс в советскую эпоху оперировал материалистической терминологией, заимствованной из марксистской философии и опиравшейся на представления об универсальном человеческом прогрессе, побеждающем религиозные предрассуд-

ки. Ссылки на всеобщие законы исторического развития и социалистическое строительство, легитимировавшие доморощенный моральный императив, были обязательными для любого рода публичных заявлений. Мусульманство, подобно другим вероисповеданиям, исключалось из общественной сферы. В горбачёвскую эпоху частью советского дискурса стали «универсальные человеческие ценности», что, впрочем, не являлось основанием для включения в него ислама. Этим Средняя Азия отличалась от остального исламского мира (балканские мусульманские государства, возможно, также являлись исключением из правила), где исламские ценности (понимаемые и толкуемые, конечно, по-разному, но тем не менее остающиеся исламскими) являют собой общепризнанный социальный стандарт, формирующий пространство общественных дискуссий.

В Среднеазиатском регионе ситуация выглядела по-иному: несмотря на то что в годы перестройки присутствие ислама в общественной жизни стало более заметным, формы его распространения не претерпели существенных изменений. Религиозные знания репродуцируются в частной сфере, семейном кругу, в процессе индивидуального преподавания или же в контролируемых государством образовательных заведениях. Факт отсутствия исламского влияния в публичном дискурсе поражает: в нем встречаются только референтные ссылки – упоминать об исламе представляется возможным только в контексте других дискурсов (национальной идентичности, исторической судьбы, прогресса, просвещения и т.д.).

Ярким примером, подтверждающим этот тезис, служит литература о суфизме, изданная после 1991 г. Большею частью это брошюры и памфлеты, призванные ознакомить читателя с основными положениями суфийской философии и наследием суфийских мыслителей. Эти произведения, созданные преимущественно филологами или историками, предназначались для взрослой аудитории, имеющей слабое представление о суфизме (знание о котором, к примеру, в других мусульманских странах приобреталось верующими еще в детстве). И создатели, и потребители подобной литературы были одинаково дистанцированы от ее предмета, т.е. самого суфизма. Представленные в ней основные догматические положения были далеки от аутентичности и имели отдаленное отношение к оригинальным суфийским трактатам. В работах современных среднеазиатских авторов суфизм интерпретируется как региональная вариация гуманистической традиции и часть нацио-

нального достояния, гармонирующая с общечеловеческими ценностями и привносящая вклад в развитие человеческой цивилизации. Ассоциирующиеся с суфизмом чудеса имеют малое значение. Суфизм, как, впрочем, и ислам в целом, трактуется в экуменическом и космополитическом ключе как региональная культурно-историческая форма универсального явления – религии. Главное значение состоит в наличии связи с национальным наследием.

Религиозный ренессанс в Средней Азии практически не затрагивает повседневную жизнь. Мало кто печется о соблюдении основных запретов на употребление алкоголя и свинины. Ритмичность быта подчинена повседневным светским заботам и совсем не похожа на повседневность, скажем, в Турции. Как показывает исследование, проведенное Брюсом Привратски, жители Казахстана характеризуют свой образ религиозной жизни как *мусылманышлык*, в буквальном переводе «мусульманскость», или *таза жол* – «чистый путь», а отнюдь не как «ислам». По мнению исследователя, «это положение вызвано дискомфортом, связанным с восприятием ислама как идеологии, и свидетельствует о предпочтении опыта принадлежности к общине, воплощающего сущность исламского образа жизни». Этот опыт вовсе не обязательно должен быть освящен авторитетом Священного Писания. Для большинства казахов принадлежность к мусульманству определяется почитанием праведников и святых. Святые выступают гарантами *таза жол* для членов всей общины, в то время как святые (мечети и усыпальницы) придают территории, на которой живут казахи, подчеркнuto религиозно-символическое значение, выражая ее мусульманское качество. Община является *ipso facto* исламской, и благодаря тому, что некоторые ее члены (старейшины и приближенные к ним группы) придерживаются ритуального культа, остальная часть населения освобождена от следования ему. Исследование также зафиксировало низкий уровень знаний об исламе. К примеру, паломники, приходящие к гробнице Ахмеда Есеви, связывают ее историю именно с исламом, а не с суфизмом. Личность Ахмеда Есеви им известна лишь постольку, поскольку он считается основателем религиозной традиции в регионе. Немногие из казахов знают ритуальное возглашение веры на арабском языке (шахада) и довольствуются произнесением его казахского аналога: Ал-хамдулилла мусылманмын, «хвала Господу, я мусульманин».

«Религиозный минимализм» вовсе не означает, конечно, что казахи отказываются считать себя мусульманами, скорее наоборот, они усматривают в исламе неотъемлемую часть собственного об-

раза жизни. После распада Советского Союза этот взгляд, однако, столкнулся с вызовом со стороны более последовательных проявлений набожности. В Узбекистане и Таджикистане выражение религиозной приверженности диверсифицировалось из-за появления новых сект, возникших в результате усиления контактов с мусульманами, проживающими за рубежом. Последствия этих контактов, впрочем, легко преувеличить. Не только государственные власти, но и общественное мнение в целом настроено относительно к иностранному исламскому влиянию (арабскому, пакистанскому или турецкому), требовательному в части строгого соблюдения исламских норм. Такой подход к вере рассматривается как навязываемый извне и не соответствующий среднеазиатскому темпераменту.

В то же время, система школьного образования осталась принципиально светской: ни в одной из бывших советских среднеазиатских республик не было введено религиозное обучение. Последнее по-прежнему является уделом частной сферы, хотя теперь «за религию» не преследуют. Характерной особенностью социокультурных изменений последних лет стало появление отин – женщин, устно преподающих детям основы исламской веры. Возродились суфийские ордена, вполне легально рекрутирующие послушников. Очевидно, что вместо возвращения к «первозданному» суфизму нынешнее его возрождение, скорее всего, станет поводом для переосмысления его наследия и истории. Как отмечает один из узбекских исследователей, знание деталей суфийского ритуала у приверженцев этого течения часто поверхностное, не говоря уже о фактическом игнорировании старинных практик, в частности, обряда инициации. Контакты с суфийскими заграничными братствами возобновились: возрожденная суфийская святыня в окрестностях Бухары принимает большое количество паломников. Однако национальные и языковые барьеры по-прежнему ощутимы.

Постсоветский политический расклад

Взаимоотношения между религией и государством, с одной стороны, и между религией и дискурсами национализма и национальной идентичности – с другой, не претерпели существенных изменений после развала советского государства.

Во всех пяти среднеазиатских политических образованиях государство доминирует в политической и общественной сферах. Политические методы брежневской эпохи не ушли безвозвратно в

прошлое, что осложняло обретение независимости бывшими советскими республиками. В ходе кампании по борьбе с коррупцией Юрий Андропов и Михаил Горбачёв пытались нанести удар по устоявшимся внутривнутрирегиональным социальным связям. Результатом стало отстранение от должностей некоторых высокопоставленных чиновников, хотя сущность местной политики осталась прежней, а националистические настроения только возросли. Особенно ярко это проявилось в Узбекистане, где антикоррупционная кампания имела ощутимые последствия. Среднеазиатский регион отреагировал на независимость со значительной долей удивления – его население практически не поддерживало идею ликвидации союзного государства. Партийные функционеры здесь остались у власти и после того, как республики СССР стали суверенными. Их отношение к исламу не изменилось. С гораздо большей эффективностью бывшие партocrats разыгрывали национальную карту, делая ставку на национализм, взращенный еще в советскую эпоху.

Узбекский президент Ислам Каримов умножал свою популярность обещаниями превратить Узбекистан в великую державу. Транспарант с надписью «Узбекистан – великое государство будущего» красовался на улицах и площадях. В риторическом аспекте, обретение Узбекистаном независимости вписывалось в прерванную русским, а затем и советским империализмом традицию строительства «узбекской государственности» (узбек давлатчилиги), чьи истоки искали в древности. В соответствии с этим взглядом, апогеем процесса государственного строительства принято считать правление монголо-татарского завоевателя Тимура, фактически превращенного в отца нации. Разумеется, узбекская «государственническая традиция» имеет и собственное «золотое наследие» (олтин мерос), прославляемое режимом. Ислам составляет его часть, поэтому правящие элиты поспешили поучаствовать в реисламизации страны. Власти уважительно относятся к этому достоянию и призывают к заложенным в нем моральным и этическим ценностям. В соответствии с логикой новой официальной идеологии, суфизм принадлежит к гуманистической национальной традиции, а древние мечети достойны почитания как памятники архитектуры. Хадж отныне спонсируется на государственном уровне – Ислам Каримов совершил его лично. На правительственном уровне прошли помпезные чествования таких исторических фигур, как Аль-Бухари, Аль-Матуриди, Аль-Маргинани, а также видных мыслителей и культурных деятелей тюркского происхож-

дения – поэта Алишера Навои и известного астронома Мирзы Улугбека.

Туркменский президент (бывший первый секретарь Компартии Туркменской ССР) Сапармурат Ниязов избрал другой путь установления легитимности собственного режима. В официальной риторике туркменских властей акцентирование традиции государственного строительства почти незаметно: большее внимание политический режим уделяет прославлению племенных, этнических традиций. Ниязов присвоил себе титул Туркменбаши, «главы всех туркмен». Примечательно, что обращение к традиционалистскому дискурсу происходит в государстве, владеющем современными технологиями политического надзора и поддержания общественного порядка. Культ личности Ниязова восходит к сталинскому аналогу. В соответствии с ниязовской идеологической моделью ислам, бесспорно, связан с туркменской историей, но поскольку национальная идентичность туркмен имеет более раннее происхождение, он не может претендовать на центральное место в историческом нарративе.

Казахстан и Киргизстан, пожалуй, являются исключением из отмеченного выше общего правила, позволявшего бывшим партийным элитам без особых усилий оставаться у власти в 1991 г. В этих среднеазиатских государствах также раздаются заявления о «национальном возрождении» и «прерванном историческом развитии», но в более мягкой форме, что объясняется присутствием значительного русскоязычного меньшинства. В Северном Казахстане русские, к примеру, составляют большинство населения, что не могло не сказаться на стремлении этого региона к сближению с Российской Федерацией. Казахские власти попытались превратить в пантюркистскую святыню расположенное в г. Туркестан святилище, связанное с именем Ахмеда Есеви, великого суфийского учителя и основателя суфийского ордена, однако собственно этим присутствием исламской символики и образов в официальном риторическом дискурсе и ограничилось.

Таджикистан в данном контексте представляет особый интерес. Страна пережила лихолетье гражданской войны в 1992–1997 гг. – единственный кровавый постсоветский конфликт в регионе, серьезно подорвавший региональную экономику. Противостояние его участников, «коммунистов» и «исламистов», создавало впечатление, что в Средней Азии появился исламизм и исламский фундаментализм. Однако ярлыки, навешанные на противоборствующие стороны, только вводили в заблуждение. Отно-

шение сторон к исламу не имело в данном случае первостепенного значения и не определяло линию фронта, поскольку война имела региональный и клановый характер. Находившимся у власти элитам был брошен вызов со стороны местной кулябской группировки, выпавшей из конфигурации власти и маргинализованной еще в советскую эпоху. Возглавлялась она довольно влиятельными муллами, прозванными их оппонентами с целью дискредитации «исламистами». Все таджикское общество, вне зависимости от того, на чьей стороне оно находилось, было вовлечено в процесс «исламизации», включавший апроприацию символов исламского прошлого региона. Нет серьезных оснований полагать, что таджикские «исламисты» идеологически связаны с ближневосточными фундаменталистскими движениями. Гражданская война завершилась в 1997 г. подписанием мирного соглашения, предоставившего им доступ к власти. Последующее развитие политической ситуации в Таджикистане не позволяет говорить о каких-либо намерениях исламизировать государство, выказываемых со стороны бывших мятежников.

В некоторых среднеазиатских государствах заметны попытки использовать исламскую риторику в определенных целях. Однако заимствования из исламского лексикона в обществе, где присутствие религиозного сентимента незначительно, выглядят иногда несуразными. В 2001 г. пресс-секретарь Ниязова перусердствовал в восхвалении своего патрона, написав: «Сапармурат Туркменбаши – национальный пророк, ниспосланный туркменскому народу в третьем тысячелетии». Такое заявление, выглядящее в глазах большинства мусульман богохульным, само по себе забавно: комбинирование фраз из словаря сталинской эпохи, националистического советского жаргона и религиозной риторики превращает аппаратчика в национального пророка, ниспосланного туркменам в третьем тысячелетии христианской эры! С тех пор мания величия у Туркменбаши возросла многократно. Им опубликованы размышления о духовных ценностях, собранные в отдельной книге Рухнама, рекомендованной к обязательному чтению для всех граждан. Мудрые изречения из этого произведения соседствуют на стенах национальной мечети, строящейся в Ашхабаде, с цитатами из Корана.

Так или иначе, все среднеазиатские политические режимы с подозрением относятся к исламистской деятельности и стремятся держать под контролем исламскую пропаганду, используя при этом тактику советских времен. САДУМ кануло в Лету вместе с

Советским Союзом, чему способствовали несколько факторов. Во-первых, беспрецедентная публичная демонстрация в Ташкенте в 1989 г. привела к отставке старого руководства Управления; во-вторых, развалилась региональная структура организации, возникли ее национальные подразделения. К 1992 г. в каждой из бывших республик появилась собственная религиозная администрация. Официальное духовенство, улема, оставшееся с советских времен (большинство его составляли модернисты джадистского толка), потеряло фактическую власть; ее унаследовали консервативно настроенные представители улемы. Новые администрации имели государственный статус и контролировались центральной светской властью.

Все среднеазиатские политические режимы в той или иной мере пытаются держать религиозный истеблишмент на коротком поводке. Узбекский вариант в этом отношении наиболее показателен.

Множество толкований ислама

Использование исламской фразеологии нехарактерно для современной ситуации в Средней Азии. Более типичным для нее является активное освоение риторических приемов политическими режимами, оправдывающими авторитарные меры ссылками на «исламский экстремизм», «ваххабизм» и «исламскую угрозу». Положение в Узбекистане, где эта практика приняла крайние формы, составит предмет нашего анализа в заключительной части статьи.

Хотя узбекские власти не упускают возможности продемонстрировать свое уважение к культурному и духовному национальному достоянию, они не скрывают опасений по поводу угрозы со стороны «неправильного» ислама. Последний в их представлении не имеет отношения к духовному наследию и символизирует отсталость, мракобесие, фанатизм и способен только сбить нацию с пути к прогрессу. Ислам Каримов призывает «различать между духовными ценностями религии и определенными амбициями – политическими и иными агрессивными целями, – которые далеки от религии». В ряде других случаев он позволил себе даже большую степень откровенности. В транслируемом 1 мая 1998 г. в прямом эфире обращении к узбекскому парламенту, Каримов заявил о том, что «их исламских экстремистов нужно расстреливать в лоб. Если возникнет необходимость, я сам буду это делать». Начиная с декабря 1997 г. узбекское правительство проводит массивно-

ванную кампанию по искоренению несанкционированной исламистской деятельности, включающую аресты «экстремистов» (определение довольно широкое), устрашение членов их семей, наложение ограничений на организацию религиозного образования и культовых практик в формах, неподконтрольных государству. Узбекские власти с энтузиазмом присоединились к «войне с терроризмом», объявленной США. У американских идеологов их узбекские союзники успешно заимствуют риторические приемы для ведения борьбы с неконформистскими течениями в исламе.

Власти, впрочем, могут прибегать к аргументации, подкрепленной ссылками на исламскую традицию. В январе 1998 г. Духовное управление мусульман Узбекистана запретило использование громкоговорителей в мечетях, поскольку это «не является основополагающим для ислама». Любое значимое публичное выражение религиозной приверженности или почитания без санкции Управления считается незаконным и, следовательно, наказуемым по определению. Тысячи людей арестовывались по подозрению в ведении экстремистской деятельности только на основании того, что у них была найдена религиозная литература, не получившая одобрения Управления, или же по причине совершения молитвы в неофициальной мечети, или, наконец, просто из-за ношения бороды «не той длины».

В марте 2000 г. Управление одобрило «Программу по защите нашей священной религии, по борьбе против фундаментализма и различных экстремистских течений» (Мукаддас динимизни химояси, акидапарастлик ва турли экстримистик окимларга карши кураш дастури), в соответствии с которой ханафитский исламский канон получил официальное признание, а на имамов возлагалась обязанность выступить против остальных неханафитских исламских групп. Контроль над религиозным образованием также ужесточился. Годом ранее был основан Ташкентский исламский университет с целью «глубокого изучения богатого и уникального духовно-культурного наследия, относящегося к исламу... а также для подготовки высококвалифицированных специалистов, способных дать ответ на нужды времени». Кампания против исламистов затронула и светское образование: все студенты средних и высших учебных заведений обязывались прослушать курс лекций «Религиозный экстремизм и фундаментализм: его история, природа и настоящая опасность». Строгий визовый режим также был включен в систему превентивных мер.

Еще один аспект борьбы с «ваххабизмом» и «экстремизмом» достоин упоминания. В независимом Узбекистане принадлежность к ваххабитскому течению расценивается как результат иностранного влияния, не имеющего ничего общего с местной национальной традицией, и автоматически квалифицируется как посягательство на государственный строй и измена родине. Таковы проявления региональной политики нативизма. Впрочем, она имеет и глобальный резонанс. В системе «нового порядка», установившегося после окончания «холодной войны», позиция, осуждающая фундаментализм, позволяет как демократическим, так и авторитарным режимам использовать универсальный язык и ассоциировать себя с оплотом разума, просвещения, секуляризма, противопоставляемым фанатизму и реакции. После 11 сентября 2001 г. значение этой риторики заметно возросло. Защитники режима указывают на его стабилизирующую роль в регионе. Взгляды Узбекистана на США изменились: власти Узбекистана заняли жесткую позицию в отношении экстремизма, резонирующую с интересами США в Среднеазиатском регионе. Не стоит усматривать в этом только лишь циничное манипулирование мировым общественным мнением, поскольку опасения свойственны многим слоям узбекского общества. Пример погрязшего в гражданской войне Афганистана у многих на виду, поэтому городская интеллигенция с симпатией относится к антифундаменталистской политике Каримова.

Исламская воинственность, несомненно, присутствует в Узбекистане. В середине февраля 1999 г. в центре Ташкента взорвались шесть бомб, заложенные возле правительственных учреждений, в результате чего погибли 16 человек и сотни получили ранения. Власти поспешили обвинить во всем экстремистов, хотя доказательства причастности последних к событию не были однозначными и основывались на показаниях подозреваемых, данных под давлением. В том же году на политической арене появилось Исламское движение Узбекистана (ИДУ); одна из входящих в его состав группировок попыталась вторгнуться в пределы Узбекистана через территорию Киргизстана. После завершения драмы с захватом иностранных заложников бандформирование было вынуждено отступить. В 2000 г. движение вновь напомнило о своем существовании. ИДУ выступает за исламизацию права и государства, придание исламским нормам статуса закона. Идеология движения и его воинственный дух родились на руинах Афганистана, где джихадский ислам возвращался на деньги США, Пакистана и

Саудовской Аравии после начала советской оккупации страны. Однако социальные, культурные и политические условия в Узбекистане отличаются от афганских, поэтому идеология движения вряд ли найдет здесь много приверженцев. В дополнение ко всему, американская операция в Афганистане осенью 2001 г., похоже, нанесла серьезный удар по самому движению.

В последние годы в Средней Азии набирает популярность еще одно движение, известное как «Хизб ут-Тахрир аль-ислами» (Hizb-ut-Tahrir al-Islami). Это – международная организация, основанная в Палестине в 1953 г. Целью ее деятельности является восстановление халифата и насаждение исламского права во всех мусульманских государствах. И хотя она настроена оппозиционно в отношении всех существующих в мусульманском мире политических режимов, ее лидеры отрицают необходимость использования насилия для достижения поставленных целей. Ячейки «Хизб ут-Тахрир» действуют в подполье: ее идеологи подчеркивают необходимость исламизации общества ненасильственными способами, что должно стать предпосылкой исламизации самого государства. Сторонники движения в Средней Азии занимаются нелегальным распространением религиозной литературы, организацией кружков изучения ислама и совместных молитв. Тем не менее «Хизб ут-Тахрир» систематически преследуется узбекскими властями и обвиняется в ведении антигосударственной деятельности; сотни членов организации подвергаются арестам как в самом Узбекистане, так и за его пределами.

* * *

Обращение к исламским ценностям связывается сегодня с реапроприацией национального культурного достояния и процессом деколонизации – не более того. Восприятие ислама переплетается с политическими мифами, поэтому в академических кругах (в отличие от общественных ближневосточных) заинтересованность в поиске и обретении «подлинного» ислама невелика. На уровне носителей его ценностей проблема имеет противоположный характер: для большинства населения ислам продолжает ассоциироваться с обычаями и традицией, хотя последние уже немыслимы вне нации, воображаемой в форме «объективной» этнической общности. Постсоветские национальные идентичности сильны и даже агрессивны. Националистические дискурсы связаны с дискурсами современности и прогресса, занимающими доминирую-

щее положение в Средней Азии и вытесняющими религиозную исламскую риторику из общественной сферы. Ислам превратился в один из аспектов национального достояния – важный, но не определяющий. Он не требует соблюдения ритуалов. Тем не менее, как демонстрирует данная статья, «религиозный минимализм» и недостаток знания священных текстов не дают оснований полагать, что жители региона не могут считаться мусульманами; нет оснований считать их и «поверхностно исламизированными». Скорее можно говорить о том, что внутри среднеазиатского мусульманского общества, имеющего многовековую историю, в результате радикальных социальных и культурных изменений сложился (в пространственном и временном значениях) особый тип ислама.

«Конфессия, империя нации: Религия и проблемы разнообразия в истории постсоветского пространства», М., 2012.

Марк Катц,
профессор (Университет Д. Мейсона, США)
СИРИЯ ДЛЯ РОССИИ
КАК АФГАНИСТАН ДЛЯ СССР?

Придя к власти более десяти лет назад, Владимир Путин приступил к осуществлению нового курса на ближневосточном направлении, целью которого стало упрочение отношений и укрепление влияния, серьезно ослабевшего в ельцинскую эпоху. И к 2010 г. Москва весьма преуспела, во многом благодаря личной активности Путина. Россия возобновила или установила нормальные рабочие связи со всеми крупными региональными игроками: антиамериканскими (Иран и Сирия), проамериканскими (Саудовская Аравия, Египет и Катар) и даже с режимами, приведенными к власти; Вашингтоном (Ирак и Афганистан). Список дополнили Израиль, ФАТХ, а также ХАМАС и «Хезболла». Так или иначе, у России наладились контакты со всеми правительствами и большинством крупных оппозиционных движений, за исключением «Аль-Каиды» (которая ни с кем, кроме себе подобных, не общается).

В отличие от российского лидера американское руководство немногого добилось на Ближнем Востоке за этот период. У США оставались союзники со времен «холодной войны» (в частности Израиль, Египет, Саудовская Аравия и страны Персидского зали-

ва), но Вашингтон по-прежнему не был в состоянии позитивно влиять на своих давних противников – Иран, Сирию, ХАМАС и «Хезболлу». Россия, конечно, не могла похвастать столь прочными узами, как те, что имелись у Соединенных Штатов и некоторых государств Запада с рядом ближневосточных столиц, зато она не вызывала здесь и такого неприятия на массовом уровне, как США. За первое десятилетие XXI в. антиамериканские настроения усилились не только из-за поддержки Израиля, но и вследствие методов «войны с терроризмом» и непопулярной интервенции в Ираке.

Однако с началом «арабской весны» в 2011 г. многие российские достижения последних десяти лет были утрачены или оказались под угрозой. Неожиданный взрыв народного негодования в косных арабских автократиях всех застал врасплох. Вашингтон и Запад в целом смогли установить рабочие отношения с силами перемен в арабском мире. России это не удалось. В то время как Америка, Европа и даже Лига арабских государств решительно поддержали ливийскую оппозицию, Москва, не воспрепятствовав резолюции СБ ООН, санкционировавшей военное вмешательство извне, на словах фактически продолжала выступать на стороне Каддафи. И когда его режим рухнул, новые правители Ливии приостановили экономическое сотрудничество, истолковав двойственность Москвы не в ее пользу. Россия могла бы избежать подобного исхода, если бы так активно не высказывалась в защиту прежней власти, пусть не делая ничего для содействия ей. Точно так же сейчас, когда Запад призывает к отставке находящегося в осаде президента Сирии Башара Асада, Москва его прикрывает. Это уже вызвало рост враждебности к России в арабском мире. И если режим Асада падет, вряд ли новые власти захотят иметь дело с таким партнером.

Не сумев наладить контакт с революционерами в арабском мире, Москва не удержала и имевшийся уровень отношений с консервативными арабскими государствами – Саудовской Аравией и Катаром. Соединенные Штаты, напротив, нашли общий язык (по крайней мере, на данный момент) с приходящими режимами, не растеряв связей с привычными союзниками там, где они остались у власти. По сравнению с положением накануне «весны» у Соединенных Штатов на Ближнем Востоке сейчас друзей явно больше, чем у России. Москва сохранила нормальное взаимодействие только с Израилем, ФАТХ и Иорданией (с их лидерами Путин встречался в июне 2012 г.), Алжиром (решительным противником

«арабской весны») и Ираном (который поддерживает революционные перемены везде, кроме Сирии).

Впрочем, для специалистов по Ближнему Востоку более интересно сравнить перипетии курса России до и после «арабской весны» не с американскими действиями, а с поведением СССР в регионе до и после советского вторжения в Афганистан.

В последние десятилетия Советского Союза Никита Хрущёв и Леонид Брежнев проводили довольно успешную политику на Ближнем Востоке. До советского вторжения в Афганистан в конце 1979 г. Москва умело создавала благоприятное для себя общественное мнение в арабском мире и грамотно выстраивала отношения с тогдашними «силами перемен». Несмотря на антикоммунистическую природу арабского национализма, Хрущёв быстро признал его в качестве влиятельной антизападной силы, с которой Москва может объединить усилия. Во всех семи странах, где к власти пришли националистические режимы – Египет (1952), Сирия (1958), Ирак (1958), Алжир (1962), Северный Йемен (1962), Ливия (1969) и Судан (1969), – международная ориентация сместилась с Запада на Восток (как минимум на время). То же самое произошло и в результате единственной в арабском мире марксистской революции в Южном Йемене (1967).

Более того, Советский Союз приобрел огромную популярность в арабском мире, оказав дипломатическую (и не только) поддержку Гамалю Абдель Насеру и встав на сторону Египта в его противостоянии с Великобританией, Францией и Израилем во время Суэцкого кризиса 1956 г. США же, напротив, симпатии утратили, несмотря на то что Вашингтон приложил гораздо больше усилий, чем Москва, убеждая Лондон и Париж отказаться от интервенции, а Израиль – покинуть Синайский полуостров. Точно так же арабский мир восторженно приветствовал Москву и поносил Вашингтон после арабо-израильской войны в июне 1967 г., хотя союзники СССР Египет и Сирия (как и Иордания) потерпели поражение. Впоследствии на протяжении многих лет Кремль успешно пользовался тем, что Соединенные Штаты в отличие от Советского Союза прочно ассоциировались с Израилем.

Помимо успешных альянсов с арабскими националистами и другими антиамериканскими силами на Ближнем Востоке, Москва установила вполне приличные отношения с несколькими проамериканскими правительствами. Еще при Брежневе Советский Союз начал развивать связи с богатым нефтью эмиратом Кувейт, налажив взаимодействие с монархическими режимами в Иордании,

Марокко и (до их свержения) в Северном Йемене и Иране. Не получился диалог с Саудовской Аравией и другими монархиями Персидского залива, хотя соответствующие попытки предпринимались неоднократно. В конечном итоге усилия принесли плоды при Михаиле Горбачёве.

Разумеется. СССР терпел и неудачи. Самой болезненной из них стала переориентация Египта на Вашингтон при Анваре Садате в 1970-е годы. Несколько лет спустя история повторилась в Сомали, но она не изменила баланса сил, поскольку одновременно союзница США Эфиопия перешла в советский лагерь. Наконец, Кремлю не удалось поладить с исламским революционным режимом во главе с аятоллой Хомейни после свержения проамериканского шаха в Иране в 1979 г. Но за исключением Сирии в этом не преуспело ни одно правительство.

Несмотря на эти (и некоторые другие) промахи, Москва в целом добилась заметных успехов на Ближнем Востоке в 1950–1970-е годы. В отличие от Соединенных Штатов Советский Союз создал альянс с арабским национализмом – основным политическим двигателем в тот период. (Москва проявила идеологическую гибкость, «не заметив» несомненный антикоммунистический настрой националистических режимов и преследования ими компартий.) На руку Советам было то, что арабское общественное мнение негативно воспринимало поддержку Израиля Вашингтоном, превознося СССР за помощь арабам и палестинцам. Наконец, Кремль всегда старался устанавливать или поддерживать нормальные отношения и с проамериканскими правительствами. Иными словами, несмотря на марксизм, провозглашаемый в качестве руководящей идеологии, Москва осуществляла на Ближнем Востоке предельно прагматичную и даже разностороннюю внешнюю политику, была открыта для сотрудничества практически с любыми региональными правительствами и представителями всего политического спектра (кроме, разумеется, Израиля после войны 1967 г.). Это вынуждало Америку и ее ближневосточных союзников проводить оборонительный курс из опасения уступить Советскому Союзу и его партнерам.

Однако вторжение в Афганистан и оккупация этой страны подорвали позиции СССР. Поначалу интервенция казалась успешной, и на Ближнем Востоке стали бояться Москвы. Многие рассуждали следующим образом: сам по себе Афганистан вряд ли мог представлять достаточный повод для озабоченности могущественного Советского Союза. Ситуационный анализ наилучшего разви-

тия событий (метод прогнозирования, часто используемый правительствами для оценки действий своих соперников) исходил из того, что вторжение в Афганистан было лишь первым шагом в осуществлении более масштабного плана взять под контроль нефть Персидского залива и тем самым добиться господства в мировой экономике. Вспомнились конспирологические теории о предполагаемом желании России получить доступ к теплым водам Индийского океана. В дальнейшем ошибочность таких гипотез стала очевидной, но в тот момент это не имело значения. Интервенция заставила режимы региона опасаться худшего и полагать, будто Советский Союз угрожает их существованию.

Вашингтон в полной мере воспользовался появившимися страхами. Но Советский Союз продолжал терпеть неудачи на Ближнем Востоке и после того, как стало ясно, что Афганистан не послужит базой для расширения его влияния, а скорее превратится в роковую трясиину. Саудовская Аравия (напуганная не только вторжением в Афганистан, но и существованием поддерживаемых СССР марксистских режимов в соседнем Южном Йемене и близлежащей Эфиопии) подняла антисоветскую шумиху в мусульманском мире. Раньше Эр-Рияд был довольно уязвим для советской (и не только) пропаганды ввиду альянса с США, главным союзником Израиля. После вторжения в Афганистан, наоборот, саудовцам удалось настроить общественное мнение и большинство правительств в исламском мире против Кремля, якобы притесняющего мусульман, а также поставить под сомнение искренность советской поддержки палестинцев, которая могла быть обусловлена корыстными интересами.

Самой большой ценой, которую Советский Союз заплатил за Афганистан, стала утрата прежнего престижа на Ближнем Востоке. А поскольку оккупация к тому же закончилась провалом, Москва не приобрела никаких выгод в обмен на понесенные потери, жертвы оказались бессмысленными. Конечно, свержение просоветского режима в Афганистане, неизбежное в том случае, если бы СССР не вмешался, на какое-то время поставило бы Кремль в затруднительное положение. Однако ущерб не шел бы ни в какое сравнение с тем, который причинило вторжение, и Советский Союз избежал бы, как выразился Михаил Горбачёв, «кровооточащей раны».

Вывод советских войск из Афганистана способствовал курсу Горбачёва на укрепление связей с ближневосточными государствами – включая такие разные страны, как Иран, Израиль, Саудов-

ская Аравия и монархии Персидского залива. Но из-за многочисленных внутренних потрясений после распада СССР Москва стала при Борисе Ельцине относительно пассивной на Ближнем Востоке (несмотря на усилия Евгения Примакова на посту министра иностранных дел и главы правительства). Поэтому энергичные шаги Владимира Путина, направленные на установление или восстановление хороших отношений с государствами региона (а также с ФАТХ, ХАМАС и «Хезболлой»), увенчались успехом.

Три момента следует выделить особо.

Во-первых, в то время как отношения Вашингтона с арабским и мусульманским миром продолжали ухудшаться из-за тесных связей США с Израилем, Путин расширил контакты с еврейским государством без видимого ущерба взаимодействию с арабским миром, включая ХАМАС и «Хезболлу».

Во-вторых, когда Америка и Запад выразили моральную поддержку Тбилиси (этим, впрочем, ограничившись) в ходе российско-грузинской войны в августе 2008 г., арабское общественное мнение встало на сторону Москвы и приветствовало ее победу. Кроме того, в начале войны Израиль прекратил продажу оружия Грузии, чтобы успокоить Москву, а ХАМАС проявил солидарность с Россией – еще один пример успешных действий Владимира Путина по преодолению пропасти между израильтянами и палестинцами.

В-третьих, если попытки СССР исключить Афганистан из числа целей международного исламского движения полностью провалились, Россия при Путине добилась этого в Чечне и на Северном Кавказе. Достижение немалое, тем более что такая угроза была весьма реальной в первую чеченскую войну в середине 1990-х годов и на ранних стадиях второй, которая началась в 1999 г.

Как и Советский Союз до вторжения в Афганистан, Россия была в высшей степени эффективна (особенно в сравнении с Америкой) с точки зрения реакции общественного мнения в арабском и мусульманском мире. Но так же, как вторжение СССР в Афганистан подорвало позитивный имидж, выстраивавшийся Кремлем, российская политика в отношении Сирии после начала «арабской весны» пагубно сказалась на восприятии России, для улучшения которого Путин так много сделал.

Понятно, что падение режима Асада, последнего полноценного союзника России на Ближнем Востоке, чревато для Москвы прямыми потерями (угроза лишиться морской базы в Тартусе и

одного из рынков оружия), а также ослаблением роли не только в Сирии, но и в регионе в целом. Наконец, если к власти в Дамаске придут исламисты, возможно оживление их единомышленников и в России. Но даже с учетом этих угроз продолжать поддерживать Башара Асада недальновидно. Несмотря на российское содействие, его режим все равно падет, а новые власти гарантированно отвернутся от России и не захотят учитывать никакие ее интересы. Диктатура Асада – это правление алавитского меньшинства, притесняющего суннитское большинство. И как таковой он вызывает негодование и сторонников, и противников «арабской весны» среди арабов-суннитов. Чем прочнее Москва ассоциируется с алавитами и иранскими шиитами, тем строже сунниты будут судить российскую внешнюю политику и Россию вообще.

Так, до сих пор арабская улица не придавала особого значения тесным связям, которые Путин установил с Израилем, но защита Москвой режима Асада обернется тем, что ее все больше будут рассматривать как союзницу Израиля. Конечно, это не встревожит Израиль или США, но вряд ли доставит удовольствие России. И возможные в будущем акции, наподобие вторжения в Грузию, впредь не найдут одобрения среди мусульман-суннитов. Если сунниты в целом посчитают Россию ответственной за притеснения их единоверцев, ответом может стать деятельная солидарность с исламской оппозицией на Северном Кавказе и в других российских регионах. Иными словами, российская поддержка режима алавитского меньшинства в Сирии грозит подорвать самое важное достижение внешней политики Путина на Ближнем Востоке – исключение Северного Кавказа из списка целей исламистов. Если вокруг него в мусульманском мире будет поднята такая же шумиха, как вокруг Афганистана в 1980-е годы, остановить потоки денег, оружия и боевиков на российскую территорию будет очень сложно. Чем дольше продолжается гражданская война в Сирии и защита Москвой режима Асада, тем выше вероятность подобного развития событий.

Многие в России отрицают помощь Асаду, представляя дело как попытку не позволить Америке и ее союзникам повторить в Сирии ливийский сценарий. Российские официальные лица и эксперты не раз заявляли, что испытали на себе вероломство Запада, злоупотребившего резолюцией Совета Безопасности ООН о бесполетной зоне (которую Россия и Китай позволили принять) и активно помогавшего ливийской оппозиции свергнуть Муаммара Каддафи. Однако российских официальных лиц – включая даже

Дмитрия Медведева – вряд ли можно считать наивными. Когда Москва и Пекин не воспрепятствовали принятию резолюции о бесполетной зоне над Ливией, они знали – или должны были знать, – что дают согласие на смену режима. И Запад не чувствует себя виноватым в том, что Россия пыталась действовать по принципу «и нашим, и вашим». С одной стороны, не заблокировала резолюции (объединившись с Лигой арабских государств и с Западом), а с другой – продолжала выражать решительную дипломатическую поддержку Каддафи (и не более того), настроив против себя ливийскую оппозицию.

В дальнейшем Россия вернее всего выиграет, если перестанет постоянно оборачиваться на опыт Ливии 2011 г., а будет выстраивать сирийское направление внешней политики с учетом сегодняшних реалий. Москва ничего не приобретет и гораздо больше потеряет, поддерживая Асада до самого печального конца. Просто призывая его уйти в отставку ради разрешения конфликта, соглашаясь с резолюцией СБ ООН о введении экономических санкций (которая на данной стадии практически ни на что не повлияет), а также предлагая (пусть и бессмысленные) дипломатические формулы, позволяющие сохранить лицо, например, требуя «арабского решения» сирийской проблемы, Москва может начать восстанавливать свой имидж в арабском и мусульманском мире. Даже если Асаду как-то удастся сохранить власть, для России, безусловно, выгоднее объединиться с арабским миром против его режима, чем с режимом Асада против всего арабского мира.

Пекин, к примеру, вместе с Москвой блокировал резолюцию Совета Безопасности ООН о санкциях против Дамаска, однако нет сомнений, что если / или когда режим падет, Китай мгновенно – без колебаний и какого-либо смущения – примется налаживать отношения с новой властью. Хотя китайской внешней политике не свойственно приветствовать свержение диктаторов, она быстро приспосабливается к изменившимся обстоятельствам. Более того, усилия Китая, скорее всего, будут успешными, потому что, во-первых, любая страна сегодня нуждается в хороших экономических отношениях с КНР, и, во-вторых, Пекин не связывал себя с Асадом так тесно, как Москва. Хотя до сих пор Китай поддерживал российскую позицию, впредь Кремлю не стоит рассчитывать на китайскую солидарность, если у будущего сирийского правительства сложатся недружественные отношения с Россией.

Сирия не обязательно вызовет такой же кризис ближневосточной политики Москвы, как Афганистан в 1980-е годы.

К счастью для России, у нее нет значительного военного контингента в Сирии, какой был у Советского Союза в Афганистане (или позднее у США в Афганистане и Ираке). Его наличие делает смену внешнеполитического курса более сложным, затратным и длительным процессом. Ничто не мешает Москве дистанцироваться от Асада и воспользоваться преимуществами от улучшения своего имиджа в арабском и мусульманском мире. Кремль может предложить свои варианты разрешения кризиса – например, организовать «временное» убежище для семьи Асада в России или (еще лучше) в Иране, пока в Сирии не пройдут новые выборы под контролем наблюдателей ООН и / или ЛАГ. Асад, вероятно, откажется, но Москва по крайней мере начнет делать то, чем уже занялся Китай: отводить от себя обвинения со стороны арабской и мусульманской общественности и минимизировать препятствия для сотрудничества с вероятным сирийским правительством.

Точно так же, как советское вторжение и оккупация Афганистана разрушили многие достижения советской внешней политики на Ближнем Востоке 1950–1970-х годов, упорная поддержка режима Башара Асада в Сирии против сил «арабской весны» грозит свести на нет успехи путинской ближневосточной политики в первом десятилетии XXI в. Но история может и не повториться, если Москва перестанет противодействовать США и сосредоточится на определении и реализации собственных долгосрочных интересов. В конце концов, России не обязательно прорываться в первые ряды сторонников демократии, ей достаточно сохранить нейтралитет в надежде воспользоваться преимуществами, которые сулит естественная склонность арабов к конфликту с Америкой.

*«Россия в глобальной политике», М., 2012 г.,
Т. 10, № 4, июль-август, с. 168–176.*

Анатолий Клименко,

кандидат военных наук (ИДВ РАН)

**ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЫВОДА
ВС США И НАТО ИЗ АФГАНИСТАНА
ДЛЯ ВНУТРЕННЕЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

Главными приоритетами деятельности Шанхайской организации сотрудничества являются поддержание политической стабильности в государствах Центральной Азии, расширение эко-

номического и гуманитарного сотрудничества участников Организации и противодействие угрозам безопасности в регионе. Однако, по нашему мнению, механизмы ШОС, направленные на выработку и осуществление совместных экономических проектов и обеспечение безопасности от различных реальных и потенциальных вызовов и угроз в регионе, до сих пор оформлены недостаточно.

Например, отсутствует механизм контроля соблюдения режима нераспространения оружия массового поражения, хотя такая опасность на пространстве ШОС наличествует. Не отработан также порядок реагирования при дестабилизации социально-политической обстановки в отдельных государствах региона. А сегодня необходимо учитывать еще и новые вызовы, которые связаны с возможным обострением военно-политической обстановкой в Афганистане в случае реализации планов вывода из этой страны сил международной коалиции, а также с неснижающейся напряженностью в соседнем Пакистане. Именно возможное осложнение обстановки в этой части Азии побудило американского президента Б. Обаму увязать решение проблем в Афганистане и Пакистане и ввести в политический оборот новое понятие – зона «АфПак».

Задача международных сил в Афганистане по уничтожению боевиков «Талибана» остается нерешенной. Потери среди военнослужащих западной коалиции, а также среди мирных жителей растут. Перспективы же реализации объявленной новой стратегии США сохраняют неопределенность. Мало кто верит в жизнеспособность нынешнего кабульского режима, а потому в случае ухода американцев из Афганистана возникает вопрос: как будут развиваться события дальше?

Большинство аналитиков полагают, что в этом случае правительство Карзая не продержится и того срока, в течение которого после ухода из страны советских войск у власти оставался Наджи-булла. Причем вслед за падением Карзая практически неизбежен распад страны. Северные провинции, населенные преимущественно узбеками и таджиками, не потерпят диктата ультралиберальных исламистов-пуштунов, среди которых большинство составляют выходцы из Пакистана. Талибы делиться властью с ними даже в северной части страны тоже не захотят. Сомнительно также, что им и другим политическим силам Афганистана удастся достичь консенсуса в этом вопросе. Да и видных политических фигур общенационального уровня, устраивающих всех, сейчас там не просматривается.

При этом обстановку в регионе может усугубить вероятная дестабилизация ситуации в Пакистане. А это очень опасно в свете обладания данным государством ядерным оружием и 600-тысячной армией. Но даже если нынешние режимы Афганистана и Пакистана сохранят контроль над обстановкой в своих странах, то это еще не гарантирует улучшения ситуации в регионе из-за нерешенного давнего конфликта между обеими странами. Здесь нужно иметь в виду выбор между политикой укрепления «линии Дюранда» (восточные рубежи Афганистана, установленные Англией в 1893 г.) и разрушением этой «линии» путем создания сначала двух пуштунских автономий на территории ИРА и ИРП с последующим их объединением, итогом чего будет создание нового независимого государства Пуштунистан.

Нерешенность пограничного вопроса остается камнем преткновения в отношениях данных государств. Ввиду открытости границы и возможности свободно перемещаться в обоих направлениях афганские власти обвиняют пакистанских коллег в умышленном попустительстве инфильтрации боевиков на афганскую территорию, что, по их мнению, является одной из основных причин дестабилизации обстановки в Афганистане. Таким образом, без решения пограничного вопроса между Кабулом и Исламабадом не исключается возможность вооруженного конфликта между ними. Некоторые эксперты полагают, что именно такая перспектива делает востребованными в Пакистане движение «Талибан» и деятельность террористической организации «Аль-Каида».

Но все это чревато распадом двух государств и возрождением планов создания «Великого Пуштунистана». А следовательно – фиаско операций антитеррористической коалиции и возвращением к власти «Талибана». В связи с такой возможностью Государственный департамент США взамен Плана «А» 2001 г. (так называемая «Несокрушимая свобода») предложил и обнародовал План «Б». Его главная идея – расчленение Афганистана. Предусматривается отвод коалиционных войск с востока и юга страны в Северный Афганистан (при условии достижения договоренности с талибами о ненарушении новой границы).

При этом «ВВС США и войска специальных операций остаются в стране на неопределенное время, чтобы поддерживать афганскую армию и правительство в Кабуле, не допуская захвата «Талибаном» севера и запада страны», для чего, по расчетам, понадобится до 50 тыс. военнослужащих. Кроме того, США намерены «продолжать поставлять оружие, разведанные и оказывать

иную помощь тем старейшинам местных племен (на юге), которые остаются противниками талибов. А ВС США сосредоточат усилия на защите северных и западных провинций Афганистана, где пуштуну не являются доминирующей силой, включая Кабул».

Представляется, что ни Китай, ни Индия, ни Россия, ни другие участники ШОС не заинтересованы в распаде афганского иди пакистанского государств и появлении на их территории фундаменталистских квазигосударств. Это приведет к росту исламского радикализма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, индийском штате Джамму и Кашмир, а также в ряде государств Центральной Азии и на российском Северном Кавказе, ибо обострение обстановки в ИРА и на северо-западе Пакистана (СЗПП) деструктивно влияет на стабильность и безопасность в странах – участницах ШОС.

От активизировавшихся там террористических формирований и наркогруппировок исходят угрозы в следующих формах:

– во-первых, сохраняются убежища и финансовая помощь террористам, скрывающимся от преследования спецслужб и правоохранительных органов государств – членов ШОС;

– во-вторых, осуществляется подготовка боевиков из числа граждан стран ШОС в учебных центрах, располагающихся в ИРА и СЗПП, «обкатка» их в боевых действиях против коалиционных сил и последующее возвращение в места постоянного проживания для организации террористической деятельности;

– в-третьих, наращиваются потоки наркотиков по всем направлениям и расширяются другие нетрадиционные источники трансграничных угроз.

К тому же неконтролируемое развитие событий в соседних странах усугубит проблемы внешней и внутренней безопасности Ирана. Наконец, нельзя не учитывать обстановку, которая складывается ныне в близрасположенных к Центральной Азии регионах. Способна деструктивно повлиять на ситуацию в странах ШОС возможность «эффекта домино», вызванного кризисными явлениями в Северной Африке и на Ближнем Востоке (Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Йемен и т.д.).

Все это требует особого внимания к вопросам обеспечения безопасности и, более того, к оборонным аспектам развития ШОС, хотя эта организация не является военно-политическим союзом. И не случайно, что эту сторону дела затронул даже министр обороны КНР на совещании руководителей военных ведомств участников ШОС в марте 2011 г.

В связи с этим наиболее сложным в формировании системы региональной безопасности, на наш взгляд, становится, с одной стороны, придание ей способности эффективно реагировать на самый широкий спектр угроз (от нетрадиционных вызовов региональной безопасности и стабильности до классических военных) при сохранении ее ненаправленности против какого-либо конкретного государства или группы государств. Мы по-прежнему считаем, что названным требованиям в наибольшей мере отвечает и в то же время соответствует интересам участников ШОС дихотомная система региональной безопасности. Сегодня ее создание становится вполне реальным на основе Меморандума 2007 г. о взаимопонимании между секретариатами ОДКБ и ШОС. При этом основными «опорами» такой системы безопасности могли бы стать:

- во-первых, союзнические отношения в рамках ОДКБ, предназначенной для совместной обороны стран – участниц этого военно-политического союза, большинство из которых одновременно являются участниками ШОС (первый радиус безопасности);
- во-вторых, стратегическое партнерство в рамках ШОС, направленное на нейтрализацию более широкого круга угроз, в первую очередь нетрадиционных, и в более обширном районе во взаимодействии с Индией, Пакистаном, Ираном и Афганистаном (второй радиус безопасности).

При этом обе «опоры», обладая тесными связями друг с другом, должны иметь возможность вести диалог с США и НАТО по вопросам, представляющим взаимный интерес, по крайней мере, в течение времени военного присутствия последних в регионе. Кстати, об этом начинают говорить и на Западе.

Нужно отчетливо представлять, что, не имея возможности адекватно реагировать на нарастающие масштабные вызовы и угрозы, ШОС не сможет стать эффективной организацией. Каждое государство – ее участник должно видеть и чувствовать не только конкретную выгоду от своего пребывания в составе ШОС, но и гарантии своей безопасности, иначе это пребывание утрачивает смысл.

С учетом тесной взаимосвязи экономики, политики и стратегии сегодня становится актуальным наряду с интеграцией усилий ШОС и ОДКБ по противодействию существующим и перспективным вызовам и угрозам их взаимодействие с ЕврАзЭС. Только при тесном сотрудничестве данных евразийских структур можно

решить критические для большинства их участников задачи, а именно:

- обеспечить безопасность и стабильность на всем пространстве ШОС, а по сути – во всей Центральной Евразии;

- создать единое экономическое и транспортно-логистическое пространство в ЦАР;

- организовать единую инфраструктуру водного и энергетического обеспечения стран региона для решения их жизненно важных проблем;

- способствовать трансформации Афганистана – нынешнего «экспортера» нестабильности, наркотиков и терроризма в качественно иное – единое и процветающее государство;

- не допустить создания в Центральной Азии внерегиональными акторами плацдарма для дестабилизации обстановки в странах региона, а также контроля ими Китая, Ирана и России из уязвимых для них тыловых районов;

- воспрепятствовать агрессии США или Израиля против Ирана как наблюдателя, а возможно и будущего участника ШОС.

Необходимость видения путей дальнейшего развития ШОС, гарантирующего ее жизнеспособность, обуславливает потребность в выработке соответствующих концептуальных взглядов. Однако в настоящее время стройная система научно обоснованных взглядов на стратегию развития ШОС отсутствует. Пока все застыло на уровне обсуждений, хотя попытки сдвинуть этот вопрос с мертвой точки предпринимались, по крайней мере, в России и в Казахстане.

Представляется, что пришло время реальных действий по разработке общей стратегии развития ШОС на среднесрочную перспективу и более отдаленный период, которая включала бы все области сотрудничества, предусмотренные Хартией, – политическую, экономическую, гуманитарную, информационную, а также сферу безопасности и обороны, причем на многосторонней основе,

Поэтому в стратегии развития ШОС целесообразно выделить несколько разделов, охватывающих все названные области сотрудничества. Причем не только в формате этой организации, но и совместно с другими заинтересованными государствами и международными структурами. При этом в стратегии можно было бы определить несколько уровней и этапов развития ШОС.

- пространство деятельности организации, ее фундаментальные интересы и вытекающие из них приоритетные цели и задачи в основных сферах сотрудничества;

– среднесрочные задачи и условия формирования межгосударственного интеграционного образования во взаимодействии с другими международными организациями;

– долгосрочные задачи и порядок наращивания потенциала организации, ее превращения в один из центров мироустройства при скоординированном развитии политических и экономических ресурсов, используемых в интересах населения страны ШОС народов;

– перспективные цели и этапы продвижения к ним – создание единого экономического пространства и системы безопасности, ориентированных на укрепление интеграции на всем пространстве ШОС.

К разработке стратегии развития ШОС следует привлечь экспертов от стран – участниц организации, наблюдателей и партнеров по диалогу, чтобы каждый участник видел конкретную выгоду от реализации такой стратегии. Необходимы четкая перспектива совместной работы и прогноз ее результатов. Правда, это потребует согласования интересов всех участников данного проекта, что не так просто.

При разработке другого документа – Концепции региональной безопасности ШОС (как одной из составляющих общей стратегии развития организации) в качестве основополагающих вопросов ее содержания можно было бы предложить, защита каких именно и чьих интересов предусматривается и на какой регион распространяется ее действие. При этом исходными положениями Концепции могли бы стать: состав субъектов ШОС, на которых распространяется действие этого документа; общие и особые интересы членов ШОС; виды внешних и внутренних угроз этим интересам; цели и задачи сотрудничества участников ШОС в сфере безопасности; состав и структура органов, непосредственно ответственных за ее обеспечение; методы обеспечения безопасности, а также порядок выделения для этого необходимых ресурсов сил и средств и их задействования в случае возникновения угрозы организации в целом или отдельным ее участникам; порядок взаимодействия с другими организациями по проблемам безопасности и некоторые другие вопросы.

Целесообразно также в указанных документах определить порядок мониторинга источников угроз, обмена соответствующей информацией, установление процедуры принятия решений и порядка их исполнения соответствующими структурами ШОС. Ориентиром для подобных разработок могли бы стать положения

концепций внешней политики, стратегий национальной безопасности, военных доктрин и иных аналогичных документов стран – участниц Организации.

По нашему мнению, изложенные предложения позволят реализовать комплекс мер, дающих возможность ШОС минимизировать влияние негативных мировых и региональных процессов. При их воплощении в жизнь роль и значение организации в мире усилятся, что, соответственно, изменит и отношение к ней со стороны мирового сообщества. Что касается России, то, на наш взгляд, перечисленные выше предложения вполне соответствуют заявлению российского президента Д.А. Медведева на 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН: «Россия вместе со своими партнерами на пространстве СНГ, а также в рамках ШОС и форума БРИК будет укреплять механизмы регионального взаимодействия, механизмы, позволяющие совместно реагировать на общие угрозы...». А занятая странами БРИК согласованная позиция по отношению к военной операции НАТО в Ливии наглядно подтверждает реальность этого высказывания.

«Возможность изменения ситуации в Афганистане», М., 2011 г., с. 37–45.

Борис Долгов,

кандидат исторических наук (ИВ РАН)

АРАБСКИЙ МАГРИБ И РОССИЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ

Россию и арабский мир, в том числе страны Магриба связывают давние многосторонние отношения, основанные на взаимных интересах. Россия в отличие от стран Западной Европы никогда не выступала здесь в качестве колониальной державы, и в этом ее преимущество. Тем не менее и Российская империя, и Советский Союз и, соответственно, современная Россия как их правопреемница в своей внешней политике всегда уделяли Магрибу большое внимание, так как он является стратегически важным регионом, своеобразным мостом, соединяющим Арабский Восток и Африку с Европой. В конце 2010 – начале 2011 г. арабский мир, в том числе Магриб, был охвачен массовыми движениями протеста. В Тунисе и Египте были свергнуты правящие режимы Бен Али и Хосни Мубарака, в Ливии потерпел крах режим Муамара Каддафи. В Алжире, Марокко, Мавритании, как и в ряде других арабских стран, прошли антиправительственные манифестации. Продолжа-

ются столкновения, в том числе вооруженные, оппозиционных сил с властями в Сирии и Йемене. Причем, если в Тунисе и Египте основным фактором, приведшим к свержению правящих режимов, был внутренний, т.е. социальный протест значительной части населения, то крах режима в Ливии и длительное противостояние в Сирии обусловлены поддержкой оппозиционных сил извне.

Причины социально-политического взрыва в арабском мире носят как внутренний, так и внешний характер. В каждой стране он имеет свою специфику, обусловленную особенностями исторического развития, конкретной социально-экономической, политической, религиозной ситуацией. Основной общий внутренний фактор протестных движений – обострение социально-экономических проблем, таких как безработица, низкий уровень и качество жизни, отсутствие жизненных перспектив для значительной части молодежи. Важную роль сыграли политический застой, коррупция и nepотизм правящей верхушки, подавление демократических свобод при формальном их провозглашении.

Учет всех этих факторов, влияющих на дальнейшее развитие социально-политических процессов в арабском мире, безусловно необходим при выработке внешнеполитической линии и продвижении национально-государственных интересов России, в частности, в странах Магриба. Что касается внешних факторов, способствовавших обострению социально-экономических проблем в арабских странах, то это прежде всего мировой финансово-экономический кризис, в разной мере затронувший экономики всех арабских стран.

Например, мировой кризис привел к резкому сокращению экспорта **Туниса**, ориентированного на страны ЕС, где из-за кризиса происходило свертывание производства. Финансово-банковская сфера Туниса также испытала негативные последствия финансовых проблем банковской системы ЕС, в частности, французского банка «Сосьете женераль». Сократилось число иностранных туристов, посещавших Тунис, большую часть которых составляли граждане европейских стран. Наряду с этим государства Евросоюза сократили прием иностранных рабочих и дипломированных специалистов-иммигрантов, в том числе из Туниса и Египта. В Тунисе вокруг стареющего президента Бен Али, бессменно руководившего страной с 1987 г., процветали коррупция и протекционизм. Около трети экономики страны контролировалось семьей президента и кланом его супруги, Лейлы Трабелси. Семья президента владела капиталом в размере 7 млрд. евро.

Оборотной стороной «тунисского экономического чуда» были, как заявляли лидеры оппозиции режиму Бен Али, «абсолютное господство правящей партии и государственной администрации, массовые нарушения прав человека». Тунис представлял собой типичный пример квазидемократии – за фасадом формальных демократических институтов (всеобщих альтернативных выборов, двухпалатного парламента, многопартийной системы, разделения властей, профсоюзов, различных общественных, женских, молодежных организаций) действовал авторитарный режим личной власти. После падения режима Бен Али в январе 2011 г. государственная инфраструктура была во многом парализована, и перед страной встала задача сформировать новые институты власти. Политические силы, легально боровшиеся против режима Бен Али, были представлены «Демократической прогрессивной партией» (ДПП) и партией «Форум за демократию, труд и свободу». Кроме того, полулегально действовали партия «Республиканский конгресс», стоящая на либерально-демократических позициях. Коммунистическая партия тунисских рабочих (КПТР), ратующая за социализм троцкистского типа, и исламистская «Нахда» (Возрождение). В ходе протестных манифестаций в январе 2011 г. наибольшую активность проявляли лидеры ДПП Майя аль-Джариби и Наджиб аш-Шабби. Однако в результате первых после свержения режима Бен Али свободных парламентских выборов в Тунисе 23 октября 2011 г. наибольшее число депутатских мест – 90 из общего числа 217 завоевала исламистская партия «Ан-Нахда» («Возрождение») во главе с ее лидером Рашидом Ганнуши (род. 1942), видным идеологом политического ислама, известным не только в Тунисе, но и за рубежом. Во времена Бен Али партия «Ан-Нахда» была обвинена в попытке государственного переворота, ее деятельность запрещена, вследствие чего Ганнуши был вынужден эмигрировать и более 20 лет проживал за рубежом (большой частью в Англии). Он вернулся в Тунис после свержения режима Бен Али 30 января 2011 г. Ганнуши заявлял, что он «не собирается становиться тунисским Хомейни» и после успеха его партии на парламентских выборах подтвердил, что «Ан-Нахда» будет продолжать соблюдать демократические принципы.

В то же время часть сторонников светских партий выражали протест в связи с успехом «Ан-Нахды» и даже обвиняли ее в фальсификации результатов выборов. Тем не менее Монсеф Марзуки, лидер партии «Конгресс за республику», занявшей второе место на парламентских выборах (30 депутатских мест), исповедующий

светские и леводемократические взгляды, заявил, что может пойти на альянс с «Ан-Нахдой», которую он охарактеризовал, как «подлинно демократическую партию». В коалицию с «Ан-Нахдой» входит также партия «Ат-Такаттуль» (Демократический форум), получившая 21 место в парламенте и руководимая ветераном оппозиционного движения Мустафой Бен Джафаром. Оба лидера – Монсеф Марзуки и Бен Джафар в период правления Бен Али отбывали тюремное заключение за свою оппозиционную деятельность. На руководящие государственные должности – премьер-министра, спикера парламента и кандидата на пост президента на предстоящие в начале 2012 г. президентские выборы коалиция возможно выдвинет вышеупомянутых своих лидеров – Хаммади Джебали, генерального секретаря «Ан-Нахды», второго после Р. Ганнуши человека в ее руководстве, Бен Джафара и М. Марзуки.

Важнейший интерес для России традиционно представляет развитие отношений с **Алжиром** как наиболее значимым государством в Магрибе и одним из ведущих в арабском мире. Расширение экономического и политического сотрудничества с Алжиром представляется также одним из главных приоритетов российской политики в бассейне Средиземноморья. Необходимо отметить, что программным документом, определяющим отношения между нашими странами на современном этапе, является «Декларация о стратегическом партнерстве», подписанная в ходе визита в Россию в 2001 г. президента Алжира Абдель Азиза Бутефлики. Алжир, как и Россия, является крупнейшей нефтедобывающей страной, третьей в Африке после Нигерии и Ливии. Наряду с этим Алжир так же, как и Россия, – самодостаточная страна и настоящая кладовая природных ресурсов. Кроме огромных запасов нефти (1,45 млрд. т) и природного газа (3,679 трлн. м³) в Алжире находится 90% общих запасов железной руды стран Африки, 12% мировых запасов ртути и ряд других полезных ископаемых.

Можно проследить также определенные параллели в новейшей истории России и Алжира. В конце 80-х годов Алжир переживал социально-экономический и политический кризис, обусловленный комплексом причин как внутреннего, так и внешнего характера, в том числе неэффективностью затратной системы планового, государственного регулирования экономики, снижением жизненного уровня населения, дискредитацией политики «социалистической ориентации». Ситуация усугублялась падением цен на углеродные энергоносители на мировом рынке, что, соответст-

венно, вело к сокращению валютных поступлений в госбюджет, невозможности для государства полностью финансировать социальные программы и создавать новые рабочие места, что провоцировало рост безработицы и усиление социального напряжения. Стремясь выйти из кризиса, алжирское руководство отказалось от курса на «построение социализма» и приступило к широкой демократизации в социально-экономической и политической областях. В 1989 г. были приняты новая конституция и законодательные акты, в соответствии с которыми вводилась многопартийность, система свободных альтернативных выборов президента, парламента и местных органов власти, создавалась свободная пресса, началась либерализация экономики. В то же время на волне демократизации в алжирском обществе сформировалось массовое исламистское движение, радикализация которого спровоцировала в 1992 г. силовое прерывание армией парламентских выборов, что предотвратило легитимный приход к власти исламистов в лице Исламского фронта спасения (ИФС).

Последовавший за этим период фактического правления военных и многолетнее вооруженное противостояние радикальных исламистов с этим режимом, длившееся с 1992 по 1999 г., вызвали определенную международную изоляцию Алжира, так как страны ЕС и особенно США в тот период настороженно отнеслись к алжирскому руководству, возглавлявшемуся армейской верхушкой, и жестким мерам, предпринятым армией для подавления исламистского экстремизма.

Алжирское руководство во главе с избранным в 1999 г. и переизбранным на третий срок в 2009 г. президентом Алжира Абдель Азизом Бутефликой сумело, с одной стороны, подавить наиболее радикальных исламистов, и, с другой – инициировать начало процесса восстановления гражданского согласия, законодательно подтвердив амнистию исламистам, добровольно прекратившим вооруженную борьбу. В дальнейшем Алжир достаточно восстановил свои позиции на мировой арене (Алжир является непостоянным членом СБ ООН и одним из наиболее влиятельных членов ОПЕК) и лидирующее положение в Магрибе (которое он занимал в 70-е и 80-е годы) и является здесь региональным центром силы. Алжир – активный член Африканского союза (АС) и соучредитель созданной во многом благодаря его инициативе в начале 2000-х годов межафриканской организации «Новое партнерство для развития Африки» (NEPAD). Алжир также является одной из ведущих стран арабского мира, членом Организации Исламская кон-

ференция (ОИК) и одним из наиболее влиятельных членов Лиги арабских государств (ЛАГ).

Что касается внутренней социально-политической ситуации в Алжире, то в настоящее время она безусловно значительно стабилизировалась по сравнению с периодом середины 90-х годов, когда страна переживала системный кризис и целые области Алжира были охвачены исламистским террором. Вместе с тем нерешенность многих социально-экономических проблем является сейчас серьезным вызовом для алжирского руководства. Уровень безработицы хотя и сократился за последние десять лет (в 2000 г. он составлял 29%), тем не менее все еще достаточно высок (11–17% по разным районам Алжира а среди молодых людей до 25 лет до 50%).

Продолжением политики восстановления гражданского согласия стало одобрение в сентябре 2005 г. в ходе общенационального референдума «Хартии за мир и национальное примирение», в которой намечены конкретные меры по преодолению последствий многолетнего вооруженного противостояния исламистской радикальной оппозиции с властями, которое в известной мере раскололо алжирское общество. Наряду с этим планируется существенным образом повысить роль местных органов власти и совершенствовать процесс демократизации общественно-политической жизни, в связи с чем вносятся изменения и дополнения в законы о местном самоуправлении, политических партиях и СМИ. Правительство намеревается также ускорить реформирование системы образования, включающей в себя введение изучения иностранных языков в младших классах. В то же время провозглашается важная роль арабского языка «в качестве главного вектора культурно-образовательной политики государства». Одновременно подтверждается значение берберской культуры (берберы – коренные жители, проживавшие на территории Алжира до его арабского завоевания в VII–VIII вв., составляют сейчас более 20% населения), в том числе берберского языка, как неотъемлемой части алжирской национальной самоидентификации.

Во внутренней политике уделяется большое внимание той части населения, которая считает необходимым сохранение мусульманских исторических традиций и «исламских ценностей» в качестве неперемennого условия дальнейшего развития алжирского общества. В Программе социально-экономического развития Алжира на 2005–2009 гг. в частности провозглашалось, что «алжирский народ, внесший огромный вклад в развитие и распространение

ние ислама, и впредь будет прилагать все усилия для сохранения и дальнейшего процветания великой арабо-мусульманской цивилизации». Наряду с этим планируется дальнейшее развитие системы мусульманского образования. С этой целью, а также для повышения роли мечетей в достижении гражданского согласия намечено реформировать и усовершенствовать подготовку имамов, с тем чтобы не допустить превращения мечетей в инструмент пропаганды радикального исламизма (как это произошло в конце 80-х годов) и продолжить интеграцию исламистского движения в действующую политическую систему.

В рамках решения жилищной проблемы в районе Митиджа (40 км к западу от столицы) в 2003 г. началось строительство нового города Сиди Абдалла, рассчитанного на 200 тыс. жителей, которое должно быть завершено к 2020 г. В этом же районе будут построены еще три новых города, проекты которых находятся в стадии разработки. В то же время министр финансов Алжира, характеризуя влияние мирового финансово-экономического кризиса на Алжир, заявил, что «влияние кризиса сказывается в основном в экономической рецессии в мире, депрессии спроса и снижении цен на сырую нефть, что влечет за собой снижение поступлений в госбюджет. В то же время благодаря созданным стабилизационным механизмам (в частности специальному Фонду регулирования) Алжир не будет испытывать каких-либо трудностей при финансировании плана социально-экономического развития на 2009–2014 гг.». Данный план предусматривает, в частности, создание более 400 тыс. новых рабочих мест.

Тем не менее в Алжире в конце 2010 – начале 2011 г. проходили манифестации протеста, участники которых требовали скорейшего решения социально-экономических проблем, с которыми сталкивается страна. Протестные выступления охватили 20 провинций Алжира из 49, но не привели к кризису власти и приходу «арабской весны» в Алжир. Власти достаточно быстро отреагировали на требования населения. Минимальная гарантированная зарплата была повышена с 15 тыс. до 18 тыс. динаров в месяц (со 146 до 175 евро), что в 2 раза выше, чем было в 2008 г. Также в 2 раза была повышена зарплата госслужащих. Президент Бутефлика 15 апреля 2011 г. выступил с обращением к нации, в котором он объявил о начале процесса социально-экономических и политических реформ. В первую очередь речь шла о принятии новых законов о всеобщих выборах, статусе политических партий, квоте для женщин в выборных органах, а также внесении поправок в дейст-

вующую Конституцию. Наряду с этим был отменен режим чрезвычайного положения, продолжавшийся в Алжире с начала вооруженного противостояния с радикальными исламистами, т.е. почти два десятилетия.

Если ретроспективно рассмотреть историю российско-алжирского экономического и политического сотрудничества, то можно отметить, что его пик приходился на 70–80-е годы XX в. В то время в Алжире одновременно работали до 30 тыс. советских специалистов в самых различных отраслях экономики: от военной до рыболовства, и в области культуры. Кроме того, целое поколение алжирских специалистов в различных областях знаний было подготовлено в советских вузах, многие из которых впоследствии выдвинулись на ответственные посты в алжирском руководстве. Десятки алжирских промышленных объектов и целые отрасли (например, полный цикл металлургического производства) и структуры народного хозяйства (национальная геологическая служба) были созданы при помощи СССР. Также при содействии специалистов из нашей страны была создана система подготовки национальных кадров.

После распада СССР сотрудничество с Алжиром было свернуто, как и с другими арабскими странами – экономическими партнерами и союзниками бывшего СССР. В данной статье не ставится цель анализировать причины распада СССР и мотивы, по которым принимались решения о свертывании российского военно-экономического и политического присутствия в арабских странах – это отдельная тема. Тем не менее с позиций сегодняшнего дня совершенно очевидно, что уход России из афро-азиатского региона был крупной стратегической ошибкой, а распад СССР, как заявил в одном из своих выступлений премьер-министр РФ В. Путин, стал «крупнейшей геополитической катастрофой нашего времени».

Определенным толчком для возобновления экономического сотрудничества между Россией и Алжиром стал упоминавшийся выше визит в 2001 г. президента Алжира А. Бутефлики в РФ и подписание «Декларации о стратегическом партнерстве» между Алжиром и Россией. Затем последовал обмен визитами на правительственном уровне, во время которых были конкретизированы направления двустороннего сотрудничества. В настоящее время Россия осуществляет экономическое сотрудничество с Алжиром в целом ряде областей. Российский ВПК имеет контракты на поставку различных систем вооружений для алжирской армии. До

настоящего времени алжирская армия в достаточно большом количестве имеет на вооружении военную технику советского и российского производства и соответственно нуждается в ее модернизации, поставках запчастей и т.д. В 2000-х годах Алжир активизировал сотрудничество с ЕС, в том числе в военной сфере с НАТО. США и Франция расширяли поставки своих вооружений в Алжир. В то же время на алжирский рынок вооружений активно выходили Украина и Белоруссия. Однако после осуждения Алжиром военной операции НАТО в Ливии (март–октябрь 2011 г.) отношения Алжира с ЕС, особенно с Францией, заметно охладели; сократилось политическое и экономическое сотрудничество Алжира с ЕС, что, в свою очередь, открывает перед Россией возможности более активно развивать взаимовыгодные отношения с Алжиром в политической, экономической и культурной областях.

В рамках подписанного между Алжиром и РФ Договора о стратегическом партнерстве наряду с экономическим и политическим сотрудничеством осуществляется работа совместной алжирско-российской группы по сотрудничеству в области борьбы с терроризмом и по вопросам безопасности. Продолжается сотрудничество между Россией и Алжиром в космической области. В 2002 г. российская ракета-носитель «Космос-3М» вывела на околоземную орбиту алжирский искусственный спутник «Альсат-1». В октябре 2004 г. Российское космическое агентство подписало меморандум о сотрудничестве в космической области с Алжирским космическим агентством, что предполагает расширение работ в этом направлении. Достаточно плодотворное сотрудничество осуществляется в металлургической отрасли. В частности российские специалисты проводят работы по модернизации и расширению крупнейшего алжирского металлургического комбината «Эль-Хаджар» (на востоке страны, в районе г. Аннаба), построенного при помощи СССР в 80-е годы. Расширение комбината является актуальной задачей для Алжира, так как потребности страны в металле, особенно в сортовом прокате для машиностроения, а также для металлоконструкций для гражданского строительства полностью не удовлетворяются местными предприятиями и Алжир импортирует примерно 2 млн. т проката в год.

В последние годы российские компании вновь пришли на такие сектора алжирского рынка, как электроэнергетика (продолжаются работы на крупнейшей ТЭС на востоке Алжира в районе г. Жижель, построенной при помощи СССР), реконструкция и строительство авто- и железных дорог, мелиорация и строительст-

во плотин (в провинциях Скикда и Буира). Продолжается сотрудничество между крупнейшей российской компанией «Альфа Телеком» и алжирской «Алжери Телеком» по постройке российскими специалистами в Алжире завода по производству оптического кабеля и научно-техническому сотрудничеству по внедрению на алжирских предприятиях новейших технологий в области телекоммуникаций и мобильной связи.

Наиболее широко развивается сотрудничество в нефтегазовой отрасли, в частности между российскими нефтегазовыми компаниями и алжирской государственной компанией Сонатрак. Выше уже отмечалось, что Алжир обладает большими запасами природного газа и нефти, причем алжирская нефть по своему качеству считается одной из лучших в мире (алжирский сорт SaharanBlend имеет плотность 45° API при содержании серы 0,05%). По данным компании Сонатрак, являющейся монополистом в разведке, добыче, транспортировке, переработке и экспорте нефти, газа и продуктов их переработки, разведанные геологические запасы углеводородов в нефтяном эквиваленте составляют 120 млрд. барр., извлекаемые запасы – 39 млрд. барр., в том числе природного газа – около 20 млрд. барр. Наиболее крупным месторождением газа является Хасси-Рмель, нефти – Хасси-Мессауд (в центральной части Алжира, у «ворот» Сахары). Алжир имеет возможность экспортировать по газопроводам 32 млрд. м³ природного газа, в том числе в Италию 24 млрд. м³, в Испанию и Португалию – 8 млрд. м³. Кроме того, четыре комплекса по сжижению природного газа в Арзеве и Скикде (порты на побережье Средиземного моря) позволяют перерабатывать около 27 млрд. м³ природного газа. Нефть перерабатывается на шести заводах, которые производят около 20 млн. т бензина в год, а также дизельное топливо, керосин и мазут. Осуществляется строительство новых газопроводов Айн Салах-Хасс-Рмель (535 км), Хасс-Рмель-Сикда (573 км), Запад-Восток (1000 км), замена участка Хасси-Рмель-Арзев (296 км), сооружение мощной компрессорной станции в целях увеличения пропускной способности газопровода Магриб-Европа через Марокко на Испанию с 8 до 20 млн. м³. В перспективе Алжир намерен увеличить добычу углеводородных энергоносителей на 50%. В первую очередь эти перспективы связаны с открытием на территории страны новых месторождений. Вероятность этих открытий оценивается экспертами как высокая – в силу особенности геологии недр Алжира, благоприятствующих образованию углеводо-

родных скоплений, а также относительно низкой степени разведанности территории.

Очевидно, что реализация столь масштабных планов требует привлечения в страну крупных иностранных инвестиций. Участие российских компаний в нефтегазовых проектах в Алжире представляет взаимовыгодный интерес, тем более что российские компании имеют достаточно серьезный опыт в этой области, участие России в аналогичных проектах в Ираке и в Ливии, в силу изменившейся там политической конъюнктуры, представляется достаточно проблематичным.

Основными российскими компаниями, которые изъявили желание работать в Алжире являются Газпром, Лукойл, Роснефть, Стройтрансгаз, Союзнефтегаз, Гелеомаш. Наиболее широко на алжирском рынке представлены Роснефть и Стройтрансгаз (являющиеся партнерами Газпрома), которые пришли в Алжир в 2000-х годах. Государственный статус Роснефти позволяет предполагать наличие в ее зарубежных проектах не только чисто коммерческой выгоды, но и более широких интересов продвижения России в Североафриканский регион. Представители Роснефти входят в состав рабочих групп, занятых реализацией конкретных российско-алжирских проектов в области нефтегазовой промышленности. Эти рабочие группы встречаются два раза в год, попеременно в Москве и Алжире, и представляют доклады о своей работе в соответствующие министерства энергетики. Стройтрансгаз в свою очередь является ведущей российской нефтегазостроительной компанией, мощности которой позволяют ежегодно сооружать не менее 2,5 тыс. км трубопроводов большого диаметра, производить реконструкцию не менее 19 линейных газоперекачивающих станций единичной мощностью 80 МВт, строить другие объекты ТЭК.

В то же время компании Лукойл и Газпром, алжирская Сонатрак подтвердили свою заинтересованность в создании совместных проектов по разработке углеводородных месторождений на территории России. В таких проектах могут участвовать также частные алжирские инвесторы. В Алжире за последние 10–12 лет сформировался слой крупных предпринимателей, способных вкладывать инвестиции за рубежом. В России инвестиции алжирского капитала (как и любого другого) должны содействовать созданию новых рабочих мест, а также развитию современных наукоемких, энергосберегающих, экологически чистых производств. Кроме нефтегазовой отрасли они могут быть привле-

чены также в аэрокосмическую в рамках уже упоминавшегося российско-алжирского сотрудничества в космической области. Тем не менее несмотря на достаточно обнадеживающие результаты российско-алжирского сотрудничества его уровень нельзя признать удовлетворительным.

Очевидно, что в настоящее время не идет речи о достижении уровня сотрудничества, имевшего место в советский период. Современная эпоха кардинальным образом изменилась по сравнению с периодом 70–80-х годов XX в. Ушли в прошлое двухполюсная система и противостояние двух военно-политических блоков. Вместе с тем в последние годы в процессе глобализации все отчетливее проявляется новая тенденция, а именно: формирование новых центров силы, которые быстро догоняют по своему военно-экономическому и научно-техническому потенциалу старые. Речь идет прежде всего о Китае и Индии, и тем не менее арабо-мусульманский мир также выдвигает своих лидеров, одним из которых безусловно является Алжир. В то же время Алжир является влиятельным членом Организации Исламская конференция (ОИК), статус наблюдателя в которой имеет также Россия. Очевидно, что Россия, гражданами которой являются более 15 млн. мусульман, имеет собственные национально-государственные интересы в арабо-мусульманском мире, в частности, в Магрибе, и должна проводить соответствующую им внешнюю политику.

«Арабская весна» во многом изменила политическую ситуацию на Большом Ближнем Востоке (ББВ) и, соответственно, в Магрибе. В Тунисе, как и в соседних с ним Египте и Ливии, в результате краха бывших правящих режимов к власти приходят новые политические силы, в том числе те, кто исповедует политический ислам. Причем, несмотря на то что их приходу к власти в значительной степени способствовали США и ЕС, эти силы, судя по заявлениям их лидеров, отнюдь не являются прозападными. В то же время эту некую «исламизацию» очевидно не стоит воспринимать однозначно негативно.

Социально-политические процессы в «постреволюционных» арабских странах находятся в постоянном развитии, и в них активно участвуют демократические силы. Вполне возможно, что народ Туниса и его соседи, освободившиеся от коррумпированных авторитарных режимов, смогут построить демократические общества на базе своих исторических традиций и культурных ценностей, основной из которых является ислам. Такая ситуация дает возможность России использовать ее для продвижения своих эко-

номических, военных и политических интересов в БВВ путем налаживания взаимовыгодных отношений с данными новыми политическими акторами в странах региона.

Что касается Алжира, то внутривосточная ситуация здесь, несмотря на имевшие место протестные манифестации, стабильнее, чем в соседних странах Магриба. В стране проводятся социально-экономические и политические реформы. В то же время в Алжире еще свежа память о «черном десятилетии» 1990-х годов, т.е. вооруженном противостоянии с радикальными исламистскими группировками, стоившем Алжиру более 150 тыс. жизней, с которыми, хотя и в значительной степени подавленными, борьба продолжается до настоящего времени. Поэтому значительная часть населения предпочитает политическую демократическую эволюцию радикальным выступлениям и тем более «ливийскому сценарию», против которого выступало алжирское руководство. Россия также имеет здесь возможность усилить свое военно-экономическое и политическое влияние, учитывая напряженность, возникшую в отношениях Алжира с НАТО, особенно с Францией, в результате военной акции НАТО в Ливии.

«Интересы и позиции России в Азии и Африке в начале XXI в.», М., 2011 г., с. 75–87.

Г. Магомедов,

филолог (ДГПУ, г. Хасавюрт)

ЭТИКЕТ В АРАБО-ИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Арабский мир, несмотря на единый язык, единое вероисповедание (ислам), весьма неоднороден и представляет собой сложный конгломерат более чем из 20 стран. Каждая из них имеет свои традиции, обычаи. В нашем восприятии жизнь арабских стран ассоциируется с многоголосыми красочными базарами, шумной торговлей в духе сказок «Тысячи и одной ночи». Базары в арабских странах остаются не только местом оживленной торговли, где можно купить все – от восточных сладостей и благовоний до ультрасовременной электроники и модной европейской одежды, – но и уникальной площадкой деловых встреч, обмена новостями, завязывания контактов, укрепления знакомств. Чтобы подобрать соответствующий ключ, найти подход к арабскому партнеру, необходимо помнить те непреходящие, не меняющиеся с веками традиции, которыми живет и дышит Арабский Восток.

В качестве универсальной модели поведения арабов можно привести нормы египетского этикета.

Повседневный этикет. Египетское общество сверху донизу пронизано системой групповых связей. Они строятся по кровнородственному признаку, по религиозному принципу, по принадлежности к суфийским орденам, по земляческим, корпоративным связям. Египтянин боится одиночества, так как в одиночку он не имеет общественного веса и престижа. Гостеприимство и вежливость у египтян в крови, не говоря уже о внимании и заботе друзей. Прослыть скупым, не оказать чести гостю считается позором. Вежливость не допускает фамильярности. Любой египтянин очень тонко реагирует на статус человека, с которым общается, на его место в социальной иерархии. Египтянина отличает огромное терпение. Считается, что в терпении легче сохранить достоинство. Оно предполагает сдержанность в поведении, в словах.

Достойное, солидное поведение – необходимый атрибут людей пожилого возраста или стариков. Терпение и стремление к сдержанности в поведении и в выражении своих чувств отнюдь не означает бесчувствия. Эмоциональность египтян идет рука об руку с их терпением. Они легко возбуждаются и приходят в ярость, которая не знает границ. Их легко может спровоцировать малейший выпад. Когда страсти накаляются, в выражениях не церемонятся, криков много, но до драки дело доходит редко. Вспыхнувшая ссора может тут же утихнуть.

Трудолюбие – отличительная черта подавляющей части населения. Египтянина угнетают современные стандарты, которые требуют исполнения в срок или точных часов встречи. Необязательность в смысле времени – довольно распространенная черта египтян. Очень редко египтянин выполняет приказ с точностью, почти наверняка он предпочтет делать все по-своему и вряд ли закончит работу к обещанному сроку. Трудовая этика египтян предусматривает не любовь к труду как таковому, а стремление к плодам этого труда. Ни у кого из других народов Востока нет такого чувства юмора, как у египтян. «В шутке – лекарство», – гласит египетская пословица. Прямой и откровенный разговор с египтянином весьма труден. Доверяют только своим родственникам или близким. Египтяне очень редко позволяют политическим или научным конфликтам испортить личные отношения. Газетные полемисты, обменивающиеся язвительными и порой оскорбительными выпадами или эпитетами, могут по вечерам вместе играть в домино или крикет в одном клубе. В Египте легко устанавливают-

ся поверхностные контакты и псевдодружеские отношения. Подлинное доверие, дружба и откровенность – дело трудное. Если иностранцу удалось внушить доверие, завести настоящих друзей, он может чувствовать себя королем.

Этикет при деловых встречах. Продавцы рекламируют свой товар во всю силу голосовых связок и легких. Хозяева магазинов для этой цели нередко нанимают одного-двух язычноголо-сых зазывал. Продавец начинает с того, что запрашивает за свой товар намного больше, чем думает получить. Покупатель возмущается и называет свою цену – треть или вдвое ниже. Торг продолжается, пока обе стороны не сойдутся где-то посередине между первоначально запрошенной и предложенной покупателем ценой. Сделку совершают с такой страстью, так горячатся, кричат и жестикулируют, что иностранец, не знающий арабского, может подумать, что происходит ссора или драка.

При встрече в арабских странах мужчины обнимаются, слегка прикасаются друг к другу щекой, хлопывают по спине и плечам, но такие знаки внимания возможны только между «своими» и не распространяются на иностранцев. Арабское приветствие это целая процедура, оно сопровождается расспросами о здоровье, о делах. На протяжении беседы эти вопросы могут повторяться. Приветствие сопровождается многочисленными пожеланиями мира и благополучия. «Культурная дистанция» между беседующими арабами обычно короче, чем она принята у европейцев. Беседующие почти касаются друг друга, что свидетельствует о взаимном доверии. Арабские собеседники всячески избегают определенности, четких ответов «да» или «нет». Взамен следуют обороты типа «Ин шаллах» (Если Аллаху будет угодно).

Арабское понимание этикета запрещает собеседнику прибегать к прямолинейным ответам, быть категоричным, арабы во время беседы избегают суетливости, поспешности. Арабские предприниматели выражают отказ в максимально смягченном, завуалированном виде. Торговая сделка у арабов – всегда маленький спектакль. Процесс покупки часто сопровождается угощением прохладительными напитками, чаем, кофе. Если вам подали небольшую чашечку кофе, выпив, вы отдаете ее хозяину, и он тут же наливает в нее еще кофе. Так продолжается до тех пор, пока вы один не опустошите кофейник. Но если вы больше не хотите кофе, покачайте чашечкой из стороны в сторону или переверните ее вверх дном. Если перед кофе предлагают прохладительные напит-

ки, это означает, что время, отведенное для встречи, подходит к концу.

Для арабов одним из важнейших элементов на переговорах является установление доверия между партнерами. Представители арабских государств, как в обыденной обстановке, так и во время деловых контактов стараются создать дружелюбную обстановку, ценят юмор, используют личные имена. Многие арабы по делу и без дела любят подолгу трясти вашу руку. При общении у европейцев не придается особого значения ни левой, ни правой руке. Однако в этом отношении нужно быть крайне осторожным в арабских странах: здесь считается недопустимым протянуть кому-нибудь подарок или деньги левой рукой. У исповедующих ислам левая рука считается нечистой, и вы можете нанести оскорбление своему партнеру. К ногам арабы также относятся, как к нечистой силе. По этой причине у мусульман не дозволено при беседе, сидя на стуле, забрасывать ногу на ногу.

Итак, поведение представителей бизнеса в каждой стране имеет свои особенности. Иногда эти особенности почти неуловимы, почти незаметны, но тем более чрезвычайно важно их распознать и умело использовать в ходе деловых контактов.

«Актуальные проблемы дагестанской культурологии и религиоведения», Махачкала, 2011г., с. 104–106.

**СПИСОК СТАТЕЙ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В БЮЛЛЕТЕНЕ
«РОССИЯ И МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР»
В 2012 г. № 1 (235) – 12 (246)**

№ 1 (235)

Владислав Лекторский. Как возможен диалог цивилизаций; *Р. Беккин.* Исламские налоги как инструмент решения социально-экономических проблем мусульманского населения России; *Хасан Дзуцев.* Ваххабизм в республиках Северного Кавказа: Реалии и последствия; *К. Ланда.* Дагестан и геополитические проблемы Юга России; *Расим Мусабегов.* Азербайджан между Турцией и Россией; *Ирина Звягельская.* Исламское возрождение в Центральной Азии; *А. Клименко.* Туркменистан как потенциальный участник ШОС и его влияние на ситуацию в Центральной Азии; *Елена*

Ионова. Развитие российско-узбекских отношений; *Алексей Малашенко.* Режимы Центральной Азии: Обреченные на вечность и прозябание; *Александр Кадырбаев.* Уйгуры, казахи и киргизы – тюркские народы современного Китая; *Омар Нессар.* Афганистан в ловушке неопределенности; *Н. Мамедова.* Исламский фактор в развитии современного Ирана; *Г. Вайнштейн.* Будущее политики мультикультурализма в Европе. События в Северной Африке и на Ближнем Востоке: Причины и следствия (по материалам круглого стола, организованного ИМЭМО РАН); *Владимир Карякин.* Информационно-сетевые войны и их роль в событиях на Ближнем Востоке.

№ 2 (236)

Абел Аганбегян. Почему мы не идем в ногу с передовыми странами?; *Овсей Шкаратан.* Российская «псевдоэлита» и ее идентификация в мировом и национальном контекстах; *Алла Язькова.* Социально-экономическая и политическая ситуация на Северном Кавказе: Стратегические риски развития России; *Юрий Кокин.* Крымско-татарское и русскоязычное региональные движения на рубеже XX–XXI вв.; *Л. Аристова.* Современный Казахстан: Ислам и международное сотрудничество; *М. Шумилов.* Роль Киргизии в реализации стратегических интересов США в Центральной Азии; *Рано Убайдуллаева.* Общество и семья в Узбекистане; Образование, молодежь и ислам в Таджикистане; *Л. Васильев.* Особенности борьбы с терроризмом в Центральной Азии в современных условиях; *Ватаняр Ягья.* Российско-турецкие отношения и Кавказ в XXI в.; *Джордж Фридман.* Что делать Америке: Помириться с Ираном и укрепить Пакистан; *Ашраф Эль Саббах.* Отстранение Мубарака и новые перспективы Египта; *С. Кургиян и коллектив авторов.* Сирия: Развитие ситуации после «цунами революций на Ближнем Востоке»; *С. Серёгичев.* Судан умер, да здравствует Судан!; *Альбина Михалева.* Трансформация исламской политической мысли в Европе: Тарик Рамадан.

№ 3 (237)

Л.В. Скворцов. Реконструкция глобальной (планетарной) демократии: Цивилизационные последствия; *Михаил Горшков.* Двадцать

лет российских реформ; *А. Глухова*. Арабские революции как фактор влияния на внутрirosсийскую политику; *Диляра Ахметова*. Взаимодействие российских исламских вузов с отечественными и зарубежными научными и образовательными центрами; *М. Зинченко*. Деполитизация ислама как основа стабилизации на Северном Кавказе; *Салих Муслимов*. Молодежь Дагестана о религиозно-политическом экстремизме и терроризме; *М. Колесниченко*. Азербайджан в системе международных отношений; *А. Шустов*. Трансформация этноконфессиональной структуры новых независимых государств Центральной Азии; *Александр Алексеенко*. Казахстан: Проблемы иммиграционной политики; *Константин Григоричев*. Мигранты из Средней Азии осваивают Сибирь (на примере Иркутской области); *Георгий Ситнянский*. Интеграция в Центральной Азии: Российский и турецкий проекты – соперничество или сотрудничество?; *Роберт Блэквил*. План «Б» в Афганистане; *Максим Братерский*. Подъем Ирана?; *Кристиан Коутс Ульрихсен*. Персидский залив: Есть ли жизнь после нефти?; *Сергей Кургиян и коллектив авторов*. Обострение ситуации в Йемене; *А. Петрухина*. Некоторые теоретические основания становления и распространения исламистской идеологии.

№ 4 (238)

В. Путин. Россия: Национальный вопрос; *Михаил Делягин*. Непубличный аспект кризиса демократии; *Леокадия Дробижева*. Российская идентичность и толерантность межэтнических отношений: Опыт 20 лет реформ; *А. Сайдарханов*. Участие местных сообществ в России в развитии межкультурных коммуникаций; *Айдар Хабутдинов*. Мусульманская образовательная традиция в Нижегородском регионе; *Ф. Кулиев*. О религиозной идентичности народов Северного Кавказа в условиях глобализации; *В. Никеров*. От Фукусимы до Ливии: Политизация трубопроводного соперничества на каспийской энергетической сцене; *А. Клименко*. Дестабилизирующие факторы в отношениях между Киргизстаном и Узбекистаном; *Хаким Абдулло Рахнамо*. Ислам в высших учебных заведениях Узбекистана, Таджикистана и Киргизстана; *Нурлан Абдулов*. Процессы регионализации, интеграции и институционализации в Центральной Азии; *А. Захарьин*. Ислам в Китае; *Илтер Туран*. Турция на подъеме: От неразвитой страны к региональной державе; *А. Яковлев*. Саудовская Аравия в начале XXI века: Госу-

дарство и проблемы развития; *Леонид Исаев*. «Перманентная революция»: Арабский мир в поисках стабильности; *Борис Долгов*. Мусульманская диаспора во Франции: Светская демократия и исламская идентификация; *Вячеслав Белокреницкий*. Демографическое будущее исламского мира; «Много лет мы жили в одном государстве...».

№ 5 (239)

Игорь Иванов. Какая дипломатия нужна России в XXI веке?; *Я. Амелина*. Федеральное «ваххабитское лобби» и «стокгольмский синдром» интеллектуалов; *Дугурхан Кокорхоева*. Институциональное развитие политической власти в Республике Татарстан; *Лейла Алмазова*. Развитие системы религиозного образования в современном Башкортостане; *Заид Абдулагатов*. Влияние религиозного фактора на экстремистское поведение дагестанской молодежи; *Рашид Эмиров*. Перспективы реформирования национально-территориального устройства Северного Кавказа; *А. Клименко*. Центральноазиатские республики: Дестабилизирующие факторы в отношениях между ними и их влияние на ситуацию в регионе; *Ольга Гайко*. Национальное строительство в Казахстане; *Дмитрий Фурман*, *Санобар Шерматова*. Причины «коротких циклов» падения и воссоздания авторитарных режимов в Киргизии; *Рахмон Ульмасов*. Таджикская миграция: История, последствия и уроки; *Александр Джумаев*. Центральная Азия: 20 лет спустя; *А. Чулиева*. Деятельность западных неправительственных организаций в Центральной Азии; *Елена Пономарева*, *Георгий Рудов*. Афганский фактор в политике стран Центральной Азии; «Пакистан – сложная страна». (Из интервью А. Асланян с британским журналистом Анатолем Ливеном); *Т. Бадамшина*. Роль ислама в политической жизни современной Турции. «Нурджисты» и ислам, «нурджисты» и власть; *К. Краснов*. Процесс принятия внешнеполитических решений в Исламской Республике Иран; *Альберт Куприн*. Арабы в Аргентине: Ислам и процессы интеграции; *Дина Мальшиева*. Мусульманские страны в мировом сообществе; *А. Кива*. Рост политического ислама как следствие противоборства двух сверхдержав.

№ 6 (240)

Нам 20 лет; *Андрей Семченков*. Предупреждение и нейтрализация внешних угроз политической стабильности России; *Наталья Говорова*. Развитие демографической ситуации в современной России; *Наталья Мухаметишина*. Мусульманское сообщество России под влиянием миграционных процессов. (На примере Самарской области); *Лилия Сагитова*. Традиционное и новое в российском исламе; *К. Гаджиев*. О природе политических режимов национальных республик Северного Кавказа; *Дмитрий Котеленко*. Исламский фактор в контексте безопасности Северного Кавказа; *Николай Силаев*. Постсоветский путь Азербайджана; *И. Искаков*. Специфика политических институтов и процессов в Центральной Азии; *С. Казиев*. Традиции национальной политики и межэтнические отношения в современном Казахстане; *Евгений Бородин*. Киргизстан: В поисках своего собственного пути развития; *А. Рахнамо*. Трансформация политической культуры «политического ислама» в Таджикистане; *Игорь Филькевич*. Современные тенденции развития Туркменистана; *Виктор Коргун*. Афганский конфликт и Центральная Азия; *В. Аватков, А. Солодовникова*. Сценарии и тренды развития российско-турецких отношений; *Анастасия Рожкова*. Проблема терроризма и религиозного экстремизма в современном Пакистане; *Борис Долгов*. Исламистское движение в Алжире; «Авторы теории столкновения цивилизаций выдавали желаемое за действительное». (Из интервью с членом королевской семьи Саудовской Аравии принцем Турки бен Фейсалом аль Саудом); *Петер Андерсен*. Мигранты берут Европу на абордаж; *Роберт Ланда*. Политические волнения в арабском мире: Видимость и суть; *В. Кириченко*. Шииты в политической жизни арабских стран (вторая половина XX – начало XXI в.); *Фрэнсис Фукуяма*. Будущее истории. (Сможет ли либеральная демократия пережить упадок среднего класса).

№ 7 (241)

Алексей Богатуров. Распад СССР изменил международные отношения, но не сделал их гармоничней; Стала ли Россия демократией?; *Ольга Васильева*. Политическое управление этнокультурным процессом на Юге России в конце XX – начале XXI в.; *Асиет Аихамахова, Ирина Яковенко*. Современное состояние религиоз-

ного сознания россиян. (На примере Адыгеи); *Юлдаш Юсупов*. Традиционные исламские течения в общественной жизни современного Башкортостана; *И. Хубиев*. Этнополитические процессы в постсоветской Карачаево-Черкесии: Уроки и выводы; *А. Арешев*. Современный Кавказ: Нестабильная периферия «Большого Ближнего Востока» как закономерный итог постсоветского развития?; *Сергей Золотухин*. Русские в Казахстане; *Евгений Борodin*. «Конфликт Юга и Севера» как причина нестабильности политической системы Республики Киргизия; *Н. Алмамедова*. Особенности политической культуры женщин в Центральной Азии. (На примере Туркменистана); *Владимир Орлов*. Зачем и кому нужна война с Ираном; *П. Топычканов*. Пакистан и межрелигиозный разлом; *К. Бутба*. Политика США в Ираке в конце XX – начале XXI в.; *А. Манойло*. Революции на Ближнем Востоке и в Северной Африке: Политический прагматизм и технологии управляемого хаоса; *А. Жиоржини*. Ислам и система образования Франции; *Р. Шарипова*. Мусульмане Запада: Путь к сосуществованию; *Ольга Бибилова*. Культура поведения и нормы общения в исламе.

№ 8 (242)

И.П. Шмелёв. Россия в дихотомии Восток–Запад через 50 лет; *Игорь Котин*. Ислам в России и перспективы мусульманско-христианского диалога; *А. Юнусова*. Национальная политика и этноконфессиональные процессы в Башкортостане в контексте «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.»; *Ирина Кузнецова*. Формирование социального капитала мусульман: Роль благотворительности; *Е. Бабошина*. Конфессиональный фактор в межнациональных отношениях (на примере Республики Дагестан); *С. Суцкий*. Современный Северный Кавказ – системный кризис или инерционное развитие?; *Лаура Ерекешева*. Современные аспекты развития ислама и христианства в Республике Казахстан; *Лариса Хоперская*. Россия и Киргизия в учебниках Республики Киргизия; *Алексей Малащенко*. Таджикистан: Долгое эхо гражданской войны; *Игорь Филькевич*. Особенности роста экономического потенциала Республики Узбекистан; *Сергей Николаев*. Центральная Азия в геополитических планах США; *Леонид Васильев*. Некоторые особенности борьбы с терроризмом в Центральной и Южной Азии; *Р. Омаров*. События «арабской весны» в контексте внешней политики Исламской Республики Иран;

О. Пересыпкин. Йеменская Республика: Назад в будущее; *В. Евсеев.* О двойственности роли армии на Большом Ближнем Востоке; *Т. Джакоби.* «Мусульманская угроза», насилие и деполитизирующие элементы «нового культурализма».

№ 9 (244)

Валерий Степанов. Демографическая и социальная картина России: Итоги десятилетия; *Азамат Буранчин.* Современное башкирское общество в условиях кризиса национальной идентичности; *Андрей Лукиенко.* Культурно-идеологические аспекты роста напряженности в Северо-Кавказском регионе; *А. Драганов.* Иран и Кавказ в структуре современных региональных геополитических процессов на Ближнем Востоке; *Идият Оруджев.* История, проблемы и перспективы межрелигиозного диалога в Азербайджане; *Алексей Малащенко.* Белый пароход Киргизии среди львов постсоветского авторитаризма; *Елена Кузьмина.* Туркмения на современном этапе: Проблемы и возможности развития; *Мунзифахон Бабаджанова.* Поликультурное образование в Таджикистане: Первые шаги; *Музафар Артиков.* Парадигмы межрелигиозной толерантности в Узбекистане: История и современность; *Виктор Коргун.* США в Афганистане: Миссия невыполнима?; Новое в постановке вопроса о национализме и национальной идентичности: Турция в начале XXI в.; *Марина Каменева.* Влияние глобализационных процессов на культурно-языковое развитие в Иране (XX – начало XXI в.); *В. Беляков.* Принципы деловой жизни в Египте; *Ольга Меренкова.* «Британские бангладешцы» в поиске идентичности; «Восточный сценарий» – новая доминанта развития мира.

№ 10 (244)

Дмитрий Ефременко. В ожидании штормовых порывов. Российская внешняя политика в эпоху перемен; *Стивен Коэн.* Провалившаяся американская двухпартийная политика в отношении России; *Дмитрий Фролов, Александр Макеев.* Геополитическая конкуренция в информационном пространстве современного российского общества; *Мариэтта Степанянц.* Роль диалога культур в идентификационных процессах постсоветской России;

Л. Изияева. Анализ региональной безопасности сквозь призму межэтнических отношений. (На примере Республики Башкортостан); *А. Набиуллина.* Формирование национального самосознания личности в полиэтническом регионе на примере Республики Татарстан; *В. Меркурьев.* Терроризм и преступные сообщества, действующие на Северном Кавказе; *Анатолий Кулябин.* Реставрация монархий на постсоветском пространстве?; *А. Салиев.* Современная роль ислама в общественном и политическом пространстве Республики Киргизия; *Людмила Максакова.* Оценка трудового потенциала Узбекистана с позиций перспектив миграции; *А. Умнов.* Афганистан–Пакистан: Вчера и сегодня; *Максим Братерский.* Иранский кризис разрешится в Сирии?; *Дина Малышева.* Новая ближневосточная стратегия Турции; *Борис Долгов.* Исламистское движение в Тунисе и Марокко; *Ольга Бибикова.* Арабы и французы: Трудности взаимного восприятия; *И. Титаренко.* Межкультурная коммуникация в эпоху глобализации: Толерантность или борьба за культурную идентичность?; Суфизм в современном мире; Влияние религиозного фактора на общественно-политическую ситуацию на Юге России.

№ 11 (245)

Михаил Хазин. Мир на пороге новых перемен; Важные события последнего 20-летия в оценках россиян; *Рашид Эмиров.* Исламский узел в контексте национальной безопасности России; *Юлай Шамилоглу.* «Джагфар тарихы»: Как изобреталось болгарское самосознание; *Ю. Клычников.* Современные политические процессы на Северном Кавказе: Конфликтологические факторы; *Ю. Азикова.* Стратегии деполитизации «черкесского вопроса»; *Гебек Гебеков.* Исламский фактор в культуре постсоветского Дагестана (1992–2006); *Георгий Цаголов.* Истоки «казахского чуда»; *К. Исаев, К. Кокомбаев.* Современные проблемы национально-государственной трансформации Киргизстана; *Л. Манякин.* Комплексные интересы России в Центральной Азии в начале XXI в.; *Ю. Томилова.* Новая глобальная политика Турции и интересы России на Ближнем и Среднем Востоке; *М. Конаровский.* Афганистан: déjà vu. Что дальше?; *А. Манойло.* Конфликт США с Ираном: Прогнозы и перспективы развития; *Владимир Карякин.* Саудовская Аравия и Катар – провозвестники нового арабского халифата?; *Эберхард Шнайдер.* Мультикультурализм в Германии; *Аль Хассан Мохамед,*

Сергей Рязанцев. Демографическое развитие арабских стран: Тенденции и перспективы; *Н. Скороходова.* Социальные сети как инструмент управления сознанием; Религиозная социология политического ислама в Марокко.

№ 12 (246)

Л.В. Скворцов. Продромы поля современной геополитики; *Александр Рар.* Россия – Европа, но не Запад; *Айслу Юнусова.* Интеграция религиозного и светского образования: Модели, практика, перспективы; Международный семинар-совещание представителей стран СНГ, посвященный проблемам подготовки специалистов по истории и культуре традиционных религий; *Виктор Авксентьев, Борис Аксюмов.* Конфликтологические сценарии Юга России в контексте социокультурного развития региона; *Алексей Малашенко.* Новый президент и «старый» Северный Кавказ; *Адаш Токтосунова.* Проблемы и перспективы межрелигиозного и межэтнического диалога в Киргизстане; *Анатолий Адамишин.* Уроки примирения в Таджикистане; *Александр Шустов.* Получат ли США военную базу в Узбекистане?; *Адиб Халид.* Постсоветские судьбы среднеазиатского ислама; *Марк Катц.* Сирия для России как Афганистан для СССР?; *Анатолий Клименко.* Возможные последствия вывода ВС США и НАТО из Афганистана для внутренней и региональной безопасности; *Борис Долгов.* Арабский Магриб и российские интересы; *Г. Магомедов.* Этикет в арабо-исламской культуре; Список статей, опубликованных в бюллетене «Россия и мусульманский мир» в 2012 г.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2012 – 12 (246)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 22/XI-2012 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 12,5 Уч.-изд. л. 11,5
Тираж 500 экз. Заказ № 201

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

